Млечный Путь, XXI век

ВЫПУСК 2 2025 (51)

Литературно-публицистический журнал

Иерусалим

Млечный Путь, 21 век, номер 2(51), 2025

Владимир Моисеев, Ярослав Кудлач, Ирина Богдановская, Елена Ермакова, Аркадий Кохан, Пауль Госсен, Дарья Странник, Анна Самарина, Елена Шагирова, Евгений Добрушкин, Леонид Ашкинази, Александр Каминский, Сергей Сухоруков, Мюррей Лейнстер, Петр Люкимсон, Даниэль Клугер, Наталья Новаш, Шимон Давиденко, Таня Гринфельд

Аннотация
Журнал Млечный Путь. "Млечный Путь, 21 век, номер 51 2025
Повесть
Владимир Моисеев. СЕМИНАР МЕРТВЫХ ФАНТАСТОВ
Рассказы
Ярослав Кудлач. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО
Ирина Богдановская. ВОИН СВЕТА

Елена Ермакова. Секрет
Аркадий Кохан. Человек, который хотел на Луну
Пауль Госсен. Девочка с бластером
Ольга Сажина. Барт
Дарья Странник. Когда нас позовут
Анна Самарина. Звёзды знают лучше
Елена Шагирова. По закону притяжения
Миниатюры
Евгений Добрушин. Таракан
Леонид Ашкинази. О случайности
Александр Каминский. КОШКА
Сергей Сухоруков. Неправильный чёрный кот
Переводы
Мюррей Лейнстер. Боги галерки
Эссе
Петр Люкимсон. Последний мушкетер
Даниэль Клугер. РЕАЛЬНОСТЬ ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ.
Книжная серия "ЖЗЛ": Жизнь Забытых Людей.
(из книги "Наглухо закрытые премьеры")
Дмитрий Аникин. КОЦЕБЯТИНА,. или путевые заметки классициста
Кирилл Берендеев. ПСЕВДОНИМ КАК СИМВОЛ ВОЛЬНИЦЫ
Наталия НОВАШ. ЭССЕ О ПРИРОДЕ ПАМЯТИ
НАУКА

Шимон Давиденко. ЧТО СКАЗАЛ БОР
Стихи
Даниэль КЛУГЕР
***
РОЯЛЬ (на концерте)
ЗА КНИГОЙ
Таня ГРИНФЕЛЬД
Брунеллески. Флоренция
Данные об авторах

Аннотация

Содержание

Повесть
Владимир Моисеев "Семинар мертвых фантастов"

Рассказы
Ярослав Кудлач "Последнее слово подсудимого"
Ирина Богдановская "Воин Света"
Елена Ермакова "Секрет"
Аркадий Кохан "Человек, который хотел на Луну"
Пауль Госсен "Девочка с бластером"
Ольга Сажина "Барт"
Дарья Странник "Когда нас позовут"
Анна Самарина "Звезды знают лучше"
Елена Шагирова "По закону притяжения"

Миниатюры
Евгений Добрушин "Таракан"
Леонид Ашкинази "Случайности"
Александр Каминский "Кошка"
Сергей Сухоруков "Неправильный черный

кот"

Переводы

Мюррей Лейнстер "Боги галерки"

Эссе

Петр Люкимсон "Последний мушкетер"

Даниэль Клугер "Реальность галлюцинаций"

Дмитрий Аникин "Коцебятина"

Кирилл Берендеев "Псевдоним как вольница"

Наталия Новаш "Эссе о памяти"

Наука на просторах Интернета

Шимон Давиденко "Наше место во Вселенной"

Стихи

Даниэль Клугер

Таня Гринфельд

Журнал Млечный Путь

"Млечный Путь, 21 век, номер 51 2025

Повесть

Владимир Моисеев

СЕМИНАР МЕРТВЫХ ФАНТАСТОВ

Как заставить писателя работать на себя

В свое время, когда Сомов был молодым, начинающим и не в меру самоуверенным эгоистом, ему казалось, что не существует на свете более увлекательного и легкого занятия, чем писательский труд. Сидишь и записываешь очередную увлекательную историю, которая сама собой возникает в твоем тренированном мозге. Слова послушно приходят и занимают придуманные писателем места. Иногда их приходится переставлять, но это уже не работа, а чистое удовольствие - попытка достичь внутреннего и внешнего совершенства, которое никого кроме автора не интересует. То есть, абсолютно безумное желание достичь некоего ускользающего идеала, которого в реальной жизни не бывает. Но писателей такой пустяк никогда не останавливал.

Потом, конечно, эйфория прошла. Быстро выяснилось, что писательство - тяжелый и часто неблагодарный труд, от которого невозможно

отделаться. Можно перестать писать, но отравленный однажды ядом сочинительством мозг переделать не удастся. Человек будет выдавать новые тексты в уме, часто даже не удосуживаясь записывать или просто запоминать их. Мозг писателя будет продолжать трудиться, наверное, даже если тот не отдает себе в этом отчета.

Сомову было неприятно сознавать, что сейчас он, против своей воли, утвердился в состоянии "не отдающего себе отчета". Это было обидно. В конце концов, не для того он в свое время учился читать и писать. Но в Деревне мертвых космонавтов - странном псевдопространстве, где исполняются почти любые желания обитателей - по-другому, видимо, не бывает.

Ситуацию, в которую он попал, нелегко назвать обычной. Вырванный из привычной жизни, лишенный читателей и малейшего представления о принципах устройства псевдореальности, где отныне вынужден существовать, что он мог поделать? Что сочинять? Как писать книгу, если ты не сознаешь, что происходит вокруг тебя? Как прикажете понимать, что такое хорошо и что такое плохо? Как отыскать конфликт, без которого невозможен никакой текст? О чем писать?

Сомов был оскорблен и чувствовал себя ма-

леньким, незаслуженно обиженным ребенком, который был брошен родителями на произвол судьбы. Он растерялся. Инструкции для него не написали. Понятно было одно: плакать бессмысленно, это не поможет. Сомов никогда не считал, что сохранять в себе сознание ребенка - хороший выбор. Пора повзрослеть и найти себе занятие. Например, стать полезным Петрову и Карпову.

Открытый литературный семинар

Петров предложил Сомову организовать в Деревне литературный семинар, собрать брошенных на произвол судьбы писателей, как Карпов это проделал с учеными. Но заняться этим проектом можно будет только в том случае, если он сам сумеет написать что-то стоящее. Иначе ему будет стыдно смотреть в глаза предполагаемым семинаристам. О чем? Можно было спросить у Петрова или Карпова. Но сомнительно, что он получит от своих ученых друзей внятный ответ. Сомову почему-то казалось, что и они плохо представляют, какой текст мог бы заинтересовать жителей Деревни мертвых космонавтов. А сам он ничего стоящего придумать не смог. Сначала надо было придумать, как следует устроить нормальную жизнь в псевдореальности Деревни,

чтобы существование не выглядело наказанием, а потом рассуждать о возможном литературном произведении. Но если даже признанные умники уже целый месяц не способны сказать ничего внятного по этому поводу, ему и подавно не раскрыть тайну. А в том, что она есть, сомнений не было. Впрочем, тайна для литературы - известный источник вдохновения.

Но сможет ли хваленая наука Петрова разобраться с устройством этого странного мира? Сомов не собирался отвечать на этот вопрос. Он не ученый. Понятно, что он многого не знает, точнее, ничего не знает, и судить о том, нужна в Деревне наука или нет, не может. Сомов еще ребенком понял, что ученый из него не получится, да и философом ему не стать. Не так устроен мозг. Вместо этого он научился отличать бессмысленные занятия от полезных и необходимых. Но сейчас даже такой простой выбор был для него непосильным трудом.

Проще всего было наплевать на пустые рассуждения и вернуться к работе, которую он умел делать достаточно хорошо. И написать книгу, которую Петров соизволит прочитать. И пусть он станет единственным читателем, в этом не было ничего обидного. Сомов вспомнил, что послед-

нюю свою книгу он написал для пяти человек. Так что удачный опыт сочинения книг не для продажи у него имелся.

О чем написать? О себе, естественно. О личном опыте проживания в мире бесперебойно исполняющихся желаний. С подробным объяснением того, почему ему так хочется вернуться в мир, где желания будут исполняться только изредка, и только если как следует поработать для этого. Текст можно сделать достаточно читабельным. Да что там, лично ему было бы интересно прочитать такую книгу, если бы ее написал какой-нибудь местный житель. И в самом деле, почему бы не написать что-то подобное? Попробовать стоило. Чего проще - доходчиво объяснить, почему любого человека стошнит, если любые его мечты будут сбываться с тупым упорством. И он это обязательно сделает, если поймет, почему это происходит с ним и с его друзьями, Петровым и Карповым.

Конечно, это можно будет сделать. А потом Сомов сообразил, что сумел обнаружить первое рациональное умозаключение об особенностях жизни в Деревне, тот самый конфликт, который только и может стать основой литературного произведения. Он представил ученого, который

не может отныне заниматься наукой, поскольку наука - это изучение причинно-следственных связей. А если их больше нет, то в Деревне познание не может считаться наукой. Что прикажете делать несчастному ученому? Найти другое занятие? Продолжать свои пустые исследования? Разобраться в этом можно только с помощью литературы.

Сомову стало любопытно, как с ненужностью науки справляется Петров. Пусть объяснится. Вот для кого занятия наукой всегда были важны. И что он собирается делать теперь? Какой выход нашел? Сомов почти решился побеспокоить Петрова, но тот неожиданно появился сам, не предупредив о визите заранее. Петров по-прежнему считал, что имеет право поступать согласно собственным представлениям. И все-таки. Визит без уведомления? В Деревне для такого поступка обязательно должна быть веская причина. Неужели Петров придумал, как использовать Сомова с максимальной пользой? Это была хорошая новость.

Сомов давно понял, что любые его слова Петров сумеет использовать для развития своих теорий. Вывернув их наизнанку или обнаружив в них смысл, о котором сам Сомов не догадывался. В

этом не было ничего обидного. Наоборот, ему нравилось быть полезным. А это значит, он должен немедленно рассказать Петрову о новой книге, которую хотел бы написать.

Выслушав сбивчивый рассказ Сомова о том, что в Деревне больше невозможно заниматься литературой и, кстати, наукой, Петров ухмыльнулся. А после горьких слов о том, что отныне все их умения и навыки, которые накапливались всю предыдущую жизнь, больше никому не нужны, от души расхохотался.

- Вы забыли о природном любопытстве, которым, как мне кажется, заражены и я, и вы, и Карпов. Нас такой ерундой, как отсутствие общественного интереса, не проймешь!

- Дело не в этом. Устои нашей работы уничтожены. Потерян смысл. Здесь вы не сможете отличить причину от следствия.

- Ерунда, - сказал Петров твердо.

- Почему? - удивился Сомов.

- Простая психология. Если окажется, что все наши знания ошибочны, возникает потрясающий стимул получить верные знания. Не уничтоженные новыми обстоятельствами. У нас этого желания никто отнять не сможет.

- Но если эти верные знания никому не нужны?

- сказал Сомов горько.

- Экие вы, фантасты, меркантильные! Без явной выгоды ничего делать не способны. Неужели никогда не слышали, что иногда личное любопытство оказывается сильнее стремления к наживе? Это прекрасный способ обогащения, который многие недооценивают.

- Вы еще скажите, что и книги пишут только для того, чтобы понять, почему люди совершают те или иные поступки?

- Неужели вы никогда не интересовались психологией своих героев? - удивился Петров.

- Ну, интересовался. Иногда они ведут себя совсем не так, как я рассчитывал. Но обстоятельства, которые часто оказываются сильнее их стремлений, меня привлекают больше, - сознался Сомов.

- Да. Это любопытно, - сказал Петров. - Напишите книгу о том, как человек, попав в непонятную ситуацию, оказался сильнее обстоятельств и победил. Так бывает. И если талантливо написать, то может получиться неплохо.

- Вы мне предлагаете написать такую книгу?

- А сможете?

- Я? Естественно.

- Прекрасно. Пора вам, Сомов, приниматься за

работу. Другого способа узнать, как тут, в Деревне, все устроено, нет.

- Я пробовал. У меня не получилось. Не могу понять, как правильно жить в Деревне. А незнание, в данном случае не способствует литературному труду.

- Не надо пробовать. Просто садитесь и пишите. Лично меня интересует, как обитатели Деревни попали в это псевдопространство. Наверняка, у каждого из них своя история. Заставьте их говорить.

- Но как это сделать?

Петров разозлился. Он не любил повторять очевидные вещи. Но быстро успокоился. В конце концов, повторить, если человек не понял, - небольшой труд.

- Попробуйте самый простой путь: вспомните, как поступил Карпов. Он повесил объявление в столовой: ученые Деревни, объединяйтесь! И какие-то люди откликнулись. С писателями это получится легче.

- Я бы не откликнулся, - признался Сомов.

- Хвастаетесь! Наговариваете на себя. Обязательно пришли бы и притащили свой новый текст. Фантасты тщеславны. Им нужны читатели, им хочется, чтобы ими восторгались. Так

что, Сомов, перестаньте ныть и принимайтесь за работу. У вас все получится.

Первый клиент

Сомов подумал, что Петров прав и это хорошая идея - прочитать произведения местных обитателей, прежде чем заняться собственным текстом. Начнет завидовать и сам увлечется.

Петров объяснил, как проще всего добраться до чужих текстов. Нужно вывесить при входе в столовую объявление о создании семинара фантастов, где все желающие смогут познакомиться с трудами коллег - писателей Деревни. И, конечно, обещать, что все без исключения тексты, которые авторы посчитают готовыми для распространения, обязательно будут прочитаны членами семинара. На такой крючок, люди, склонные к литературному труду, обязательно должны клюнуть. Семинар - хороший предлог собрать творческих людей. Кстати, почему люди, не желающие общаться, любят обедать в общественном месте? Неужели для того, чтобы все-все поняли, что им нет никакого дела до других обитателей Деревни?

И главное - Сомову надоело думать о том, получится у него или не получится. В конце концов,

от него не требовали ничего сверхсложного. Петров дал конкретные инструкции и попросил выполнить простое действие. Отказывать было глупо. Проще повесить дурацкое объявление на двери в столовой и ждать результата. Если не получится, можно будет сказать: попробовал, ничего не вышло, виноват. И пусть потом Петров придумает что-то другое, поумнее.

Написать объявление было нетрудно.

> **"Писатели и фантасты!**
>
> **Давайте встретимся. Приносите свои произведения. Вместе почитаем, обсудим, можно будет восхититься замечательным произведением коллеги и выслушать теплые слова в свой адрес. Доброжелательные замечания, которые позволят автору исправить досадные ошибки и улучшить текст, приветствуются! До встречи".**

Утром Сомов повесил объявление. Через три часа проверил, не сорвали ли его. К своему удивлению, он обнаружил, что кто-то приписал: "Корпус 7, кабинет 25. Сегодня после обеда".

Кто-то клюнул! Сомов был удивлен и заинтригован. Петров опять оказался прав.

Естественно, он отправился в корпус 7 и без труда обнаружил там кабинет 25. Пожалуй, это был не кабинет, а небольшой зал, специально созданный для собраний и подобных мероприятий. Напротив стола для президиума рядами располагались кресла, как в театре. Сомов занял место за столом - в конце концов, это он написал объявление и стал организатором проекта.

Приготовился ждать, достал блокнот и попробовал придумать сюжет о человеке, который победил плохо складывающиеся обстоятельства. Как попросил Петров. Сначала у человека не получалось, он нервничал и считал себя неудачником. А потом, все как-то само собой наладилось, и он перестал переживать из-за пустяков, потому что нашел для себя подходящее занятие. Нужно будет придумать, что конкретно его вернуло к жизни, что-то простое и понятное. Сомов придумал первую фразу. "Это была хорошая идея - придумать себе электронного собеседника" Но не успел записать, потому что появился первый человек с рукописью в руках. Писатель, надо полагать.

- Здравствуйте, - сказал Сомов. - Рад вас видеть. Хорошо, что вы пришли.

Человек кивнул. Показалось, что даже такой простой и незамысловатый ответ потребовал от

него определенных усилий.

- Вы принесли рукопись?

- В объявлении не было сказано, что я должен буду говорить с вами.

Сомов удивился.

- В объявлении написано, что вы сможете высказать свое мнение о чужом произведении и прочитать свое. Куда уж более откровенный призыв пообщаться и поговорить.

- Пока могу сказать одно - объявление написано неправильно. Слова подобраны неудачно, цель собрания не раскрыта. Прочитавшие его, могут истолковать приглашение превратно, придумав какие-то полезные для себя смыслы, о которых автор документа не предполагал. И получается, что ваше приглашение - наглое вранье.

- Вы правы. Собственно, я и добивался того, чтобы фантасты сами решили, каким должен стать семинар. Не хотел навязывать собственные представления. Лично мне показалось разумным предоставить талантливым людям возможность рассказать о том, что их действительно волнуют. В конце концов, это и есть одна из главных функций настоящей литературы. Однако каждый фантаст должен самостоятельно решить, для чего ему нужен наш семинар.

Человек ухмыльнулся. Это было замечательно, первое проявление чувств. Уже одно это было большой победой. Ничего подобного у обитателей Деревни он пока не наблюдал. Не исключено, что перед ним настоящий писатель - эту категорию людей всегда отличала неспособность сдерживать свои эмоции.

- Не хочу говорить, - сказал человек. - Здесь, в Деревне, лишнее общение очень часто приносит беду и неприятности.

- А у меня здесь есть друзья, общение с которыми приносит мне приятные минутки.

- Вы, наверное, были знакомы с ними раньше, до того как попали в Деревню?

- Да.

- Это не считается. Это совсем другое.

- Как мне к вам обращаться?

- Я не хочу с вами знакомиться.

- Во-первых, вы уже познакомились, во-вторых, если бы не хотели, не пришли в назначенное место. Это вы приписали о корпусе и кабинете?

- Нет.

- Прекрасно. Значит, нас уже, как минимум, трое, - обрадовал писателя Сомов.

- Трое, - испуганно сказал человек. Перспектива познакомиться еще с одним писателем, стала для

него серьезным испытанием.

- Ваше имя? - спросил Сомов сурово.

- Я - Аноним. Это мой творческий псевдоним.

- Принято. Для вас я - Сомов. Запомнили?

- Да.

- Догадываюсь, что для вас тяжело говорить с людьми. Как же вы хотели обсуждать произведения своих коллег? В письменном виде?

- А можно?

- Конечно. Только помните, что любые слова со временем забудутся. А вот ваш отзыв на бумаге останется навсегда и станет документом. Пройдет какое-то время и вам предъявят ваше высказывание, о котором вы давно забыли, более того, может так случиться, что ваше мнение об обсуждаемом предмете изменится, то ли под действием последующих событий, то ли потому, что вы стали на многое смотреть по-другому. Станете объяснять свои новые представления, а вам - документ. Получится некрасиво. Произнесенные слова можно переиначить. Документ - нет.

- Это нормально. Страшно, если мнение с годами не меняется. Жизнь - это изменение. Умение посмотреть на один предмет под разным углом - талант.

- Хорошо говорите, интересно, - сказал Сомов.

- Мне понравилось.

- Я, пожалуй, пойду.

- Идите, Аноним. Подумайте о преимуществах, которые связаны с участием в семинаре. Буду ждать вашего возвращения. Оставляю тетрадь, где каждый участник сможет указать удобное для него время. Я буду общаться со всеми.

- Что вам нужно от нас, Сомов? Чего вы добиваетесь? Почему искушаете?

- Хочу вернуть вам смысл жизни. И не только вам, но и себе.

- Вам не хватает смысла жизни?

- Как любому человеку, у которого его отняли.

- Понятно. Но какая вам от этого радость? А еще проще - чего вы добиваетесь, усевшись за столом и раздавая приказы, как какой-то начальник. Какие тексты вы собираетесь потребовать от нас?

- Я хочу знать, как вы попали в Деревню. Сами или кто-то помог? Мне почему-то кажется, что каждому из вас жизненно важно высказаться. Наверняка мы прочитаем удивительные истории.

- Это все?

- Дальше как пойдет.

- Я написал о том, как человек подготовил себя к перемещению в Деревню. Историческая аллегория. Но его не взяли.

- Годится.

Неожиданный помощник

С первым кандидатом получилось не очень хорошо, надо полагать, Сомов поступил неправильно, усевшись в президиуме. Конечно, ему следовало устроиться в зале. Пришел бы человек, увидел, что уже кто-то сидит, ждет организатора. Тогда бы и разговор получился другой. "Не пришел организатор?" "Я вместо него". "Подождем, должен подойти". "Я не тороплюсь, мне здесь нравится". "Как думаете, из этой затеи получится что-нибудь интересное?" "Обязательно, люди прочитают мою новую повесть. Будут хвалить. Это хорошо". "И мою".

Такой диалог вполне мог состояться. Но... Усевшись за столом, он как бы отделил себя от других писателей, изобразил начальника. Но в Деревне начальников не любят - это уже не секрет. Впрочем, эту ошибку исправить легко. Не получилось с первым писателем, получится со вторым.

Он встал. Его остановил властный голос, возникший в голове.

"Постойте, Сомов. Поговорите со мной. И сделать это будет проще, если вы останетесь за столом президиума".

- Камень, это вы?

"Рад, что вы меня узнали. Привыкаете к жизни в Деревне"?

И действительно, на краю стола появился Камень.

- Что вы здесь делаете?

"А что такое? Я спросил разрешение"! - сказал Камень после небольшой паузы. Удивился, что приходится отвечать на такой глупый вопрос.

Сомов рассмеялся.

- У кого?

"У вас".

- И что я вам ответил?

"Ничего. Этого достаточно, чтобы любое думающее существо догадалось - вы не запрещаете посещать ваше собрание".

- Нет, конечно, - сказал Сомов. - Не запрещаю. Но я не понимаю, зачем вам это понадобилось?

"Настоящий разум никогда не отказывается от развлечений, какими бы странными они не казались на первый взгляд другим биологическим видам".

- Вы считаете, что разговоры с писателями будут смешными?

"Можете не сомневаться! Люди, если посмотреть на них со стороны, очень забавные орга-

низмы. Понятно, что вы смешите друг друга не специально. У вас это само собой получается".

И после паузы добавил:

"Это был комплимент".

- Вы ошибаетесь, Камень. Писатели, если вы до сих пор не поняли, - чрезвычайно обидчивые существа. Они очень трепетно относятся к своим текстам. Шутить по поводу их произведений не советую. Если обидятся, могут совершить необдуманные поступки.

"Да ладно. Я же - всего лишь камень. Что они могут сделать? Обозвать плохим словом?"

- А хотя бы и камень. Думаете, это может служить смягчающим обстоятельством? Самой невинной шутки может быть достаточно для наказания. Пострадать могут и невиновные.

"Это угроза"?

- Предупреждение.

"Я не собираюсь устанавливать личный контакт с участниками семинара. По крайней мере, до поры до времени. Если понадобится, поговорю, конечно. Но пока хочу просто послушать".

- Но зачем? Поржать захотелось?

"Вам, людям, недоступно чувство юмора камней. Но не расстраивайтесь - для вас это знание бесполезно. К тому же, развлечение и ржачка

- разные вещи. Бывает, что и грусть развлекает".

- И все-таки.

"Хочу помочь вашему товарищу Петрову обнаружить Хозяина. Кто-то же нас в Деревню определил? Рассказы деревенских писателей наверняка содержат нужную информацию".

- А если просто спросить у них: "Кто Хозяин?"

"Не пройдет, писатели могут не догадываться, что знают главную тайну Деревни. Но в своих текстах, когда срабатывает подсознание, они могут написать правду. Хочу присутствовать, а потом рассказать всю правду Петрову. Ему понравится".

- Вы думаете, что разберетесь в человеческих текстах лучше, чем я?

"Я должен получить разрешение или сдать зачет"?

- Нет.

"Вот и прекрасно. Ценность взгляда со стороны, еще никто не отменял. Я думаю, что будет правильно считать меня вашим помощником. Будьте уверены, если я замечу что-то интересное, обязательно сообщу вам, Сомов. А уж вы решите, заслуживает ли обнаруженный факт внимания. Мне кажется, что мы сработаемся".

Сомов с сомнением покачал головой.

"Да ладно. Попробовать можно. Грустить будем, если не получится. Но мне кажется, что мы победим".

Литературовед Нина

Нигде не написано, что камни не имеют права высмеивать людей. Верно и обратное. В принципе, в предложении Камня не было ничего странного. Тот охотно общался с ученым Петровым, почему бы теперь не поработать и с писателем Сомовым. Все верно. Но сначала следовало сбить спесь с представителя этой древнейшей разумной расы. Не следует камню смотреть на людей свысока.

И Сомов сказал, стараясь произнести это как можно серьезнее:

- Мне кажется, что и вы, глубокоуважаемый Камень, принесли свой литературный труд. Давайте, я обязательно прочитаю.

"Странная идея! Мы - разумные камни - такой ерундой не занимаемся. У нас обмен информацией более совершенен".

- Не надо стесняться, каждый писатель однажды в первый раз отдает результаты своего труда в чужие руки. Для оценки. Волнительно, понимаю, но это надо пережить. Здоровая критика

еще никому не помешала.

"Я понял. Вы пошутили, Сомов. Это хороший знак, мы сможем с вами подружиться".

- Время покажет.

"Зачем нам время? Мы можем проверить это прямо сейчас. Ваш первый посетитель оставил папочку со своим рассказом. Почитаем"?

- Сами? Не будем никого ждать?

"Именно. Первыми получим важную информацию! Петров нас похвалит".

- А почему бы и нет?

Сомов взял в руки красиво переплетенный рассказ Анонима, но в этот момент в кабинет решительно вошла молодая красивая женщина.

- Подождите меня. Хочу насладиться текстом вместе с вами.

- Вы писательница? - спросил Сомов.

- Нет.

- Тогда зачем вы пришли?

- Чтобы попасть на ваш семинар, я должна получить особое разрешение?

"И от меня Сомов настойчиво требовал объяснения", - произнес Камень.

- Нет. Мы всех принимаем.

- О, я вижу, вы дружите с камнем. Не сразу поняла, с кем вы разговариваете.

- Вы назвали камня Камнем?

- Остроумно? Хорошее имя, подходящее. Я знала его как М-87. Но теперь буду называть Камнем.

"Здравствуйте, Нина, - произнес Камень. - Рад вас видеть. Было понятно, что вы объявитесь в Деревне. Это хорошо, что я не ошибся. Вас интересует Сомов или кто-то другой? Мне очень интересно.

- Сомов. Он - хороший писатель.

"Не сомневаюсь".

- И все-таки, Камень, вы тоже писатель? - спросил Сомов.

"Нет. Про себя я все рассказал. А сейчас, откланиваюсь. Мне пора, не буду вам мешать. Вам есть о чем поговорить".

- А рассказ?

"Потом прочитаем".

Камень отбыл в свою реальность.

- Зачем вы пришли, Нина?

- Хочу познакомиться с вами, Сомов. Дело в том, что я занимаюсь литературой. Я не литературный критик и не литературовед. Моя работа - помогать талантливым писателям работать.

- Вы считаете меня талантливым? Или в Деревне есть кто-то более достойный внимания такой красивой девушки? Рассчитываете об-

наружить подходящий объект для заботы на семинаре?

- Глупый вопрос. Мне интересны вы. А насчет таланта... Напишите что-нибудь сейчас, в Деревне, вот и посмотрим. Отвечу, когда прочитаю ваши новые тексты.

- Я пока даже не представляю, о чем буду писать, - сказал Сомов. - Вам придется подождать. Может быть, очень долго.

- Я не спешу.

- Но я действительно еще не придумал, как написать свою новую книгу.

- Расскажете мне о ней?

- Сомневаюсь. Сюжета пока нет. Так что рассказывать не о чем.

- Давайте без сюжета.

- Петрову нужно, чтобы я выяснил, как в Деревню попадают писатели. Вы знаете Петрова?

- Знаю. Его многие знают.

- Петров считает, что в текстах можно будет отыскать важные факты для его научных исследований. Он хочет понять физику устройства Деревни. Не спрашивайте, каким образом. Не удивлюсь, если он и сам пока не знает. Рассчитывает, что я обнаружу в рассказах писателей Деревни ответы на его вопросы. Сомнительная

идея, но других нет.

- Я его понимаю. Рассказы можно рассматривать как отчет о научном наблюдении. Это разумно. Если мы живем в квантовом мире, можно попробовать обнаружить влияние наблюдателя на события. Литературная запись позволит обратить внимание на мелкие детали, которые могут ускользнуть от традиционного физика. Их изощренный мозг найдет объяснение любым непонятным фактам. Например, нарушениям причинно-следственных связей в пространстве и времени. Физики - они хитроумные. Обязательно придумают что-то этакое. Построят подходящую модель и объявят ее истиной.

- А писатели видят все?

- Не всегда. Но их сознание устроено по-другому. Для писателя крайне важна правдоподобность сюжета. Любые нарушения раздражают его, поскольку в картине мира немедленно провисают сюжетные ходы, возникают обидные просчеты в композиции, психологическая правдоподобность поведения героев теряется.

- И поэтому Петров хочет, чтобы я прочитал все-все рассказы деревенских сочинителей, и отыскал то, что ускользает от него и Карпова?

- Он тебе доверяет. Считает, что ты сможешь за-

метить любые несуразности. Это высокая оценка. Ничего, что я перешла на "ты"?

- Нет возражений. Камень сказал, что тебя зовут Нина. Красивое имя. Мы теперь будем часто встречаться? На заседаниях семинара.

- Конечно. Поможем друг другу. Со мной дружить лучше, чем с Камнем. Он, конечно, замечательный. Но люди должны дружить с людьми.

- Мы хорошо поговорили, мне этого не хватало, - признался Сомов.

- Ага. И мне понравилось. Ты хороший собеседник. А сейчас иди и попробуй написать обо всем, что тебе пришло в голову после нашего разговора. Мне кажется, что сегодня больше никто на твой семинар не придет. А мы обязательно встретимся завтра.

- До свидания!

- Ага. До свидания.

Сомов остался, но больше никто не пришел. Он не стал читать рассказ. Захотел, чтобы при этом присутствовала Нина и Камень.

Доклад Петрову

Утром Сомову захотелось поработать. Очень-очень. О квантовых проявлениях он ничего надумать не сумел. Даже не смог представить,

как они могли бы выглядеть в реальной жизни. Наверное, такие эффекты должны напоминать магические опыты или нарушать привычную онтологию материализма, скатываясь в философию объективного или субъективного идеализма. Он вспомнил, что в качестве первоосновы мира в объективном идеализме обычно рассматривается всеобщее сверхиндивидуальное духовное начало ("идея", "мировой разум" и т. п.). Это идеальное, духовное начало, существующее объективно, порождает мир вещей, предметов, а также и человеческое сознание. В философии объективного идеализма идеи существуют независимо от сознания субъекта. Становиться объективным идеалистом ему не хотелось.

От одной мысли, что ему придется отыскивать априорно существующие идеи, на основе которых создана и функционирует Деревня, Сомову стало грустно. Этим должен заниматься Петров. Или Карпов, в конце концов, их учили проводить научные исследования.

И, словно почувствовав, что Сомов подумал о нем, Петров вышел на связь.

- Как дела?

- Ничего нового и интересного.

- Как прошел первый день вашего семинара?

- Никак. Пришел только один писатель, так что читать его рассказ пока не стал. Подожду, когда соберется больше людей.

- Уже победа.

- Не впечатлительная.

- Камень рассказал, что была еще красивая девушка из будущего, каким-то образом связанная с литературой. Надо бы выяснить, что ее привело на семинар. Она тоже ищет Хозяина?

- Она говорит, что хотела бы прочитать мои новые тексты. И еще, что совсем странно, Нина хотела бы выслушать мое мнение о рассказах сочинителей Деревни.

- Почему странно? - переспросил Петров.

- Как бы это сказать, почему вы интересуетесь текстами местных писателей, понятно. Здесь нет секрета, вам нужна информация, которую могут выболтать писатели. Это разумно. А вот выяснять мое отношение к чужим текстам - довольно бессмысленное желание. Мало ли что мне может понравиться. Это же вкусовщина и отсебятина. Из меня критик - так себе.

- Спросите у нее. Мне кажется, что она честно ответит.

- Неудобно как-то.

- Удобно.

- Не хочу ее обидеть.

- Камень сказал, что обнаружил между вами искры взаимной симпатии.

- Камень - сплетник.

- Нельзя его поведение оценивать привычными человеческими мерками. Он чувствует и думает не так, как люди. Нам повезло, что мы его встретили, он достаточно умен и расскажет о полезных деталях, которые люди могут не заметить. Это полезно.

- Кстати, я не понял, почему он так неожиданно ушел? Очень хотел прочитать рассказ, который принес первый писатель. Но пришла Нина, и он внезапно испарился. Без объяснений.

- Проявил тактичность. Ему хочется, чтобы вы с Ниной подружились.

И сам Сомов от этого не отказался бы. Но сомневался, что его творчество способно всерьез заинтересовать людей, профессионально занимающихся литературой. Он был высокого мнения о своем творчестве, но сомневался, что многие литературные критики с ним согласятся. Проще было считать себя рядовым сочинителем, которых вокруг пруд пруди. Один из многих. Нельзя сказать, что это его расстраивало, его самолюбие не распространялось на такую ерунду. Но ему не

хотелось, чтобы Нина посчитала его не заслуживающим внимания.

- Первый день получился неудачным, - сказал Сомов мрачно.

- Ошибаетесь. Один человек принес свой рассказ. Это уже победа. Появился Камень, от которого я ничего подобного не ожидал. Но раз он появился, значит, ваш семинар - стоящее дело. И, наконец, вы познакомились с Ниной. Вот сколько сразу интересных событий.

- Неужели это поможет вам разобраться с загадками Деревни?

- Нельзя исключать. Мне кажется, что их появление как-то связано с нашей главной задачей - обнаружением управляющего Деревней Хозяина. Но они явно с ним не знакомы. Камень не меньше нашего хочет отыскать Хозяина, но мне кажется, что с помощью Нины мы выйдем на него быстрее.

- Она его вычислит?

- Не удивлюсь. Она очень умная.

- Об этом я и сам догадался.

- Пока все идет хорошо, - сказал Петров одобрительно и подмигнул. - Продолжайте. У вас все получится.

Утренний кофе

Петров Сомова не удивил. Но настроение испортил. По его словам, получалось, что работать должен был именно он - Сомов. В этом был свой резон, спорить не приходилось. Вот только после разговора работать ему расхотелось. Совсем. Книги писать - это приятное, конечно, занятие, которое приносит радость. Что еще надо? Вот только придумывать новый текст, да и думать вообще не получалось. Он посмотрел на тощую папочку с рассказом странного парня Анонима. И отвернулся. Даже читать не было сил.

В дверь тихонько постучали.

"Кого это принесло"? - подумал Сомов с неприязнью, но сдержался и ответил вежливо:

- Входите. Можно.

Это пришла Нина.

- Здравствуй. Ничего, что я утром?

- Здравствуй. Приятный сюрприз.

- Угостишь кофе? Захотелось выпить с тобой утренний кофе. Можно?

- Конечно, кофе - это ты хорошо придумала. Правильно сделала, что пришла, что-то я сегодня не в лучшей форме. Не обращай внимания. Я не грустный, а просто невеселый. Наверное, после

кофе взбодрюсь.

- А что случилось?

- В том-то и дело, что ничего не случилось. И давно ничего не происходит. Меня это бесит.

- Книгу писать не пробовал?

Сомов не удержался и рассмеялся. Ничего подобного от новой знакомой он не ожидал. Петров не удивил, а Нина удивила.

- Думаешь, работа мне поможет?

- Конечно.

- Откуда тебе знать? Мы едва знакомы.

- Не бином Ньютона. По-моему, я уже говорила, что лучше всего у меня получается помогать талантливым писателям. Творческий кризис - неприятная штука. Сейчас пришла твоя очередь.

- Я достаточно талантлив, чтобы вызвать у тебя интерес?

- Да.

- У меня творческий кризис?

- Нет.

- Так почему ты пришла ко мне выпить кофе?

- Хочу быть рядом, когда ты напишешь свою книгу. А еще - ты красавчик.

- А твои работодатели тоже так считают?

Нина хихикнула.

- У меня нет работодателей. Я большая девоч-

ка.

- А деньги тебе кто платит?

- Деньги? В Деревне? Ты серьезно?

Сомов смутился, выставил себя дураком перед Ниной. Фантаст, мозг которого настолько примитивен, что не способен привыкнуть к новой реальности. Обычное дело, сначала сказал, потом подумал. Она не рассмеялась, тактичная девушка.

- Прости. Привык, что только я работаю даром.

- Не расстраивайся. Все писатели - эгоисты. Им приходится постоянно редактировать произнесенные слова. Ты лучше многих, но все равно по природе своей писатель, так что иногда тебе кажется, что кроме тебя никого нет.

- Но у меня есть и положительные качества.

- Не сомневаюсь. Слышала, что ты завариваешь замечательный кофе. Жду.

Нина соврала, но Сомову было приятно. Он никогда раньше не задумывался о том, как правильно заваривать кофе. Не мудрил. Кипятил в жезле воду, бросал туда две ложки кофе. После того, как смесь закипала, снимал с огня и пил. Все. Никаких излишеств.

- Хорошо получилось, - сказала Нина, пригубив напиток. - Научишь потом?

Сомов кивнул.

До семинара оставался час. Они пошли прогуляться в парк. Весенние аллеи прекрасно взбодрили его, сильнее, чем кофе. Молодые листочки сверкали под лучами уже жаркого солнца. Птички щебетали. Сомов чувствовал себя свободным и уверенным в своих силах человеком.

- Ты хотел меня о чем-то спросить?

- Многим писателям ты уже помогла?

- Ты - четвертый.

- Да уж.

- Если тебе это интересно, я никогда не смешивала работу с личными отношениями. У тебя нет причин для ревности.

- Ревность - иррациональное чувство, которое не поддается логике и здравому смыслу. Поэтому возникает сама по себе. Причины для ее возникновения обычно не нужны.

- Хорошо сформулировал.

- Да, кое-что умею.

- В твоем случае причину легко увидеть, - сказала Нина.

- Не понял.

- Предположим, ты встретил девушку, с которой готов провести вечность. И боишься, что она тебя отвергнет. А это уже, прости, ревность

с причиной.

- Согласен, это вполне обоснованная причина для ревности. Ты, Нина, сейчас поможешь мне написать книгу и отправишься искать следующего клиента, пятого. А я останусь один со своей дурацкой, некому не нужной книгой. Так себе перспектива.

- Нет. Ты напишешь замечательную книгу. У меня не будет причин уходить.

- Ты только что сказала, что не смешивала работу и личные отношения. Значит, мне не на что рассчитывать? И я навсегда останусь четвертым?

- Во-первых, как я уже говорила, у тебя нет никакого кризиса. Во-вторых, ты напишешь свой текст и без меня. В-третьих, я не буду тебе помогать, я буду тебе мешать. Для того, чтобы ты иногда задумывался над тем, что пишешь. Это заставит лучше справиться с работой. Тебя иногда следует немного тормозить.

- Чтобы сначала думал, а потом писал?

- Это ведь хорошо, правда? Но, повторяю, ты справишься и без меня.

- Ничего не понимаю, зачем ты тогда пришла?

- Я хочу быть с тобой.

- Камень сказал, что мы прекрасная пара, -

грустно сказал Сомов.

Он понимал, если Нина сейчас уйдет, он больше не никогда не напишет ни единой строчки. Сколько бы Петров его не уговаривал.

- Камни часто сообразительнее людей, - сказала Нина.

- Я знал, что когда-нибудь встречу тебя.

- Рано или поздно это должно было случиться.

Самое удивительное, что они не забыли о семинаре. Сработало чувство долга. Работу надо было закончить. В новом объявлении было указано время начала собрания, кто его написал, Сомов не знал, впрочем, это не имело значения.

В кабинете никого не было. Народ собираться не торопился.

- Я сяду в зале? - спросил Сомов.

- Нет. Неправильно. Писатели будут чувствовать себя увереннее, если увидят организатора. Для них важно, чтобы в случае провала мероприятия ответственность нес специальный человек. Это помогает им сохранять чувство собственного достоинства.

- Один "семинарист" уже сбежал, как только увидел меня за столом, - грустно напомнил Сомов.

- Не переживай. Он обязательно вернется.

"А я уже вернулся, голубки мои"!

- Камень! - воскликнул Сомов.

"Да, это я - Камень с большой буквы".

- Почуял что-то интересное? - спросила Нина.

"Хорошее слово ты применила. Правильное. Я почуял. Именно так работает мое природное любопытство. Надеюсь, вы уже обсудили свои проблемы и готовы продолжить работу. Кстати, мы еще не прочитали рассказ Анонима. Приступим. Мне кажется, что этот парень нас удивит".

Сомов кивнул и начал читать.

Беседа о Боге в винном погребе

Лето 1517 года выдалось необычайно засушливым. Народ готовился к голоду. Завсегдатаи пивных связывали это обстоятельство с неожиданным прекращением отлова и показательного наказания еретиков.

Профессор из Гетенберга Ниавариус даже написал трактат о зависимости количества выпавших в округе осадков от числа поверженных врагов церкви. Опираясь на цифры, он убедительно доказал, что чем больше в городе разжигали очистительных костров, тем больше влаги посылало небо и, естественно, пышнее колосились окрестные пашни. В ученых кругах трактат при-

няли с интересом, рассматривая его, как еще одно хитроумное рациональное доказательство существования Бога.

Совсем иначе истолковывали ситуацию крестьяне. Далекие от политики и вообще от каких-либо теорий, они решили позаботиться о себе самостоятельно, возобновив охоту на ведьм и колдунов. Для проведения столь богоугодного дела тотчас образовался Союз хлебопашцев, который в первый же день постановил отловить некоего Михеля, торговавшего на местном базаре напитком с непредсказуемыми свойствами. Пусть, мол, на небесах увидят, что еретикам прощения не будет. Впрочем, мужики, объединившиеся в Союз, были, в общем-то, ребята законопослушные, они не стали спешить с самосудом, а обратились с просьбой о сожжении негодяя к местному епископу, как положено. Но тот, к немалому их удивлению и против обыкновения, отказал, призвав хлебопашцев к смирению и милосердию.

В глубине души он, конечно, пожалел, что современная политика, до поры до времени, чурается решительных действий, но против церковного начальства не пошел.

Период либерализации и попустительства явно затягивался. Народ ждал перемен, и решение

епископа вызвало неудовольствие. Наиболее нетерпеливые захотели было поджечь ненавистного Михеля без разрешения, но тот был отбит городской стражей и водворен в каземат.

Ропот толпы, прокатившейся по городу, уже нельзя было замолчать. Горожане неожиданно возлюбили хлеборобов. Целыми днями возле телег на базаре толкались любопытствующие, жадно впитывая диковинные рассказы крестьян. И о необычной засухе, поразившей посевы, и о странных, невиданных прежде насекомых, и о собаках-людоедах - грозе ночных дорог, и о призраках, посещавших дома вероотступников в полночь, и о еретиках, открыто обсуждающих условия договора с дьяволом.

Под напором неопровержимых фактов горожане потеряли свою природную склонность к послушанию. Они потрясали своими тяжелыми, натруженными кулаками и выкрикивали в адрес епископа нехорошие слова.

Мартин понял, что момент настал. Горожане были готовы к самым безрассудным действиям, для открытых беспорядков не хватало лишь человека, который взял бы на себя труд повести их.

"Почему бы не использовать энергию бунтарей в святых целях?" - думал Мартин, ясно представ-

ляя себе, что его Претензии как раз и способны довести толпу до исступления. Останется только показать людям, кого следует убивать в первую очередь, и все пойдет само собой.

Резня обещала быть грандиозной, но Мартина это не волновало, он знал, что иначе нельзя. Враги должны быть наказаны. Это не было проявлением какой-нибудь особой всепоглощающей ненависти, просто констатация факта. Должны и все. Потому что это правильно. Нельзя жить рядом с врагом, и не желать ему погибели. По-другому думать Мартин не собирался.

Начать он решил в четверг и, поручив смышленому Меланхтону собрать единомышленников, занялся редактированием рукописи "95 Претензий к Папе".

Ранним утром в четверг Меланхтон зашел за Мартином.

- Пора, мастер. Я нашел одно укромное местечко, там нас никто не найдет! "Серые братья" наверняка уже прослышали о вашем намерении и сделают все, чтобы помешать. Да только вряд ли у них что-нибудь получится.

- Пойдем, ученик, - решительно сказал Мартин. На мгновение в него вселился ужас, опасное дело он задумал, и еще не поздно было отказаться, но

стать рабом столь подлой мысли он не мог себе разрешить. Обычная подлая гнусность разума - вот что это было. И исходить могла только от дьявола. А уж с дьяволом у него были свои счеты.

Винный погреб, где Мартину предстояло переждать пару часов перед выступлением, был отвратителен. Громадные бочки с Рейнским, нависавшие со всех сторон, казались черным предзнаменованием - Божье дело и бочки с винищем!

"Если бы я был язычником, - с отвращением подумал Мартин, - одного вида этого погреба было бы достаточно, чтобы отвратить меня от величайшего дела, которое мне надлежит выполнить. Но я, слава Богу, не язычник. Небесный Отец сказал мне: "Иди и скажи". И я пойду и скажу. Пусть весь мир перевернется, пусть эти собакоголовые проклянут меня. Безумцы. Что мне их проклятье по сравнению с Божьей милостью"!

- Вам не страшно, мастер Мартин?

- Твой вопрос, Меланхтон, лишен смысла. Как я могу бояться дела, возложенного на меня милостью Божьей?

- Так-то оно так, но если "серые братья" узнают, что вы здесь...

- Когда я говорю, что все в руках Божьих, это

означает только одно - все в руках Божьих. И я приму свою судьбу без ропота и сожаления.

- Не ведаете сомнений?

- Нет ничего позорнее сомнений. Ничто так не унижает человека, как сомнения. Тебе пора бы понять это. И запомнить на всю жизнь.

- Но разумно ли это?

- Не смей при мне поминать это слово - разум. Проклятые разумники спят и видят, что смогут вытащить себя из болота за собственные волосы. Будь бдителен - прекрасная распутница заманивает в свои сети и тебя. Чертовское коварство - внушить ничтожному, что он способен диктовать свои условия Богу! Но людишки податливы на лесть! А кому же это выгодно? Кто в этом заинтересован больше других? Скажи мне, Меланхтон? Дьявольские штучки - вот что это такое!

- Возразить невозможно, мастер, но почему же тогда "серые братья" так хотят поджарить вас? Ведь и вы, и они слуги Бога?

- Не так. "Серые братья" служат дьяволу.

- Но постойте... Они люди подневольные. Святая инквизиция...

- Поддаться дьяволу легче легкого. Это льстит и внушает ложные надежды. К тому же это вы-

годно. Денежки, Меланхтон, денежки. Но придет время и спросится с каждого. И с Инквизиции.

- И с Инквизиции??

- И с...

- Не надо... Вы кощунствуете!

- Да? Послушай. Ты веруешь в Бога?

- Верую.

- Ты чувствуешь его направляющую силу?

- Чувствую.

- Нужен ли твоей душе посредник, чтобы вести разговор с Богом?

- ...

- С кем ты предпочитаешь говорить с Богом или с Папой Римским? Одни заключают договор с дьяволом, чтобы больше знать, другие - чтобы править. Ничто не может привести дьявола в больший восторг, чем гордыня человеческая.

- Неужели даже... продают свою душу?

- Это все знают, вспомни хотя бы об индульгенциях.

Мартин замолчал. Меланхтону стало не по себе. Была во взгляде Мартина какая-то неподвластная логике уверенность. Казалось, что он не принадлежит настоящему, и эти дурно пахнущие бочки, вопреки всем предзнаменованиям, только подчеркивали его святость.

Неожиданно Мартин засмеялся.

- Как ты думаешь, почему именно сегодня?

- Не знаю.

- Устранено последнее препятствие. Последнее искушение покориться дьяволу. Я просто выходил из себя, задавая один и тот же вопрос - почему в служении Богу существует эта проклятая иерархия, когда каждый имеет начальника, а в столь приятных дьяволу науке и искусстве таковых нет? Это было бы забавно, представь себе - начальников от науки, которые проверяли бы результаты опытов на соответствие. Или специальный сонм литераторов, руководящих деятельностью не попавших в список разрешенных сочинителей. Чушь! Но в служении Богу такая система есть. Сколько мучений мне пришлось пережить, пока мне не открылось, что это бесстыдный вызов Богу! Дьявольские ухищрения! Наука и искусство сами по себе потакают гордыне людишек. В религии же гордыня устанавливается системой должностей. Дьявол хитер! Но и он бессилен против веры! Запомни это! Кстати, сильна ли твоя вера, Меланхтон? Встанешь ли ты рядом со мной в борьбе за Господа?

- Да. Я готов.

- Что ж, начинаем.

Меланхтон был близок к истерике. Он смотрел на спокойного, умиротворенного Мартина и восхищался им. Так вот она какая - божья благодать! Он почувствовал, что и сам уже под защитой. Судьба его была решена.

Нина объясняет простые вещи

Сомов недоуменно пожал плечами.

- Меньше всего ожидал, что в Деревне мне подсунут такой рассказ, - сказал он с грустью.

- Почему? - удивилась Нина.

- Разве упоминания о религии и Боге помогут нам? Нет-нет. Если мы согласимся с тем, что Хозяин Деревни мертвых космонавтов, устанавливающий здесь законы - Бог, все наши дальнейшие поиски тотчас становятся бессмысленными. Противостоять деяниям всемогущего существа, которое может все, в том числе обнулять любые наши поступки, мы не в состоянии. Даже вступать с ним в переговоры и требовать исполнения наших пожеланий, мы не сможем.

"Почему"? - спросил Камень. - "Лично я готов требовать подобающего отношения у любого существа или сущности".

- Да потому что Бог вправе контролировать наши желания. Ему дано право возбуждать их или

не допускать их появления. Разрешать кому-то включать режим "свободы выбора" или отнять у человека такую функцию. Признав это, мы становимся марионетками без права голоса.

- Есть замечательная религия, в которой лишение свободы выбора делает человека счастливым, - сказала Нина.

- Это какая?

- Боконизм. Человек добровольно отказывается от своего природного права выбирать, а взамен обретает смысл жизни.

- Как Мартин в рассказе?

- Да. Боконисты считают, что насчет каждого человека у Бога есть план, который тот должен исполнить.

- Это не наш случай, - сказал Сомов.

"Ты ошибаешься, Сомов", - сказал Камень.

- Не понимаю, как обретение смысла жизни может привести к нарушению причинно-следственных связей?

"Это просто. Эволюция людей напрямую связана с выживанием человеческого вида. Ваш интеллект создан природой именно для того, чтобы люди могли быстро приспосабливаться к изменениям окружающей среды. Обычно это достигается выбором подходящей стратегии пове-

дения. Самое забавное, что совершенно неважно, правильный вы делаете выбор или ошибочный. Иногда спасительным становится ошибочный шаг. Но, повторяю, это неважно. Главное, что вы делаете выбор. А теперь представьте, что люди не в состоянии сделать выбор - слишком поглощены решением задачи, которую считают смыслом жизни. Здесь причина - ситуация, которая требует быстрого изменения, а следствие - выбор, который должен быть сделан. Нарушение этого понятного алгоритма приводит к гибели".

- Мартин сделал свой выбор, - сказала Нина. - Как бы на его месте поступил ты?

- Не знаю. Не буду спорить. Вот только, как я уже говорил, нам его история не поможет, - заявил Сомов.

- Ну почему же? Вы с Петровым хотели понять, почему обитатели Деревни стараются не общаться друг с другом? И вот ответ: здесь собраны люди из разных эпох. И их представления об устройстве Мироздания не совпадают. Есть религиозные фанатики, есть научные фанатики. Как им договорится?

- Хорошо объяснила. Доходчиво. Признаю, что это был поучительный текст. Обязательно расскажу о нем Петрову.

Они замолчали. Только изредка в голове возникали странные сигналы: "тоц-тоц-тоц". Надо полагать это были обрывки мыслей Камня. Сомов был этому рад. Ему хотелось сосредоточиться и подумать. Нина что-то записывала в свой блокнот. Наверное, готовила рецензию на рассказ Анонима. Для кого? Спрашивать он не стал, захочет, сама расскажет. Не захочет, прервется та чуть заметная симпатия, которая между ними возникла. Сомов рисковать не хотел.

"Ладно, голубки, не буду вам мешать, воркуйте на здоровье. Отбываю, но сначала хочу вас поблагодарить. Этот рассказ мне понравился. Я узнал много нового о людях. Догадывался, что вы - люди - странные существа. Но оказывается вы еще загадочнее, чем можно было подумать. Привет Петрову. Мне с ним легче общаться, чем с вами, писателями. Но и вы - молодцы"!

- Подождем еще? - спросил Сомов.

- Нет, пойдем в парк, - ответила Нина.

Прогулка

Нина выбрала для прогулки аллею времен "бабьего лета". Голубое небо, красивые деревья, листва которых местами уже покраснела, приятный ветерок, не жарко, под ногами шуршат

опавшие листья. Замечательно.

Сомову нравилось идти рядом с Ниной, вот только надо было начать какой-то разговор. И необходимо было выбрать тему, которая была бы интересна Нине. А с этим были проблемы. Да, это была земная женщина, но, скорее всего из будущего, хорошо, если не из очень далекого. К тому же наверняка не из его реальности.

О чем говорить? О литературе? Так себе идея. Нина явно разбиралась в литературе лучше него. Она была знакома с по-настоящему талантливыми писателями, не исключено что с гениями. Себя гением Сомов не считал. Да и не любил он это определение. Или, правильнее сказать, кличку. Кто эти судьи, раздающие звания больше похожие на окончательный приговор? Сам Сомов числиться гением не желал. Попадешь случайно в список, а потом и книжку нормальную не напишешь, потому что все будут ждать от тебя очередной шедевр. И недавние почитатели будут шептаться и посмеиваться: "Этот-то, наш гений, написал обычную книгу. Исписался, надо полагать. Пьянство и азартные игры до добра не доведут!" Б-р-р. Сомов не хотел, чтобы и о нем так.

- Не хочешь говорить о литературе? - ухмыль-

нулась Нина.

- Как ты догадалась?

- Смешные рожи корчил. Явно подыскивал тему для разговора. И самая очевидная тема - о литературе - тебе показалась отвратительной. Твои гримасы буквально кричали: "Нет, нет, нет".

- Я был смешон?

- Нет. Скорее трогательным. А еще точнее - милым.

- Но я так и не знаю, о чем с тобой можно говорить.

- Сейчас нам будет не до разговоров. Мы уже пришли. Не знаю, стрелял ли ты когда-нибудь из лука? А я часто прихожу сюда. Особенно, когда нужно успокоить нервы и подумать.

- Я тебя раздражаю?

- Нет. Мне хочется, чтобы тебе понравился этот вид спорта. Вдвоем стрелять веселее.

- Ты будешь все время меня обыгрывать, - на всякий случай сказал Сомов.

- О нет, это исключено, мы не будем соревноваться.

Через минуту они подошли к поляне, точнее, к небольшому стадиону, предназначенному для занятий стрельбой. С одной стороны, располагались стеллажи с луками и стрелами, с другой,

виднелись деревянные щиты с нарисованными на них яркими мишенями.

- Выбирай себе лук, - сказала Нина. - Впрочем, все они отличного качества.

- Я думал, ты используешь арбалеты.

- Нет. Только спортивные луки из Кореи XXI века. Отборные экземпляры. Для стрельбы на расстояние 25 метров ничего лучшего не придумали.

Сомов взял первый попавшийся. Он был тяжелый. У стрелка должны быть очень сильные руки.

"Хорошо, что я по утрам делаю зарядку" - подумал Сомов с облегчением и попытался натянуть тетиву. Это было тяжело, но у него получилось.

- Подожди, - сказала Нина. - Сначала я.

Она выстрелила. Стрела попала в самый центр концентрических кругов на мишени.

- Видел, как я действовала? Повторить сможешь?

- Постараюсь.

Он постарался скопировать ее движения. И ему даже показалось, что получилось неплохо. Но его стрела не долетела до мишени примерно метр.

- Не получилось, - огорчился Сомов.

- Ерунда, ты молодец!

Следующий час Нина обучала Сомова тонкостям стрельбы из лука. Удивительно, но общее занятие позволило им не только найти общую тему для разговора, но и сблизило их, они перестали быть чужими людьми. Они стали хорошими друзьями, что удивило Сомова, он думал, что для того нужно было съесть пуд соли.

И вот, наконец, стрела Сомова воткнулась в мишень рядом со стрелой Нины.

- Я знала, что у тебя получится! - обрадовалась Нина.

- У меня хорошая учительница.

- Мы сможем приходить сюда, если захочешь.

- Пожалуй. А сейчас куда пойдем?

- У меня дела.

- Работа?

- Да.

- Придешь завтра утром?

- Обязательно. Отказаться от твоего кофе трудно, - сказала Нина.

Наверное, ему следовало пожать ей руку, но Сомов сдержался, это было бы чересчур глупо. Он смотрел, как Нина уходит по дорожке. И улыбался. Прежде всего потому, что он знал, что она вернется.

В отличие от Нины работать он не хотел, по-

этому отправился к Петрову доложить о первом прочитанном рассказе обитателя Деревни.

Петров прочитал текст и остался доволен.

- Наше положение лучше, чем я думал.

- Я думал, что здесь, в Деревне, меня уже ничто не сможет удивить, - сказал Сомов удивленно. - Но вам, Петров, это удается снова и снова.

- Мы уже догадались, что в псевдопространство Деревни попадают люди, которые способны нарушить причинно-следственные связи нашего мира. То есть, создатели нуль-транспортировок, специалисты по ложной памяти, может быть, сновидцы или знатоки квантовой механики, решающие волновые уравнения Шредингера. А теперь мы знаем, что есть и другие способы покинуть Землю, не связанные с наукой. Это важное знание.

- Сверхъестественные, что ли? Связанные с религией или бытовой магией?

- Нам рассказывали о случаях "вознесения на небеса". Но мы самонадеянно пропускали такие истории мимо ушей, потому что эти легенды, не были подтверждены фактами. Маргарита говорила, что существуют деревни, куда попадают люди, далекие от науки. У них свои способы познания. Мы прочитали рассказ и теперь знаем,

что пути нарушения причинно-следственных связей могут быть самыми необычными.

Сомову осталось только согласиться. Он хотел сказать, что это знание не поможет им найти Хозяина, но промолчал. Довольный Петров вряд ли согласился бы с ним. И спрашивать почему, бесполезно. Потом расскажет, если сочтет нужным.

На следующее утро

Утром Сомов постарался заварить кофе как следует, и, естественно, у него получилось плоховато. Нина, впрочем, не заметила этого или сделала вид, что не заметила. Не захотела из-за такой ерунды обижать его.

- Расскажи мне о себе, - попросил Сомов.

- Нет. Это было бы глупо с моей стороны. Хочу, чтобы ты сначала написал обо мне рассказ. Интересно, какой ты меня представляешь? Ты же хороший писатель, придумай меня.

- Сомневаюсь, что у меня получится.

- Пока не попробуешь, не узнаешь.

- А если я ошибусь?

- Вместе посмеемся. Но мне кажется, что у тебя получится.

- Кокетничать не буду. Попробую.

- Отличный ответ, - Нина улыбнулась.

- Расскажи мне про первого писателя, которого ты спасла.

Нина удивилась.

- Зачем тебе?

- Нужно от чего-то оттолкнуться.

- Тебя волнует "правда характера"?

- Нет. Так мне будет проще придумывать.

- А хорошо ли это? В Деревне простота - поражение. Тебе не должно быть просто, ты должен работать изо всех сил. Стараться, пытаться прыгнуть выше головы.

- Ты всем своим "спасаемым" это говорила?

- Да. Это мой основной метод. И, надо сказать, до сих пор он действовал без сбоев. В принципе, всем-всем писателям хочется слышать что-то подобное. Обычно книги, которые дались с трудом - самые любимые.

- Ты будешь стоять у меня за спиной и повторять: "Иди работать! Глава не дописана"?

- Ты в этом не нуждаешься. Я уже говорила: у тебя нет творческого кризиса, и ты талантливый писатель. Со мной или без меня. Тебя не нужно подталкивать, наоборот, полезно немного придержать.

- Но почему я стал четвертым?

- Со мной тебе будет лучше.

- Это отразится на качестве моих текстов?

- Посмотрим.

- Странно жить рядом с литературным критиком.

- Ерунда. Я не литературный критик. Бывают и более удивительные комбинации. Я бы ни за что не поверила, что могу увлечься писателем. Так себе народец. Как правило, все они излишне самоуверенные эгоисты, а то и вовсе - эгоцентристы. В одной замечательной книге прочитала: увидите писателя - перейдите на другую сторону улицы.

- Ну и переходила бы и дальше.

- Так и делала, пока не встретила тебя.

- И теперь заставляешь сочинить о тебе рассказ?

- Да.

- Хорошо. Но пока не расскажешь о своем первом спасенном писателе, ни строчки не напишу.

Нина улыбнулась. Ей явно было приятно, что Сомов интересуется ее прошлым. Но рассказывать о себе не хотелось. Не пришло время. Потом, когда друзья найдут Хозяина, Сомов и сам все поймет. Но сделать это он должен будет самостоятельно, без подсказок. Впрочем, о первом писателе ему услышать будет полезно.

- Мой первый клиент - известный американ-

ский писатель Килгор Хеминг. Он стал лауреатом Нобелевской премии. Наверняка ты читал его повесть "Творчество душевнобольных кошек".

- Да. Помню.

- Хеминг считал себя не просто свободным человеком, а болезненно своевольным. Он любил сравнивать себя с самодовольным котом, который при любых условиях делает только то, что хочет. Он шутливо говорил, что с каждым днем все больше становится похожим на наглую и самоуверенную кошку. Мир которой ограничивается личными интересами. А потом грустно добавлял: "Но поскольку меня по-прежнему волнуют судьбы людей, я необычная кошка - порченная, душевнобольная".

- Красиво сказано.

- Это понимаем мы с тобой. Для Хеминга это стало проклятьем. Он не чувствовал себя обычным человеком. Старался, конечно, но все его попытки заканчивались одинаково - он терял свой талант, проще говоря, его тексты становились унылым барахлом.

- И ты помогла ему написать большую книгу.

- Чересчур сильное утверждение. Я была молода и плохо разбиралась в писательской психологии. Читала о них в умных учебниках. Реальные

сочинители отличались от идеальных моделей. Они были... живые. Хорошее слово. Часто порочные, взбалмошные, когда это им было выгодно, непредсказуемые и до отвращения эгоистичные. Знакомства с другими писателями показали, что Хеминг был особенным даже для писательского сообщества. Моя помощь была минимальна.

- Понимаю, но тебе все же удалось заставить его работать.

- Я смиренно просила Хеминга отказаться от самых сильных пороков, мешающих ему работать: безудержного пьянства, бесконечных любовных историй, ревности и зависти к друзьям-писателям, разрушающей его психику мании величия, желания изображать из себя супергероя, дурацкого интереса к скандальным публикациям в желтых изданиях.

- Неужели тебе удалось сделать его нормальным человеком?

- Это было бы поражением. Нормальность убила бы в нем писателя. После каждого срыва я подбирала его на помойке и заставляла начинать все сначала.

- И все-таки ты победила.

- Вряд ли это можно так назвать. Хеминг довел себя до последней черты. Достал винтовку и

решил вышибить себе мозги. Посчитал, что это решит его проблемы.

- И что сделала ты?

- Возмутилась, высмеяла и назвала жалким слабаком. Это сработало. Хеминг разозлился и стал спорить, заявил, что покончить жизнь самоубийством - его законное право, которое никто не смеет у него отобрать.

- Наверное, он прав, - сказал Сомов.

- Нет.

- И ты его переубедила.

- Сказала, чтобы он сначала дописал книгу, а потом сделал свое черное дело.

- И это помогло?

- Конечно.

- Он дописал. А потом?

- Написал еще одну, потом еще одну... Работа доставляла ему радость. Этого он отрицать не мог.

- Выбросил из головы мысли о самоубийстве?

- Нет. Жил, пока мог писать, а когда понял, что новых книг больше не будет, принял окончательное решение. Нет новых книг, зачем жить? Так он сказал.

- Понимаю, - грустно сказал Сомов. - В Деревне он бы жить не смог.

- Э-э, вот только не нужно глупых ассоциаций.

Ты - другой.

- Это еще нужно доказать.

- Докажем, - жестко сказала Нина. - Кстати, нам пора на семинар.

Второй рассказ

"Это, конечно, замечательно, что я - другой, но пора и за работу приниматься. Петров без меня с писателями не справится", - подумал Сомов.

Он надеялся, что на этот раз писатели придут, но, увы, он ошибся. Никого его приглашение не заинтересовало.

- Никого нет, - сказал он разочарованно.

"Ошибаешься, Сомов. Не время впадать в уныние", - раздался в голове задорный возглас Камня.

- Тебе бы только хихикать. Но ты же видишь, никто не пришел.

"Как же над тобой не посмеяться. И смотришь, а ничего не видишь"!

Сомов демонстративно протер глаза.

- Да. Не вижу.

"Очки купи, наблюдатель".

- Грубишь, Камень.

"Ерунда! Прихожу на помощь людям, когда они без меня справиться не могут. Ты разве не

заметил, что на столе рукописи лежат?"

Нина быстро подошла к столу и подняла две тонких папочки с рассказами.

- Кто авторы? - спросил Сомов. - Как нам их разыскать?

- И эти тексты не подписаны, - ответила Нина. - Очередные анонимы.

- Это плохо.

"Ерунда! Нас интересует содержание, а не авторские права", - сказал Камень с воодушевлением.

- Читаем? - спросила Нина.

"Обязательно", - ответил Камень.

- Слушайте.

Одинокие тоже умирают

В воскресенье Серафим проснулся необычно рано, то ли сработало недавно приобретенное умение получать из будущего весточки, то ли что-то разладилось в организме. Установить точнее, естественно, было затруднительно. Тем более, что он тотчас погрузился в вечную борьбу с определениями.

"Уж не предчувствие ли это?" - спрашивал он себя, но ответить не смог. Как известно, просто предчувствий не бывает - есть предчувствие

счастья, есть предчувствие беды. Здесь и начинались сложности - Серафим не знал, что такое счастье. То, что он слышал об этом феномене от друзей и знакомых (ну там, радость бескрайняя, удача сказочная, верность беззаветная, любовь или ответная, или всенародная, гениальность зарегистрированная) не только не воодушевляло его, но и вызывало недоумение и разочарование.

Не лучше обстояло дело и со словосочетанием "предчувствие беды". Какая, спрашивается, беда может быть у одинокого человека? Беда - это несчастье с близкими людьми. А когда он один? Умрет - внезапная смерть, покалечится - несчастный случай, деньги потеряет - неприятность, с любимой работы выгонят - даже грустить глупо...

Нет, не похоже это было и на сообщение из будущего. Вчера вечером ему показалось, что он наконец-то понял, как сделать нуль-т! Так что, никакое это было не предчувствие, просто хотелось быстрее приняться за работу...

Эксперимент можно было начинать уже вечером. Вряд ли эмоциональная подготовка могла занять больше семи часов.

Серафим достал листок и записал, что ему конкретно следовало сделать днем.

1. Почувствовать облегчение.

2. Прочитать Меморандум Бромберга четыре раза.

3. Купить и съесть полкило колбасы "Степной".

4. Остро почувствовать свое одиночество.

5. Удивиться Меморандуму Бромберга.

6. Указать у Стругацких идею, которую те не поняли.

7. Услышать ноту соль.

8. Получить письмо от подруги.

9. Удивить самого себя.

"В принципе, ничего сложного", - подумал Серафим и таким образом исполнил первый пункт своего плана: почувствовал облегчение - работа началась.

Он достал листки с аккуратно перепечатанным текстом Меморандума Бромберга и принялся с удовольствием читать, как всегда поражаясь потрясающему прозрению авторов и гигантскому объему информации, заключенному в этих пяти листках. Поистине, можно было читать его бесконечно, постоянно обнаруживая для себя все новые и новые откровения.

На этот раз его внимание привлекли два момен-

та в "шапке" документа, до сих пор ускользавших от него.

Во-первых, личность самого Бромберга представляется очень интересной. Достаточно примечателен круг его интересов: историк (отмечен несколькими премиями), профессор (как преподаватель отмечен премией), социолог (доктор социотопологии, член академии), магистр реализаций абстракций Парсиваля, старший консультант КОМКОНа - 1 и, наконец, член корреспондент лабораториума Великой Тагоры. Признание инопланетян особенно показательно, так как глупо предполагать, что научная парадигма землян может быть понятна тагорянам, и они, конечно, не приняли бы Бромберга в члены академии только из ложно понятой дружбы с Землей. Нравственные принципы двух цивилизаций, естественно, столь же существенно различаются, как и их представления о познании.

Заметьте, что он был избран членом-корреспондентом, а не почетным академиком. Следовательно, Бромберг был в состоянии отходить от общепринятых идей и оперировать понятиями чуждой онтологии.

Во-вторых, само по себе перечисление заслуг Бромберга подчеркивало важность информации,

заключенной в шапке документа. Серафим давно понял, что анализ ее не менее полезен, чем содержание основного текста.

Серафим удовлетворенно похлопал себя по коленке. Оба факта могли быть легко объяснены, если признать, что Бромберг не был ученым в общеупотребительном смысле слова. Скорее, занимался познанием, отличным от традиционного, научного. Правильнее его занятия следовало назвать и-наукой (иррациональной наукой), то есть он был и-ученым (иррациональным ученым). Как известно, и-наука занимается изучением не только объективных связей между фактами и явлениями, но и субъективных (иррациональных), при установлении которых личность и-ученого начинает играть важную роль в процессе познания.

В данном случае, биографические данные Бромберга, его пристрастия и приоритеты давали ключ к пониманию модели прогрессорской деятельности Странников.

Теперь можно было расправиться с колбасой.

А что, колбаса, в принципе, хорошая жратва. "Лучшая рыба - это колбаса", вспомнил он песенку рок-дурачков. Но вот почему для реализации нуль-т нужно ее есть, пока установить не удалось.

Надо будет разобраться.

Серафим натянул носки, непроизвольно поджав большой палец, показавшийся в большую дырку. "Поменять? А зачем, все равно надо надевать ботинки", - решил он.

В холодильнике колбасы не оказалось, и он отправился в универсам, встал в очередь.

Неожиданно на его плечо легла чья-то рука, Серафим обернулся. На него, весело прищурившись, смотрел элегантно одетый, но почему-то при этом выглядевший странно парень. Серафим сконцентрировался и тоже улыбнулся - незнакомец был небрит. Отсюда и диссонанс.

- Отойдем? - сказал парень.

- Можно, - ответил Серафим.

- Я все знаю.

- Даже я не знаю все, - засмеялся Серафим, но что-то подсказало ему, что разговор будет нешуточный.

- Ну, в смысле, про тебя.

- Что же?

- Ты занимаешься нуль-т. И близок к ее реализации.

- Хм... Не исключено.

- Но тебе кое-чего не хватает. Так?

- Предположим.

- И помощи тебе ждать не от кого. Нет еще таких институтов, не выросли еще такие академики.

- Ну?

- А в Л. А. тебе сразу, без лишних разговоров, дадут лабораторию, штаты, деньги.

- Л. А. - это лаборатория астрономии?

- Л. А. - это Лос-Анджелес, дурилка!

У Серафима захватило дух.

- Спасибо, не интересуюсь, - сказал он.

- Мое дело сообщить о счастье, которое свалилось тебе на голову, за это заплачено, а ты уж сам решай. Но как бы не пришлось пожалеть, если не согласишься. Одинокие тоже умирают.

Колбасу Серафим купил, но заниматься нуль-т уже не мог. Потерял сосредоточенность.

"Экая неожиданность", - думал он с ожесточением. - "До окончательной победы оставалось только четыре часа, но все пошло насмарку. Глупо думать, что это случайность. Случайностей, как известно, не существует. Но, чего ради, я должен разрушать свой мир, на строительство которого ушло так много сил и времени и начинать все сначала неизвестно где. Причем только потому, что людям, окружающим меня, нет никакого дела до теории проекций. У них своих теорий навалом. А там, в далеком Л. А.,

хотят столь экстравагантным способом присвоить чужое изобретение, даже не подозревая, для чего оно, собственно, предназначено. Они же не смогут его использовать. Наивные, безнадежно ослепленные жаждой наживы, люди. Они могут добиться только самого глупого - помешать мне добиться результата.

Если соглашусь, продолжать работу будет необычайно сложно, акклиматизация займет уйму времени... Да и колбасы подходящей там не найдешь. К тому же я буду официально считаться предателем. И разведчики наши укокошат меня, как предателя. Впрочем, если откажусь, то меня немедленно прибьют ЦРУшники. Какая чертовская неудача - стать стратегическим объектом, который захотят уничтожить обе стороны".

Серафим решил действовать.

На следующее утро, едва усевшись за свой письменный стол, он написал докладную записку в режимный отдел. Вот что у него получилось.

"Докладная записка

Довожу до вашего сведения, что нуждаюсь в защите компетентных органов. Мной заинтересовалось ЦРУ. Вчера, 24 апреля 1989 года, я получил от их предста-

вителя недвусмысленное предложение эмигрировать на Запад.

Представителей ЦРУ интересуют проводимые мной в свободное от работы время исследования, связанные с реализацией нуль-транспортировки (если не вдаваться в подробности, мгновенного внепространственного переноса материи из одной точки в другую). Что они со мной хотят сделать, не знаю: то ли убить, то ли выкрасть. Прошу предоставить защиту.

26 апреля 1989 года.
Серафим Круглый".

Он перечитал и остался доволен - кратко и не оставляет сомнений в серьезности проблемы. Подхватив листок, Серафим отправился в режимный отдел, насвистывая "Город золотой".

- Здравствуйте, Петр Петрович, - сказал он в маленькое, похожее на кассовое, окошечко.

- Здравствуйте, Серафим. Слушаю вас.

- Принес докладную записку.

- Вот как?

Петр Петрович взял листок, прочитал его, покраснел и коротко сказал:

- Заберите!

- И не подумаю. Требую, чтобы вы дали моей бумаге ход.

- Да вы понимаете, на что вы меня толкаете?

- Понимаю, но у меня нет выбора. Теперь это ваша проблема.

Серафим развернулся и пошел к выходу, свое дело он сделал. Одинокие ведь тоже умирают - можно ли об этом забывать.

- Постойте, Серафим! Возьмите свою бумагу. Не стройте из себя дурака. Вам же будет хуже. Зачем вам дополнительные неприятности?

- У меня уже давно начались неприятности. Это я и пытаюсь объяснить вам.

"Пожалуй, я поступил правильно", - думал Серафим, отправляясь домой. - "Официальное расследование должно отпугнуть парней из Л. А. Жаль, что эти глупыши не понимают самого главного - нуль-транспортировка делает бессмысленными государственные границы, а заодно и вопросы приоритета, и вылечивает от чувства превосходства. Не будет этого ничего. Теория проекций неопровержима, но Петр Петрович этого не поймет. Скорее всего, он постарается представить меня сумасшедшим. С моей докладной на руках сделать это не трудно".

Почему-то он вспомнил о Меморандуме Бромберга. Жизнь заставила его увидеть новую информацию.

Как странно, что я раньше никогда не обращал внимания на этот странный абзац, где перечислены крупнейшие ученые Земли, чьи попытки создать модель прогрессорской деятельности Странников были или смешны, или просто неудачливы.

Вряд ли можно согласиться с Бромбергом, что специалисты несерьезно подошли к проблеме. Напротив, встречаются упоминания и о теории вертикального прогресса, и о остроумных решениях, но... не то... Чего-то ученым не хватало. А вот Бромберг смог, в сущности, ученым не являясь.

Да... Не был Бромберг ученым. В этом-то все и дело. Так проявлялось естественное превосходство и-науки перед наукой, когда речь идет об исследовании иррациональных (неподдающихся рациональному человеческому объяснению) явлений, как деятельность инопланетных сверхцивилизаций. Удивительно, что Стругацкие, кажется, никогда не понимали этого. Они считали, что у людей и инопланетян одинаковая логика, потому что никакой другой быть не может.

Серафим вспомнил, как в студенческие годы на одной из лекций маститый ученый сетовал, что среди ученой братии завелись паразиты, которые не желают, в силу природной лени, добывать научные факты (быть экспериментаторами или наблюдателями) или теоретически обрабатывать их (быть теоретиками). А претендуют на роль неких интерпретаторов, преступно пользуясь результатами, добытыми в поте лица своего их трудолюбивыми коллегами. Так вот, об этих интерпретаторах лектор наговорил много плохого и связал с их появлением чуть ли не возможность смерти науки. Серафим не поверил ему. Он хотел сказать, что наука умрет только вместе с интерпретаторами, потому что интерпретация и есть наука. Чтобы понять явление природы, недостаточно математического или какого-либо другого моделирования. Можно знать сколько угодно много о деревьях, но леса не увидеть... Но промолчал, потому что взгляды маститых ученых он не считал обязательной догмой уже тогда.

Серафим почувствовал перед собой какую-то преграду, он поднял глаза и увидел вчерашнего посредника. Надо думать, тот желал продолжить разговор. Что-то в нем изменилось со вчерашнего дня, впрочем, наглости не убавилось. Ах, вот что!

Руки у него были обмотаны какими-то ремнями. Наверное, собрался бить. Развелось профессионалов, по улице спокойно не пройдешь.

- Ну что, надумал? - без предисловий спросил парень.

- О чем это ты?

- Сейчас я тебе напомню.

Он крепко схватил Серафима за руку и потащил в парадную. Неожиданно лицо его перекосило. Он отпустил руку и застыл на миг, а потом опрометью бросился к машине. Судя по раздававшимся звукам, у него заболел живот.

"В интересное положение я попал", - думал Серафим, не в силах бороться с приступом смеха, - "меня поджидают захватывающие перспективы: или пуля, или сумасшедший дом".

Чушь какая-то! Сколько раз можно повторять, что занимающиеся политикой - пропащие люди. Допустимо ли тратить свою жизнь на борьбу за групповые интересы? И при этом всерьез утверждать, что смысла жизни не существует. Впрочем, одинокие тоже умирают, если позволяют распоряжаться своей судьбой кому попало.

Серафим подбросил монетку, и она осталась висеть в воздухе, совершая плавные эволюции, словно попала в состояние невесомости. Он

слегка удивился, и почему-то посмотрел на свою левую руку, которую вчера поранил, открывая банку с морскими водорослями. Шрама не было. Чудеса.

Утром он зашел в режимный отдел, чтобы узнать, есть ли у него еще время.

Машинистка Лидочка была близка к истерике. Она суматошно помешивала ложечкой в своей чашке, выбивая бесконечное: соль, соль, соль...

- Петр Петрович заболел. У него аппендицит. Ночью увезли в больницу.

- Не волнуйтесь. Это же не страшно.

- Конечно, не страшно, но как я здесь одна справлюсь... Вот вам уже что-то надо...

- Мне ничего не надо, - сказал Серафим и направился к двери.

- Постойте, Серафим, - вдруг закричала Лидочка. - Петр Петрович вчера говорил о вас что-то плохое. Недоброжелательное. Мне показалось, что вас будут проверять. По полной программе. Приберите на всякий случай свой стол.

- Я знаю, Лидочка, спасибо.

Уйти надо было молча, даже прощаться не следовало. Серафим проскользнул мимо удивленного вахтера и пошел вдоль набережной, с удовольствием подставляя лицо свежему ветру

с Невы.

Дома он обнаружил в почтовом ящике письмо от Лены. Она радостно сообщала, что отдыхает хорошо, и здоровье у нее хорошее.

"Она будет рада, когда узнает о том, что у меня все получилось", - с удовлетворением решил Серафим.

Он вытащил из кучи на столе папку с рукописью специальной теории проекций, засунул в нее листок с инструкцией по эмоциональной подготовке и написал сверху: "Алексею Петрову". Скорее всего, ему это пригодится. Кажется, он будет следующим.

"А ведь я не похож на одинокого", - подумал Серафим, чем удивил себя несказанно.

Признаться, было приятно считать себя беззащитным и одиноким и говорить, что это злые дяди не дают мне работать, обижают меня и даже хотят убить. А вот теперь я знаю, что они ничего не могут мне сделать. Мое намерение поддержала Вселенная. И его исполнение зависит от меня самого. Не испугаюсь ли я? Нет, конечно, я не одинок больше. Я знаю, что такое счастье. Я знаю, что такое беда. Я знаю, для чего живу. Я знаю, зачем нужно есть степную колбасу. Я знаю, что такое нуль-т. Я больше не частичка Вселенной.

Серафим взял в руки приборчик, который должен был стать нуль-т и засмеялся. А что, и такой сгодится. Он нажал первую попавшуюся кнопку и громко сказал:

- Хочу на Луну.

На лодке

Сомову рассказ понравился, но он решил сначала выслушать отзывы друзей.

- Хороший рассказ, - сказала Нина. - Психология людей, которые попадают в Деревню, передана точно. Кое-что я узнала только сейчас.

- Например? - спросил Сомов.

- Одиночество - вот что объединяет людей, попавших в псевдопространство Деревни.

- Необязательно быть одиноким, чтобы попасть в Деревню.

- Может быть, и так. Но это признак, который встречается у обитателей Деревни слишком часто, чтобы его можно было отбросить, - улыбнулась Нина.

"Высокоинтеллектуальная, но не продвигающая нас к цели болтовня" - произнес Камень.

- Почему? - удивился Сомов.

"Рассказ не помог отыскать Хозяина".

- А если прочитать еще раз?

"Там сказано: "Мое намерение поддержала Вселенная". А потом: "Я больше не частичка Вселенной". Нас упоминание о Вселенной устроить не может".

- Почему? - удивился Сомов.

"Дело в том, что мы не знаем, что такое Вселенная. И тем более, не можем сказать, совпадает ли это понятие для Земли и Деревни".

- Нет, - сказала Нина. - Это разные физические системы.

"Предположим, что Хозяин - Вселенная, - продолжал Камень. - Но мы догадались, что в несовпадающих системах восприятия называем Вселенной разные объекты. Это означает, что и реакции разных "Вселенных" на события в любых отдельных мирах будет отличаться. Хозяину такое поведение непозволительно. Как к нему ни относись, но некоего подобия единых правил он придерживается. Выстраивает мир, где есть место для всех".

- Прочитаем следующий рассказ? - спросил Сомов.

"Нет. Надо обдумать это странное человеческое состояние - одиночество", - произнес Камень. - "Понять его я пока не могу. Наверняка, упускаю что-то важное и очевидное, лежащее на

поверхности. У нас, камней, подобное безобразие невозможно".

- А мы куда? - спросил Сомов.

- Пойдем, покатаемся на лодке.

Парковая аллея возле лучного стадиона резко свернула налево, и они вышли небольшому пруду.

На лодочной станции кроме них никого не было.

- Ты умеешь грести? - спросила Нина.

- Нет, - признался Сомов.

- Ничего, научишься.

Сомов попробовал, и у него, вроде бы, получилось. Лодка отправилась в свое путешествие, только медленно. От непривычной работы мускулы рук напряглись, это было приятно.

- Расскажи, как ты написал свою первую книгу? - попросила Нина.

- Честно говоря, это не стало вдохновляющим приключением, - сказал Сомов.

Он попытался добавить несколько веселых эпизодов, чтобы история не казалась такой печальной, но не преуспел. Наверное, потому, что ничего забавного припомнить не смог. Первая книга - тяжелый этап, который обязан пройти каждый начинающий писатель. Ему нравилось

иногда вспоминать о том юношеском энтузиазме, с которым он взялся за дело. Но он тогда еще ничего не умел. Кончилось тем, что он переписал свои шестнадцать рассказов в толстую тетрадь. И подарил свой сборник девушке, о которой точно знал, что никогда ее больше не увидит.

- Ты жалеешь о своем решении? - с сочувствием спросила Нина, выслушав его короткий рассказ.

- Нет. Некоторые сжигают свои ранние работы, но я бы так не смог. Жалко.

- Никогда не слышала о таком способе расправиться со своими первыми текстами. Но мне твой поступок понравился.

- Только не говори, что сможешь достать эти рассказы из небытия и прочитать их.

- Только, если ты захочешь.

- Не хочу.

- Значит, не буду искать.

- Спасибо.

Они замолчали. Лодка уже отплыла от берега метров на пять.

- Сейчас твоя очередь, - сказал Сомов. - Расскажи о своем втором писателе.

- О, это приятное воспоминание. Иван Хримов - очень талантливый молодой человек. Он написал книгу "Не все люди - люди". Читал?

- Нет. Странное название. Бичевал социальные язвы? Взывал к человечности?

- Нет-нет. Скорее, наоборот. Однажды Хримов узнал, что не является человеком в точном значении этого слова. Его ДНК содержала избыточное количество генетического материала неандертальцев. Таких людей оказалось достаточно много. Их назвали "энэнами", то есть, напоминающими неандертальцев. Представь, молодой писатель неожиданно обнаруживает, что, оказывается, в центре борьбы за выживание конкурирующих видов разумных существ на Земле. Он почему-то решил, что энэн не может писать книги для людей. Для него это стало если не катастрофой, то большой психологической травмой. Без моей помощи он бы не выпутался из ситуации, в которую себя загнал.

- Он влюбился в тебя?

- Не знаю. Мы с ним общались по электронной почте. Он писал мне интересные письма о фантастике. Потом собрал их в одну книгу и опубликовал. "Формальные письма к Нине". Не читал?

- Обязательно прочитаю.

- Я рада, что мне удалось вернуть ему уверенность. Он хороший писатель. От писателя

требуется - фиксировать состояние доступной ему части общества. А от фантаста - описывать мир будущего, в котором он бы хотел жить. Как только Иван Хримов это понял и согласился с этим, моя работа закончилась. Он, если можно так сказать, вылечился и стал выпускать одну книгу за другой.

"Интересно живут помощники писателей", - подумал Сомов, пытаясь подвести лодку к причалу. - "Пройдет некоторое время, и Нина будет новым своим клиентам рассказывать о странном сочинителе, который был вынужден писать книги для пяти читателей. Только ничего интересного обо мне не вспомнит. Я - очень скучный человек. Впрочем, у меня еще есть время исправиться".

- Пора на семинар, - сказал Сомов.

- Сегодня пропустим. Если кто-нибудь придет, Камень нас позовет. Подумаем об одиночестве. А завтра я приду выпить кофе, и мы прочитаем еще один рассказе.

- А я хотел с Камнем поспорить. Он сказал, что рассказ об одиночестве ничем нам не помог, но он ошибся. Я кое-что понял. Если пропустить промежуточные рассуждения, то получается, что в Деревню попадают одинокие люди. А это означает, что для того, чтобы выбраться домой,

нам нужно перестать быть одинокими. Петров правильно поступил, что нашел свою Маргариту. А я, например, не хочу с тобой расставаться. Мне нравится, что ты приходишь по утрам за чашкой кофе, без тебя мне некомфортно.

Нина посмотрела на него и улыбнулась:

- Влюбился, что ли?

- А если и так? Что тут такого? В мои годы пора жениться на красивой, умной и любимой женщине.

- А почему ты раньше не женился? Не сомневаюсь, что у тебя было много подруг.

- Сама говоришь, что писатели - эгоисты. Если я женюсь, то только на женщине, которая никогда меня не бросит, и которую никогда не брошу я. Как бы это сказать проще - хотелось, чтобы нас хватило на всю оставшуюся счастливую жизнь. Как у Петрова и Маргариты.

- Ух ты! - сказала Нина.

- Если я правильно понял, ты не сказала: "нет".

- Подожди.

- Ты будешь думать?

- Подожди. Помнишь, ты обещал написать рассказ обо мне?

- Никогда не забываешь о работе.

- Если я сообщу свое решение, написать рассказ

тебе не удастся. А это нехорошо.

- Завтра рассказ будет готов.

- Вот завтра и поговорим.

Дома Сомов дописал рассказ, отредактировал его и заказал самый лучший букет, который можно было достать в Деревне. Наверное, следовало получить цветы утром, но он вспомнил, что в Деревне эффект старения не действует, так что на свежести цветов лишняя ночь отразиться не могла. А ему было приятно на них смотреть.

Утром, до прихода Нины, Сомов перечитал рассказ. Хорошо получился. Но было интересно, как она воспримет его фантастический подтекст? Будет очень смешно, если Нина признается, что все так и было. Вероятность такого события меньше десятой процента, но не нулевая. Сомов улыбнулся. Он любил порассуждать о разнице между правдой факта и художественной правдой вымысла. Иногда для того, чтобы читатели поверили, приходится искажать действительность самым наглым образом. Детали в тексте могут быть самыми безумными, а вот душевные терзания и психологические проблемы все равно себя проявят. Сомов считал, что ему удалось уловить важные психологические особенности в поведении своей героини. По крайней мере, ему

в это хотелось верить. Такую женщину он мог бы полюбить.

Университетские будни Нины Вернон

Университетский городок на Сан-Лоренцо появился в конце XXII века. Довольно скоро стало ясно, что организаторы просчитались, их денежки плакали. Попытка заставить студентов штудировать науки на фешенебельных пляжах одного из лучших курортов мира с треском провалилась. Соблазны, подстерегающие обитателей острова на каждом шагу, весьма печальным образом сказались на посещаемости лекций. Впрочем, преподавателей это не трогало. И, как результат, дипломы университета Сан-Лоренцо имели крайне низкий рейтинг. Выпускники, правда, узнавали об этом только после безуспешных попыток найти высокооплачиваемую работу.

Нельзя сказать, что попечительский совет не пытался улучшить положение. Появился проект своеобразной реорганизации - часть принадлежавших университету зданий решили передать под новый игорный центр. Но предполагаемые затраты на ремонт и реконструкцию оказались так велики, что и дураку было понятно - развлекательный комплекс дешевле построить заново.

Университет умирал, спасительное решение было найдено только в 2225 году. Новый президент Соединенных Штатов Америки признался, что любит перед сном почитать какой-нибудь длинный роман. Любители бумажных книг немедленно поймали его на слове и стали канючить: "Спасите литературу, спасите литературу..." Тут- то и пригодился университет Сан-Лоренцо. Госдепартамент выделил небольшие, но вполне достаточные средства для создания там Центра истории литературы, здраво рассудив, что подобными делами следует заниматься именно в таком, приятном для глаз и тела месте.

***

Солнце. Яркое, яркое. Небо. Голубое, голубое. Песок. Белый, белый. Море. Синее, синее. Мороженое. Холодное, холодное... А любовь? Всепобеждающая. Далекая от доводов разума. Сотрясающая основы. Не спрашивающая согласия и разрешения. Беспощадная. Обезоруживающая. По крайней мере, такой вывод напрашивается сам собой, если изо дня в день листаешь страницы сохранившейся массовой литературы XX века. Трудно сказать, хорошо ли это. Но нельзя исключать, что подобные сильные чувства спо-

собны сделать некоторых людей по-настоящему счастливыми.

Впрочем, ясно, что не всех. Нина Вернон - заведующая отделом неприключенческой литературы - была неприятно озабочена внезапно возникшими личными проблемами. Казавшаяся такой непрочной и необязательной любовная связь со смазливым парнем, каких на пляже сотни, грозила перерасти во что-то большее. Однажды утром Нина поняла, что Леон - так звали ее знакомого - относится к их знакомству с излишней серьезностью. Более того, недвусмысленно заявил, что готовит брачный контракт. Превращаться ни с того ни с сего в собственность приятного, но малознакомого парня Нина посчитала недопустимой легкомысленностью. Она попыталась образумить чрезмерно пылкого влюбленного, но Леон, совсем некстати, проявил ослиное упрямство и нежелание прислушиваться к голосу рассудка. Переубедить его не удавалось.

Нина вынуждена была навести справки о своем ухажере. Результаты расследования неприятно поразили ее. Несмотря на возраст (ему едва перевалило за тридцать), Леон оказался человеком солидным, успевшим завоевать прочное место в жизни, он заведовал поставкой прохла-

дительных напитков и мороженого в пятнадцати секторах знаменитого центрального пляжа острова. И, что еще хуже, он принадлежал к одной из известнейших и богатейших семей Сан-Лоренцо - Карпето. Доброхоты рассказали, что Леону срочно, в ближайшие месяцы, надо было обзавестись женой, поскольку от этого зависела его дальнейшая карьера.

Нине не удалось, впрочем, установить самое главное: почему Леон остановил свой выбор на скромной сотруднице Центра истории литературы. Создавалось впечатление, что Леон и сам не знает - почему. Внезапный приступ любовной лихорадки Нина отмела сразу. Она слышала о том, что в последнее время на острове отмечено несколько подобных случаев. Но ни один из них, естественно, не был связан с заключением династического брака. А перед Леоном, насколько она поняла, стояла именно такая задача. Почему же, почему? Эта загадка странным образом расположила Нину к Леону. Он ее зацепил. Но связывать свою судьбу с парнем только на том основании, что тот способен на непонятные поступки, было бы неоправданно экстравагантно. Да и страшновато. Семья Карпето могла отнестись к приступу любовной лихорадки своего молодого предста-

вителя без понимания. А вдруг они вздумают вылечить болезнь хирургическим путем! Любому на острове известно, что Карпето человека убить, что таракана раздавить. Кто им помешает? Нет, Нине лишние проблемы были ни к чему.

***

Свое рабочее место в Институте Нина Вернон устроила согласно представлениям, почерпнутым из скрупулезного изучения литературных источников далекого XX века. Широкий полированный стол из темной фанеры, почему-то называемый "письменным", настольная лампа со смешным зеленым абажуром, замысловатая подставка для книг, простенький компьютер, оснащенный устройством для чтения старинных дисков, громоздкий монитор.

Мать, время от времени посещавшая Институт по делам, каждый раз давала волю своему необузданному темпераменту, не стесняясь употреблять самые грязные ругательства, характеризуя убогость интерьера кабинета дочери. Нина привычно напоминала, что занимается изучением старинных книг, а не туристическим бизнесом. Вот где без новейших информационных технологий не обойтись. Мать презрительно

улыбалась.

Вот и на это раз у мамочки было такое выражение лица, что Нина немедленно почувствовала себя туповатой дурнушкой.

- Я не вовремя?

Нину подмывало сказать правду - нельзя отрицать очевидное. Впрочем, требовательный голос матери вернул Нину к действительности. После бесплодных раздумий о действии далекой от доводов разума и сотрясающей основы миропорядка любви, слова матери прозвучали отрезвляюще.

- Согласна, ангелы среди современных мужчин встречаются крайне редко. А может, таковые и вовсе перевелись, в последнее время я их не тестировала, однако должна напомнить: через три месяца тебе исполнится тридцать лет. У тебя осталось всего лишь три месяца, чтобы заключить брак. От положенных мне по закону денег я отказываться не намерена. Даже из любви к своей дочурке.

- Я помню, мама.

- Я поомнюю, маама! Разве эти слова хотела я услышать за три месяца до твоего тридцатилетия?

- Я успею, мама.

- Сколько раз я говорила - не смей называть меня мамой. Я - Диана. Неужели это так трудно запомнить?

- Я помню. Диана.

- Прекрасно. Не сочти, что я лезу не в свое дело, но я тебе не чужая. Хотелось бы верить, что ты заключишь выгодный брак. Вспомни наставления Дианы. Никогда не упускай возможности подзаработать, и твой кишечник не подведет тебя.

- Я всего лишь скромная заведующая отделом неприключенческой литературы. Выгодный брак не для меня.

- Да, твои дружки так себе приобретение, но даже с них можно получить шерсти клок. Если подойти к делу с умом.

- Послушай ма... Диана. Я делаю все, что могу.

- Ерунда. Ты никогда не умела приманивать деньги и не собираешься этому учиться. Меня это возмущает. Когда ты, наконец, повзрослеешь? К сожалению, я уделяла слишком мало внимания твоему воспитанию, хотя теорию знаю: аскетизм, правильное питание и здоровый эгоизм обязательно сделали бы из тебя настоящего человека.

Все одно к одному. Ясно было, что мать от своих денег не откажется. Пятьдесят лет назад в Конституции Сан-Лоренцо появилась уникальная по-

правка, гарантирующая матерям-островитянкам, чьи дочери выходят замуж до тридцатилетнего возраста, получение единовременной премии в размере 5000 долларов. Деньги в специальный фонд внесли местные олигархи, озабоченные падением нравов в среде образованной молодежи. С той поры получение премии превратилось на острове в популярный вид спорта.

Диана (мать) на многое смотрела сквозь пальцы, особенно, если события и поступки близких людей не ставили под угрозу ее интересы. Но перспектива потерять законные 5000 долларов из-за нерасторопности и глупости дочери была противна ее кипучей натуре. Причуды дочери заставляли ее действовать решительно. Нина понимала, что Диана (мать) добьется своего при любом раскладе, однако перспектива получить в мужья Леона не радовала.

***

Был, впрочем, на примете еще один вздыхатель, но думать о нем, как о будущем муже, было, по крайней мере, странно. Заводить шашни с непосредственным начальником всегда гадко. Особенно, если он официально признан гением. Юлиан Мартинес - стоило произнести это имя,

и в Институте немедленно наступала почтительная тишина. Ого-го, слава об этом человеке распространилась по всему белому свету. Неподражаемый маэстро, звезда литературоведения, человек, сумевший сколотить неплохой капитал, читая вслух популярные книжки президенту Соединенных Штатов. Что тут еще добавить! Однажды его требовательный оценивающий взгляд случайно упал на скромную подчиненную, неизвестно, что его зацепило, но Мартинес нашел Нину весьма привлекательной. Чудеса, да и только. Жаль, что ответного чувства не возникло, Мартинес всегда казался Нине скучным и примитивным существом. Наверное, все дело было в том, что Нина слишком много читала старинных книжек. Сформировавшийся в ее мозгу образ "настоящего мужчины" был выдуман и противоречив. Собственно, Нина прекрасно знала, что даже в XX веке многие из покоривших ее воображение героев считались не слишком удачной придумкой, никому не приходило в голову искать их в реальной жизни. И все же Нина ничего не могла с собой поделать, литературные герои казались ей намного привлекательнее потенциальных женихов.

А вот Юлиан Мартинес ни на минуту не сомне-

вался в своей исключительности. Во-первых, он не видел себе равных в толковании старинных книг, ему казалось, что с некоторых пор только он один на всей планете способен пробиться в дебри сокровенного смысла, заложенного в тексты XX века, а во-вторых, он считал себя чертовски привлекательным сексуально. Мартинес был абсолютно уверен, что нормальное поведение любой здоровой особи женского пола в его присутствии есть тихое страстное повизгивание. В подобном поведении он видел торжество природной сущности над здравым смыслом и неуместной расчетливостью. Любая встретившая его исключительный мужской экземпляр женщина не имела права поступать иначе. Любимым афоризмом Мартинеса было следующее утверждение: "Инстинкт всегда побьет рассудок".

О чем можно было говорить с таким человеком, Нина не знала. Во всяком случае, не о женитьбе и не о литературе. Если признаться, она не хотела бы говорить с ним вообще. Во всем виновата была странная манера Мартинеса общаться с сотрудниками. Он любил говорить размеренно и мягко. Голоса без нужды не повышал, с интонациями не работал, справедливо полагая, что вкрадчивый, невыразительный голос - лучшее средство

доносить до подчиненных приказы и распоряжения. Такой подход неоднократно оправдывал себя. Авторитет Мартинеса в Институте был непререкаем. Нину от нравоучений Мартинеса, как правило, тошнило. Ей казалось, что все дело в невыносимой тональности звуков, вылетающих из глотки начальника. Жаль, что он так и не научился изъясняться по-человечески. Этот недостаток не позволял всерьез рассматривать мистера Мартинеса в качестве будущего мужа.

***

Диана (мать) направилась к выходу, плавно покачивая бедрами. Она гордилась своей походкой, умением будоражить головы мужчин таким пустяком, как собственное перемещение из точки А в точку Б. Папашка однажды рассказал, что Диана (мать) выложила репетитору целую тысячу долларов за согласие открыть секрет этой фишки.

- Учись, пока я жива! - сказала Диана (мать) на прощание.

- Добиваться успеха с помощью собственных бедер? Этому, что ли? - не выдержала Нина.

- Жаль, что моя дочь выросла такой дурой! - парировала Диана (мать) и от души хлопнула дверью, выпуская, таким образом, по совету пси-

хоаналитика накопившееся раздражение.

Теперь о выборе мужа можно было на время забыть, по крайней мере, до следующего визита Дианы (матери). Нина попыталась успокоиться, пора было приниматься за работу. Нина схватила первую попавшуюся книгу и раскрыла ее наугад. В эпоху широкого распространения бумажных книг это был модный способ гадания. Нине нравилось получать вместо жизненных поучений случайные литературные цитаты. Иногда выходило смешно. Никто еще не придумал лучшего способа бороться с дурными мыслями. Впрочем, на этот раз развлечения не получилось, книга, словно подслушав разговор с Дианой (матерью), некстати преподнесла еще один практический совет из числа тех, которыми нельзя воспользоваться.

"Ньют высказал неглупое предположение:

- Мне кажется, что все любовные радости гораздо больше, чем полагают, связаны с радостной мыслью, что продолжаешь род человеческий".

- Приехали! - вырвалось у Нины.

Может быть, Диана (мать) права, и книги ничего кроме вреда людям не приносят? Нина стала припоминать функции, приписываемые лите-

ратуре: каталог человеческих чувств, сокровищница человеческих мыслей, мощный мозговой стимулятор, учебник жизни, оригинальное развлечение, безопасный способ встряски организма (стимуляция гормонов, выделение адреналина и бесконтактное сексуальное возбуждение). Впрочем, Нине и самой часто казалось, что все эти тома написаны только для того, чтобы посеять в душах людей беспокойство и сомнения. Нет, это надо же, сводить секс к функции деторождения! Самое ужасное, что с некоторых пор она не могла относиться к сексу иначе. По крайней мере, когда речь заходила о создании семьи.

А вот представление о продуцировании в человеческих душах сомнений и беспокойства, как важной функции литературы, следовало запомнить. Это очень хорошо подмечено. Если удастся доказать это положение, а сделать это совсем нетрудно, можно будет смело считать, что научная степень в кармане. Отличная тема для диссертации.

- Кто приехал и куда? - спросил невесть откуда появившийся Юлиан Мартинес.

Умение этого человека возникать ниоткуда и потом так же внезапно исчезать раздражало Нину не меньше его гадкого голоса.

- Я употребила это слово в качестве восклицания, выражающего крайнюю степень удивления. Обычно в таких случаях принято использовать матерное выражение. Подходит, в принципе, любое.

- Могу ли я быть уверен, что вы не использовали слово "приехали" в качестве матерного выражения?

- Вне всяких сомнений, конечно, я не заменяла матерное выражение, я удивилась.

- Означает ли это, что речь не шла о вашем любовнике?

- Нет.

- Это хорошо, завтра у нас трудный день. Нас собираются допрашивать ребята из ведущих рекламных компаний.

- Я помню.

- Так что на отгул не рассчитывайте. Давно мне так сильно не хотелось быть полезным. Реальная возможность коммерческого успеха обычно действует на меня возбуждающе, но на этот раз я побил все рекорды нетерпения.

Нина вспомнила, как удачно у нее прошло первое гадание, и решила повторить. Использовать следовало ту же книгу. Она прочитала попавшуюся на глаза цитату и чуть не поперхнулась от

внезапного приступа смеха. Вот уж в точку, так в точку!

"Берегитесь человека, который упорно трудится, чтобы получить знания, а получив их, обнаруживает, что не стал ничуть умнее, - пишет Боконон. - он начинает смертельно ненавидеть тех людей, которые так же невежественны, как он, но никакого труда к этому не приложили".

Нина поспешно закрыла глаза, досчитала до десяти, ей не хотелось, чтобы Мартинес догадался, что она смеется над ним. Прислушалась, после чего открыла левый глаз. Наверное, поспешила, Мартинес, взвинченный странным, с его точки зрения, поведением Нины, навис над ней, как коршун над беззащитным цыпленком. Не приходилось сомневаться, что он без труда разорвет ее на части, если это взбредет ему в голову.

- Что вы читаете сегодня, Нина? - спросил он, как всегда, бесстрастно.

- Книга середины XX века, на обложке значится в качестве автора Курт Воннегут. Считается, что этим псевдонимом пользовался Килгор Траут, когда рассчитывал на коммерческий успех своих текстов. Мне поручено установить, так ли это. Заказ поступил из Нью-Йорка.

- Да. Я помню эту историю. Дело темное. Я считаю, что этот Килгор Траут был очень неприятный парень. Один из моих учеников уже пытался написать диссертацию, посвященную творчеству этого человека. Жаль, что он свихнулся прежде, чем закончил свою работу. Последний абзац был настолько дик, что я запомнил его на всю жизнь. Никогда не встречал ничего более странного. Хотите, я воспроизведу его по памяти?

- Пожалуйста.

"Мы с Килгором Траутом одного мнения насчет реалистических романов, для которых выискивают подробности, словно ищутся в голове. В романе Траута под названием "Хранилище памяти всей Пангалактики" герой летит в космолете длиной в двести и диаметром в шестьдесят две мили. В дорогу он взял реалистический роман из районной космолетной библиотеки, прочел страниц шестьдесят и вернул обратно. Библиотекарша спросила его, почему ему не понравился этот роман, и он ответил: "Да я про людей уже и так все знаю".

- Хорошая тема для диссертации, - сказала Нина и тотчас пожалела об этом, очевидно, что Мартинес придерживался прямо противоположного

мнения. И спорить не собирался.

- Весьма опасная для душевного равновесия тема, - сказал он. - Напоминаю, мой ученик свихнулся, пытаясь разобраться в этой бессмыслице.

- Мне не приходилось читать книг Килгора Траута. Много слышала о них, читала критические статьи в журналах, но самих текстов никогда не видела.

- Не исключено, что они бесповоротно исчезли. Кстати, эта странность и сделала Килгора Траута классиком. Согласитесь, что очень трудно находить недостатки и слабости в произведениях, текст которых не сохранился.

- Я никогда прежде не интересовалась Килгором Траутом.

- Да. Я знаю. Вас всегда увлекал другой Килгор - Хеминг.

- Вы правы. Хеминг великолепный писатель.

- Не нужно преувеличивать. Он вполне мог бы стать первым номером, лучшим в профессии, да только силенок не хватило.

Нина с трудом сдержалась, больше всего на свете ей хотелось влепить Мартинесу звонкую пощечину. Да так, чтобы его самоуверенность и презрительная улыбка сползли на пол и были растоптаны ее туфлей. Его поведение было оскор-

бительным и глупым. Впрочем, Килгор Хеминг не нуждался в защите. Если бы она могла рассказать о своих личных встречах с этим великим писателем... Но за путешествия во времени положена смертная казнь. Вот и приходится помалкивать и благодарить Бога за то, что в свое время ее авантюра прошла удачно и осталась нераскрытой.

- В защиту Хеминга я могу сказать одно: "Творчество душевнобольных кошек". Обязательно прочитайте. Одного этого произведения достаточно, чтобы относиться к нему с почтением.

- Ага, - Мартинес скривился в презрительной ухмылке. - Что ж, если бы Хеминг сумел закончить свой труд, ему и в самом деле не было бы равных. Но "Кошки" остались всего лишь нереализованным замыслом. Я просматривал черновики. Признаю, что отдельные главы выглядят очень и очень неплохо. Но это всего лишь черновики. Не более того. Готового произведения под названием "Творчество душевнобольных кошек" не существует. Есть блестящие фрагменты. Но из фрагментов шубу не сошьешь! Иногда мне и самому неприятно, что Хеминг так опростоволосился.

В первый момент Нина не поверила Мартинесу. Его утверждение показалось ей бессмысленным. Как это не существует? Нина собственными гла-

зами видела, как был увлечен Килгор работой над романом. Помешать ему могло только что-то чудовищное. Ей стало страшно.

- Вам, Нина, следует сменить приоритеты, попытаться работать с писателями, носящими, например, имя Николай, раз уж с Килгорами не выходит.

- Я подумаю.

- Не обижайтесь. Литература иногда мне напоминает трассу "Формулы-1". - На лице Мартинеса появились едва заметные розоватые пятнышки, что случалось каждый раз, когда он начинал разглагольствовать о вещах, в которых чувствовал себя непревзойденным знатоком. - Это жестокий и беспощадный спорт. Напор, порыв, скорость. Человек, занимающий второе место, не интересен. И писатель обязан быть лучшим. Тиражи, гонорары, литературные премии и государственные награды, широкое общественное признание - вот самые надежные оценки писательского труда. Вы не согласны?

- Нет.

На устах Мартинеса проступило жалкое подобие ухмылки.

- Какая же вы еще девочка! Упрямая, взбалмошная, порывистая, необъезженная. Эти милые

пороки делают вас весьма привлекательной особой. Представляю, как хороши вы, должно быть, в постели. Мне не терпится познакомиться с вами ближе. В ближайшую среду я свободен. Мы могли бы вместе поужинать. Итак, решено, в среду.

Нина не успела возмутиться, Мартинес исчез так же внезапно, как и появился. Мерзкий жук-паук.

Личные проблемы

Утром Нина пришла раньше обычного, увидела букет и улыбнулась:

- Это мне?

- Да.

- Красивый.

- Я старался.

- Написал? - спросила она.

- Не сомневайся. Может быть, кофе, а потом прочитаешь?

- Ну уж нет!

Она взяла тетрадь и принялась читать. Ей было интересно! Сомов отметил, что Нина три раза улыбнулась и два раза нахмурилась - отличный результат.

Нина закончила чтение и громко, громче, чем обычно сказала:

- Мне дадут сегодня кофе?

- Обязательно.

Сомову хотелось узнать мнение Нины, но он решил до поры до времени промолчать. Захочет - скажет сама. Пока все было в порядке, если бы текст не понравился Нине, она бы молча ушла. Навсегда.

- Хорошее начало нового романа, - сказала она, улыбнувшись. - Хочется прочитать продолжение.

- Это вряд ли, - ответил Сомов.

- Почему?

- Сейчас правда жизни интересует меня больше, чем правда литературного вымысла.

- Что это значит?

- Сейчас наш роман с тобой для меня важнее любого самого замечательного текста. Наши чувства. Станут ли они любовью, о которой потом напишут в книгах? Хотелось бы верить.

- Мы слишком мало знакомы.

- Ты прочитала текст, который я написал о тебе, и захотела узнать, что будет дальше. Это мне понравилось.

- И что будет дальше?

- Этот роман мы будем писать вместе. Пока я знаю одно - я хочу быть с тобой.

- Похоже на любовный роман двадцатого века.

- Да. И что такого? Подумаешь? Главное, что сюжет мы придумаем вместе. Не забывай, что мы - в Деревне. И выбраться сможем, только перестав быть одинокими.

- Хороший текст, но все было совсем не так, - сказала Нина.

- Догадываюсь. Но знаю и другое - ты искала своего близкого человека. И вот мы встретились. Попрошу рассмотреть мою кандидатуру.

- Я пью с тобой кофе. Пока этого достаточно.

- А вот и нет. Мне не нравится ждать тебя по утрам. Придешь - не придешь. Так себе развлечение. Мне будет спокойнее, если ты постоянно будешь рядом.

- Замуж зовешь?

- Да.

- Ты думаешь, я выйду за первого встречного?

- Не за первого, а за четвертого. За четвертого встречного - звучит основательнее.

- Я подумаю.

- Обязательно подумай. Но сначала расскажи мне о своем третьем писателе.

- Это забавная фантастическая история. Два ученых, удивительные, кавычки открываются, придурки, кавычки закрываются, решили прове-

сти опасный эксперимент с ложной памятью. В свою придуманную псевдовселенную они попали, а выйти не смогли. И попали во внутреннее заключение. Один из них, Зимин, - талантливый писатель. Потерять его было обидно. Его обязательно нужно было спасти. А это моя работа.

- Удалось?

- Естественно.

- И больше ты его не видела?

- Нет. Книгу его "Внутреннее заключение" прочитала. Хорошо, что я его вытащила из психологической ямы. Спасла талантливого человека.

- И меня спасешь?

- А ты не думал, что твоя помощь нужна мне?

- Можешь на меня рассчитывать.

"Ребята, нам работать пора. Потом поворкуете", - вмешался Камень.

На семинар так никто и не пришел.

"Читайте последний рассказ, больше никого ждать не будем", - сказал Камень.

О почитателях Роберта Шекли

Впервые за долгие месяцы путешествие по интернету не приносило Владимиру Анатольевичу никакой радости. И не удивительно. Можно ли рассчитывать получить удовольствие от созер-

цания раскрепощенного сознания увлеченных людей, если в голове с раздражающим бесстыдством застряла мысль об ужасном происшествии, явно создающем опасность для спокойствия семьи? Этакий получился гвоздь в ботинке - о чем ни подумаешь, вспомнишь обязательно о нем.

Владимир Анатольевич почесал за левым ухом и исподлобья посмотрел на сына. Алеша что-то рисовал, надо полагать, ему и в голову не приходило, что своим поведением он заставляет папу отбросить привычные представления об окружающем мире и совершать непонятные еще поступки. И даже не поведением, а, как бы это сказать, поступком, нет... умением, так, наверное, правильнее.

- Иди-ка сюда, сынок, - мягко сказал Владимир Анатольевич. - Расскажи свою историю еще раз.

Вопрос был принципиальный, может быть, самый важный, за все тридцать шесть лет, прожитых Владимиром Анатольевичем на свете. В возможность заказать себе сновидение по вкусу он уже поверил, прочитав статью на сайте фантастического журнала "Альтист", теперь надо было узнать, как конкретно это проделывает Алеша и где научился этому действию.

- Мне, папа, сон приснился.

- Это ясно. Но какой?

- Страшный.

- И это понятно. Ты подробнее, подробнее.

- Мне вчера очень захотелось попасть на планету Привидение-5. Там бывает очень интересно! И когда я засыпал, то сказал себе: "Очень хочу попасть на Привидение-5".

- Ну и?

- Попал. Сначала было весело, я там гулял, смотрел на красивые цветы, на уток в речке, а потом стало грустно, потому что никаких чудовищ там не было.

- Ну?

- Тогда я сказал: "Хочу попасть в такой параллельный мир, где все так же, как и здесь, только пусть еще будут чудовища". И они появились.

- Кто это тебя научил?

- Ты же сам это рассказывал маме, когда просматривал фантастический сайт. Помнишь?

- Да, да... Что же было дальше?

- Появились чудовища. И как побежали за мной! А одно даже за пятку укусило. Тогда я сказал: "Хочу попасть в такой параллельный мир, где все так же, как и здесь, только нет никаких чудовищ"! Они пропали. Я еще погулял по полянке. А потом ты меня разбудил. Пора было идти в школу.

Владимир Анатольевич задумался. "Черт побери, - пронеслось у него в голове, -почему я все время забываю, что при детях нельзя говорить ничего лишнего. Вот итог"!

Он позвал жену и попытался устроить ей разнос.

- Зачем, спрашивается, ты пристала ко мне с расспросами об ясном сновидении? Мы поговорили. Ля-ля-ля, а он услышал. Полюбуйся теперь на своего сына! Не узнав ничего о мерах безопасности, он болтается по параллельным мирам и пристает к чудовищам.

- Наверное, это не опасно.

- На-вер-ное, - передразнил жену Владимир Анатольевич и, повернувшись к сыну, потребовал:

- А ну-ка, покажи.

Алеша послушно стянул носок, и Владимир Анатольевич уставился на его розоватую пяточку, разглядев там какую-то подозрительную царапину.

- Посмотри, - сказал он жене. - Не опасно? А это что?

- Ты хочешь сказать, что чудовище схватило его за пятку на самом деле? Чушь.

- Я хочу сказать, что ребенку нельзя шататься без дела по параллельным мирам. Одному.

Без всякого интереса поколесив еще немного по интернету, Владимир Анатольевич отправился спать. Умение сына озадачило его. Он понимал, что сновидцы способны управлять своими сновидениями, но то, что подобную прыть проявил его собственный сын - расстроило его, в основном из-за собственного бессилия. Ребенку нужна была надежная защита там, в этих непредсказуемых параллельных мирах. И получить ее он мог только от родного отца. От кого же еще?

"Я должен научиться управлять сновидениями, чтобы быть рядом с сыном", - решил Владимир Анатольевич и заснул.

... Ответчик оказался белым экраном в каменной стене. Древняя гуманоидная раса, которая знала ответы на любые вопросы, создала его, прежде чем исчезнуть.

И вот трое землян стояли перед ним.

Моррану, физику, было что спросить. Расширение Вселенной, силы, которые связывают атомное ядро, новые и сверхновые звезды, образование планет, относительность - и еще тысяча вопросов.

А Лингман был биолог, и он был старик. У него остались два вопроса.

Что такое жизнь?

Что такое смерть?

Владимир о своих заветных вопросах предпочитал помалкивать. Да их у него, честно говоря, и не было. Ему просто хотелось услышать от Ответчика - "не знаю".

Лингман сжал трясущиеся руки. Завершался труд целой жизни: споры, выколачивание денег, долгое изучение древних легенд - и, наконец, настал час.

- Помните, - сказал он, - мы будем ошеломлены. Мы и помыслить не можем, какова истина в действительности.

- Я готов, - сказал Морран, глаза его сияли.

- Со мной у него это не пройдет, - угрюмо буркнул Владимир.

- Скажи нам, Ответчик, - произнес Лингман тоненьким дрожащим голоском. - Что такое жизнь?

У них в головах зазвучал голос:

- Вопрос лишен смысла. Жизнь - только одно из проявлений более общих законов. Вне этих законов она необъяснима.

Тишина.

- Расширяется ли Вселенная? - спросил Морран.

- Термин "расширение" в данном контексте неприменим. В том смысле, в каком вы понимае-

те Вселенную, это не более чем иллюзия.

- Но хоть что-то мы можем узнать? - спросил Морран.

- Я могу ответить на любой корректный вопрос о природе вещей.

Люди переглянулись.

- Кажется, я понимаю, что он имеет в виду, - печально проговорил Лингман. - Наши главные гипотезы неверны. Все до единой.

- Выходит, что мы не в состоянии даже поставить вопрос? Не верю я в это. Хоть какие-нибудь основы мы должны знать?

Морран повернулся к Ответчику.

- Что такое смерть?

- Это антропоморфизм. Я не могу объяснить.

- Может ли антропоморфизм отражать действительность? - спросил Лингман.

- Все антропоморфизмы подразделяются на ложные и частично истинные в отдельных ситуациях.

Большего они не добились. Морран с Лингманом мучились еще несколько часов, но истина ускользала все дальше.

- Ну что же, теперь моя очередь, - сказал Владимир и встал перед Ответчиком, скрестив руки на груди.

- Ну-ка, дружок, почему наш мир трехмерен?

- Трехмерность мира - антропоморфизм. Это не более чем иллюзия.

- Й-а-я!.. - радостно заорал Владимир. - Вот я тебя и расколол. - Почему в трехмерном мире действуют законы сохранения?

- Законы сохранения вытекают из трехмерности мира. Это не более чем ограниченность проекции.

- Правильно, - сказал Владимир. - Умница.

- Послушайте, Владимир, вы же видите, что все это чудовищный обман. Отрицать законы сохранения - это уж слишком, - угрюмо вставил Морран.

- Не мешайте. Никто их не отрицает. Правильно ли мы поступили, притащившись сюда?

- Это не может рассматриваться, как ваша заслуга. Ваш приход сюда был предопределен.

- Ты, конечно, пятимерный?

- Для вас - да.

- Имеет ли наше существование смысл?

- Естественно, только объяснить его в привычных для вас терминах затруднительно.

- Можем ли мы рассчитывать, что выполним предназначенную для нас работу?

- Никаких запретов нет.

- И мы перестанем быть людьми?

- Вы станете другими, не такими, как сейчас.

- Это страшно?

- Не преодолев страх, нельзя обрести понимание смысла жизни.

- Мешает ли трехмерность нашего мира выполнению смысла жизни?

- Вопрос лишен смысла.

- Значит ли это, что смысл нашей жизни в преодолении трехмерности?

Неожиданно экран стал медленно темнеть. Ужас охватил Владимира. Никакой это был не экран. Это был вход в пещеру? За черным пятном угадывалась бесконечная бездна.

- Проходи. - Это было последнее слово, сказанное Ответчиком.

- Вставай, дорогой!

Владимир Анатольевич открыл глаза. Он находился в своей комнате на Третьей линии Васильевского острова, где ему и полагалось быть согласно заведенному положению вещей.

Жена склонилась над ним и ласково улыбалась. Никаких космических кораблей, никакого космоса...

Космоса? Почему космоса? Владимир Анатольевич удивился. Сон, что ли, был на космическую

тему? За завтраком Владимир Анатольевич медленно пережевывал яичницу, без особого раздражения наблюдая за обязательным ежедневным ритуалом "сынок неторопливо собирается в школу". Он попытался вспомнить свой сон. О космосе. Что-то связанное с Шекли, кстати, как и у Алеши. Рассказ называется... Нет, не вспомнил.

Позднее, уже на работе, во время семинара по проблеме компьютерного обучения в средней школе, сон неожиданно стал всплывать из подсознания, словно льдинка, то одним своим краем, то другим.

Рассказ назывался "Задать вопрос", написал его действительно Шекли. Речь в нем шла о некоем Ответчике, который знал ответы на абсолютно все вопросы.

"И я, конечно, оказался самым сообразительным, как это и полагается во сне, - с иронией отметил Владимир Анатольевич. - Жаль, что это произошло только во сне, и кроме меня об этом никто больше не знает".

Впрочем, ничего принципиально сложного в общении с Ответчиком не было. Достаточно было сообразить, что наши факты, установлением которых мы так гордимся, для Вселенной бессмысленны, поскольку то, что мы считаем

объективным, для Вселенной чаще всего субъективно, и наоборот, объективное для Вселенной - субъективно для нас. И вопросы, естественно, должны были быть по возможности субъективными. Расширяется ли Вселенная? Для Ответчика этот вопрос лишен смысла. А вот то, что земляне пришли за ответом - факт.

Почему наш мир трехмерен?

Почему в нашем трехмерном мире действуют законы сохранения?

Правильно ли поступили земляне, что притащились к Ответчику?

Действительно ли образование - это получение ответов на заданные вопросы?

Существует ли смысл жизни?

Не в преодолении ли трехмерности он заключается?

Впрочем, я уже задавал эти вопросы во сне и получил на них вполне четкие ответы. Так был ли это сон? Или явь?

Владимир Анатольевич смотрел на черную доску, исписанную формулами, и начал испытывать странное беспокойство.

Что это, что это со мной? - задавал он себе вопрос и вдруг вспомнил жуткий приступ страха, охвативший его после приглашения пройти

сквозь экран Ответчика в бездну. Стать новым человеком, пройдя через Ответчик! Вот что ему было предложено!

Формулы на доске стали размываться, и чернота ее стала бездонной, как тогда во сне!

- Проходи! - зазвучал в голове голос.

Владимир Анатольевич приподнялся, не в силах оторвать взгляд от бездны, будто пытался разглядеть там хоть что-нибудь человеческое, привычное, звездочку какую-нибудь или галактику... Но... ничего там не было. Пустота.

"Теперь я смогу в любое время попасть в новый мир. По первому желанию"? - мысленно спросил он.

- Да, - ответил голос.

- Но мне не хотелось бы пока...

- Тебе решать.

- Я здесь еще нужен.

Раздался мерный, лишенный эмоций смех.

- Никто тебя не принуждает. Тебе предоставляется возможность. Вот и все.

Семинар продолжался, но Владимир Анатольевич больше не мог сидеть. Он встал и направился к выходу, не обращая внимания на удивленные взгляды коллег и раздраженное бормотание секретаря. Вот ведь как получилось - хочешь начать

новую жизнь, а не выходит, а здесь и не хотел, но изменил, да так, что и подумать страшно. Каково это жить, зная, что в любой момент можешь уйти невесть куда! И знать, что сынок, возможно, в эту дверь ходит, когда хочет, и возвращается. Пока. А ведь это замечательно, как же это ему сразу в голову не пришло - можно выйти, можно и вернуться. И нет в этом ничего страшного. Главное решиться!

Кое-что о рассказе

"Ох, уж мне эти люди. Для Владимира станет большой неприятностью, когда он узнает, что вернуться назад не сможет" - сказал Камень.

- Никуда он не отправится, не решится, - сказала Нина грустно. - Не тот генотип.

- Он не одинок, - добавил Сомов. - У него есть жена и сын. Семья - якорь, который тормозит переселение в Деревню.

"Это только отговорки, - произнес Камень. - Я посчитал нужным указать на очевидный факт: если бы ему удалось переместиться к нам в гости, в Деревню, невозможность вернуться неприятно удивила бы его. И стала трагедией".

- Считаешь его слабаком?

"Любите вы, человеческие существа, обзывать-

ся. И при этом используете слова, смысл которых туманен даже для вас самих. Верно и другое. Все люди верят в лучшее и считают себя важными персонами. Это ваша общая слабость. Крушение надежд для каждого из вас - катастрофа. И вы так страдаете, что со смеху расколешься пополам на три части и покатишься на все четыре стороны".

- Мы не слабаки, - сказал Сомов.

"Давайте поговорим о более интересном - о рассказе. Мне показалось, что вы кое-чего не заметили", - произнес Камень после некоторой паузы, наверное, приступ смеха закончился.

- Он не был одинок. Я уже об этом сказал, - сказал Сомов.

"Мы получили полезную информацию о Хозяине. Этот Ответчик подсказывал им вопросы, которые они должны задавать".

- Как это?

"Своими ответами. Известная манипуляция. А потом, когда доказал свою власть, разрешил им покончить со своей человеческой жизнью".

- Да. Он сказал: "Проходи", - сказала Нина. - И не только в сне, но и наяву.

"Но у него не вышло. Герой рассказа почувствовал подвох. Значит, Хозяин не всесильный".

- Однако ты ему подчиняешься, - напомнил

Сомов.

"Я уже говорил, что вы любите обзываться. Но пусть об этом мне скажет Петров. Давайте, отправимся к нему".

Общее собрание

Петров прочитал рассказы и собрал всю компанию в 25 кабинете седьмого корпуса. Наверное, надеялся, что хотя бы один фантаст из Деревни все-таки придет на Семинар. Сомов в это не верил. Но попытку оценил. Почему бы и не попробовать?

Карпов уселся за стол. Привычки начальника у него так и не атрофировались. Остальные расположились в креслах первого ряда. Петров рядом с Маргаритой, Сомов рядом с Ниной. Маргарита взяла Петрова за руку. Нина подумала и взяла за руку Сомова.

"Ну что, расселись? Начинайте быстрее, очень хочется узнать, до чего вы додумались".

- Приветствую тебя, Камень, - сказал Петров.

"И я рад видеть всех вас в добром здравии".

Карпов поднялся и сказал:

- Наше собрание открыто. Поскольку я ничего не понимаю в фантастических рассказах, пусть Петров расскажет, что он думает о затее Сомова

с семинаром. Удалось ли найти ответы на вопросы, которые позволят нам лучше понять наше положение. Что теперь делать, чтобы выбраться из Деревни? Найдем мы, наконец, Хозяина?

- Ответы очевидны, - ответил Петров. - Рано или поздно мы покинем Деревню мертвых космонавтов. И найдем Хозяина. Для этого достаточно, чтобы он вступил с нами в переговоры. Нам даже не придется его уговаривать. Он нам поможет добровольно.

- Но как этого добиться? - спросил Карпов. - Знает ли он о нашем существовании?

- Конечно, знает, - рассмеялся Петров.

- Но мы для него игрушки, шахматные фигуры, - сказал Сомов.

- Любимые игрушки, заметьте, - добавил Петров. - Мы используем слабости Хозяина, которые стали известны после чтения рассказов.

- Вы считаете, что власть Хозяина распространяется только на одиноких?

- Да.

- Но у вас, Петров, теперь есть Маргарита, а у вас, Сомов, Нина. Одинокие здесь только я и Камень.

"Я не одинокий" - возразил Камень.

- Вы все - одинокие, - сказала Нина.

- Почему? - спросил Карпов.

- После стольких приключений и усердной общей работы вы продолжаете обращаться друг к другу на "вы". Не стали друзьями.

- А ведь правда, я как-то не подумал об этом, - сказал Петров.

- Давайте, перейдем на "ты". Вы думаете, что это поможет? - удивился Карпов.

- Попробовать стоит.

- Послушай, Петров, я всегда считал, что твои способности люди переоценивают. Считается, что ты нас спас. Но перемещение в Деревню мертвых космонавтов не спасло нас от Конца Света. Просто это событие выглядит не так, как мы себе его представляли.

- Мы живы.

- Нет. Мы мертвы, потому и попали в Деревню мертвых космонавтов. Мы, как ты сказал, отныне любимые игрушки Хозяина. Ради этого мы жили?

- Мы вернемся на Землю, - твердо сказал Петров.

- Ты знаешь Хозяина?

- Да.

- Расскажи о нем.

- Если скажу сейчас, ситуация станет только хуже. Вы мне все равно не поверите.

- И что ты предлагаешь?

- Подожду, когда и вы догадаетесь, кто в Деревне Хозяин. Информации достаточно.

Карпов изо всех сил треснул кулаком по столу.

- Надоело. Даже у самого терпеливого человека нервы не канаты. Обойдусь без тебя, Петров. Придется мне провести свой эксперимент. Хочу отыскать на Земле человека, который собирается нарушить причинно-следственные связи. Когда его притянет в Деревню, его связь с Хозяином будет легко установить.

- Хорошая идея. Попробуй. Желаю успеха, - сказал Петров.

"А чем займетесь вы, остальные"? - поинтересовался Камень.

- Мы с Маргаритой собираемся посетить одну перспективную планету, поищем проявления жизни, - сказал Петров. - Вернувшись на Землю, мы такую возможность потеряем.

- Сомов напишет свою книгу, - сказала Нина. - А я прослежу, чтобы ему никто не мешал.

- Если понадобимся, вызывай, - сказал Петров Карпову. - Наверняка тебе понадобится наша помощь. Прибуду по первому вызову.

- Конечно, - ответил Карпов.

Ему было неприятно, что он остался один. Но, с

другой стороны, задачу найти Хозяина никто не отменял. Карпов подумал, как все удивятся, когда он обнаружит Хозяина. И Петров будет поздравлять и восхищаться. Это будет приятно.

Рассказы

Ярослав Кудлач

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО

- Высокий суд! Уважаемые присяжные! Дамы и господа!

Меня признали виновным в покушении на убийство, но я не протестую. Тот, кто сидит напротив меня, заслужил смерть. Он - убийца, мерзкий и безжалостный. Я ненавижу эту гнусную тварь, это тупое, агрессивное существо в кожанке. Сейчас вы узнаете, что совершил этот гад, которому я хотел бы выдавить наглые белёсые глаза...

История, разрушившая мою жизнь, произошла семнадцатого мая текущего года... Да, на дворе апрель, и до семнадцатого мая больше месяца, но всё это обязательно произойдёт. Так устроен мир, жестокий и незыблемый...

В тот вечер мы с женой собирались на премьеру очередного блокбастера. Я заранее купил билеты и радовался, что мы станем одними из первых в стране, кто увидит новый фильм прославленного режиссёра. Нет, премьера не состоится семнадцатого мая, она состоялась семнадцатого мая. К слову: если вы не любители подобного направле-

ния, не ходите на фильм. Спецэффектами в наше время никого не удивишь, а, по сути, великий режиссёр... ну... исснимался, что ли...

Мы с удовольствием посмотрели эту зрелищную чепуху и решили прогуляться по вечернему парку. В отличном настроении мы дурачились и не обратили внимания на человека, возникшего из боковой аллеи. Проходя мимо, он резко выбросил правую руку, и адская боль вспыхнула у меня в животе. Я осел на землю и почувствовал, что кровь просачивается между пальцев. Жена успела лишь вскрикнуть, когда мерзавец ударил меня ногой в висок. Я потерял сознание.

Очнулся я от боли, холода и тяжёлого взгляда. Открыв глаза, я увидел фигуру, ярко освещённую фонарём. Поняв, что я пришёл в себя, человек ухмыльнулся, помахал рукой в ёрническом прощании, а потом пошёл прочь валкой уголовной походочкой. Я приподнял голову и в нескольких метрах от себя заметил жену.

Она лежала на спине в луче фонаря. Из-под бёдер расплывалась тёмная лужа. Широко открытые глаза смотрели неподвижно, точно кукольные... Я понял, что она мертва, вернее, только успел подумать. Новая волна боли ударила в живот, я снова потерял сознание, а очнулся

уже в больнице.

Почему я не умер? Зачем проезжал по аллее одинокий велосипедист, вызвавший полицию и скорую помощь? Как смогли врачи зашить мою печень, распоротую ножом убийцы? Если бы я умер... Боже, какое счастье не быть вообще! Вам незнаком мрак, в котором я очутился после пробуждения. По сравнению с ним трёхдневное небытие казалось наполненным светом и счастьем...

Вернувшись во мглу, я узнал, что жену похоронили. Погребение состоялось девятнадцатого мая. Сердобольные друзья решили не причинять мне лишних страданий и всё организовали сами. Поэтому, когда я встал на ноги, мне осталось только прийти на свежую могилу. Я сидел у глинистого холмика рядом с бетонной оградой, смотрел на табличку с фамилией и думал, что жену изнасиловали и убили, и меня тоже хотели убить...

Но похорон не было!

С этой мыслью я возвращался в опустевшую квартиру, где ещё пахло моей женой, где в шкафу и на спинках стульев висела её одежда, у кровати стояли тапочки, а на кухонном столе стакан, из которого она пила воду перед походом в кино... Казалось, что жена решила прикорнуть днём, как

иногда делала по выходным. Я бросался в спальню и видел там разорённую постель, которую всё не решался переменить... Не в силах находиться дома, я бродил по городу, не понимая, куда иду, а дорога неизменно приводила меня к кладбищу...

Полиция начала расследование, но стало ясно, что дело смотрится "глухарём". Чиновники подробно описывали методы поимки преступника и просили набраться терпения. Я слушал их, а сам мысленно возвращался на кладбище, где лежала моя единственная, любимая жена.

Но однажды летом, когда я бесцельно шатался по улице, моё внимание привлёк один человек. Я всмотрелся...

И мир опять заблистал красками, солнце вспыхнуло с новой силой, победно взревели медные трубы! Валкой криминальной походкой навстречу мне шёл убийца. Да, этот самый зверь в человеческом образе, который сидит на свидетельской скамье. Он шагал неторопливо, слегка приоткрыв рот и глуповато озираясь вокруг.

После короткой эйфории появился страх: вдруг он меня узнает? Но подлец равнодушно прошествовал мимо и вошёл в лавку на углу. Я занял удобную позицию на автостоянке, откуда магазин хорошо просматривался. Мерзавец вскоре

вышел с небольшим пакетиком. Я последовал за ним. Мой мозг заработал необычайно ясно. Я отлично понимал, что, если обращусь в полицию, то даже в случае успеха начнётся долгий процесс, приговор будет мягким, ведь смертной казни в нашей стране нет, а десяток лет для молодого бугая - сущий пустяк. Нет, суд должен свершиться по моим законам...

Дикое везение: убийца жил в одном квартале от места нашей встречи. Теперь можно было осуществить план, созревший во время слежки. Удостоверившись, что мерзавец отпер дверь парадного своим ключом, я направился к уже упомянутому магазину...

Так началось моё вживание в роль сыщика. Очень скоро я узнал всё о привычках негодяя, познакомился с его друзьями и постепенно стал своим человеком в компании - в ЕГО компании! И вот настал день, когда нас представили друг другу. Поначалу он смотрел на меня с презрением. Ещё бы: на первый взгляд я - чистый "ботаник". Но я недаром три месяца носился по городу, вынюхивая и выискивая. Уже четверть часа спустя он хлопал меня по спине и называл "реальным пацаном". Как омерзительны были проявления его жлобско-дружеского участия! Перед моим

внутренним взором вновь появлялась аллея в парке, пустые глаза жены и тёмная лужа на асфальте. В такие минуты приходилось стискивать зубы и терпеть...

Шло время, наши отношения крепли. Постепенно он стал доверять и притаскивал на хранение всякие подозрительные пакеты. Подлец и предположить не мог, что мне известны источники его заработков - продажа краденого и торговля марихуаной. Кстати, возьмите это себе на заметку. Держу пари: у него дома и сейчас лежат граммов триста гашиша. Отправьте туда полицию - убедитесь сами. Однако не будем отвлекаться.

Так продолжалось какое-то время, пока не настал желанный день. Я арендовал в лесу коттедж со всеми удобствами, камином и глубоким звукоизолированным подвалом. Затем привёз туда всё необходимое и объявил своему корешу, что устраиваю вечеринку с ништяковыми тёлками. При слове "тёлки" его бельма засияли, и он сразу согласился, когда узнал про одинокий домик в лесу. Договорились приехать туда заранее, всё приготовить, а на следующий день прибудут девки. И в пятницу вечером маленький автомобиль неумолимо увлекал нас к финалу.

Добравшись, мы разгрузили спиртное и съест-

ное, разожгли камин в гостиной. Оба предвкушали, облизывались. Только он не знал, почему у меня от волнения дрожат руки, почему я громко смеюсь, почему меня переполняет неземная радость... Когда мы уселись и откупорили по пиву, я больше не мог выдержать. Сказав, что мне надо отлить, я прошёл в сортир, достал из тайника шприц с ампулами, которые раздобыл у знакомых студентов-медиков, и вернулся в гостиную. Мерзавец по-прежнему сидел в кресле, посасывая пиво. Я подошёл сзади и вонзил шприц ему в плечо. От неожиданности он поперхнулся, пиво брызнуло на стол. Подлец вскочил, но было поздно: я успел нажать на поршень. Секунду-другую он яростно таращил белёсые глаза, а потом выругался площадной бранью и попытался меня схватить, но укол начал действовать. Гад запнулся о кресло и рухнул на пол. Даже в полубессознательном состоянии он продолжал отвратительно ругаться, но мало-помалу скорчился и затих.

Я перевёл дух и отшвырнул шприц. Настало время переходить к делу. С трудом - мерзавец оказался тяжёлым - я оттащил его в подвал. Затем, раздев догола, уложил брюхом вверх на массивный стол и намертво пристегнул к скобам

в столешнице. Все девайсы я приобрёл в магазине, торгующем причиндалами для жёсткого секса. Чем такие лавчонки хороши: там никогда не удивляются и не расспрашивают, а выбор просто замечательный. Не магазин, а пособие для начинающего маньяка. Если кому интересно, могу дать адрес. Что, не хотите? Ну, как хотите.

Убедившись, что такие путы не смог бы разорвать даже медведь, я поднялся наверх, запер окна и двери, погасил свет и затушил камин. Вернувшись в подвал, достал чемоданчик с инструментами, разжёг угли в чугунной чаше и сунул туда три маленькие кочерги с деревянными ручками. На столике рядом с импровизированным очагом разложил клещи, молоток, тисочки, ножи, колючую проволоку, длинные иглы и прочее...

Кажется, кому-то стало дурно? О нет, я вовсе не садист, а возмездие! Вечное, непрекращающееся возмездие! Не пялься на меня, ты, сволочь! Я ещё переломаю тебе все кости по одной, как тогда, в подвале! А потом выпущу твои вонючие кишки и заставлю их жрать вместе с дерьмом! Заткнись, ублюдок!

Словом, когда всё кончилось, я сидел рядом с трупом, глядел на изуродованное лицо, которое

не смог бы восстановить никакой патологоанатом, и курил, стряхивая пепел в пустые глазницы. Чувств больше не было. Я рассматривал мёртвое тело и удивлялся силе человеческого организма. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем мерзавец испустил дух, но никак не меньше трёх часов.

Я встал и осмотрел себя. Увидел, что весь залит кровью, и первый же прохожий сразу ринется звонить. Но глубокое безразличие накрыло меня с головой. Покачивась, будто пьяный, я поднялся наверх, вышел из коттеджа и сел в машину.

Наступила ночь. Дом смотрел на лес мёртвыми окнами, похожими на глаза убитого мерзавца. Впервые за вечер мне стало по-настоящему не по себе. Тогда я завёл мотор и поехал.

Куда? Конечно, на кладбище.

Могила зарастала редкой травой. Царила тьма, но я почувствовал шероховатое прикосновение, погладив глинистый холмик. Из желудка выползла гадкая пиявка и свернулась клубочком во рту. Враг умер, смысла в жизни больше не было. Помню, что, осознав это, я заплакал и стал царапать могильную землю ногтями. Вопль отчаяния вырвался из моей груди. Я заколотил руками по могиле, когда меня вдруг схватили за плечо и

затрясли. Очнись, умолял чей-то знакомый голос, проснись, пожалуйста, проснись!

Я поднял голову и обнаружил, что сжимаю в руках мокрую подушку. А рядом... В страхе вскочил я с постели и прижался к стене. Любимая жена смотрела на меня с тревогой, а сквозь щели в гардинах пробивался утренний свет.

Это был сон! Чудовищный, длинный, кошмарный сон!

Я сполз на пол, не веря, что ужас закончился. Жена подбежала ко мне и крепко обняла. Так мы просидели долго. Наконец она высвободилась и сказала, что я страшно кричал во сне. Она говорила ещё что-то, но я не слушал, только смотрел на неё. Тогда она объявила, мол, спать больше не будем, лучше позавтракаем и займёмся уборкой, а вечером пойдём на кинопремьеру. Утро в дом, сон за порог, добавила она.

На календаре стояло семнадцатое мая...

День прошёл в хлопотах по дому. Ближе к вечеру мы засобирались в кино, как всегда, сердясь друг на друга и поочерёдно оккупируя ванную комнату, а затем помчались на остановку. Омерзительный ночной кошмар почти выветрился, но в трамвае возникло странное чувство, что я всё это уже видел. Вот неясно знакомая девица

пихнула меня сумкой в бок... По мосту прошёл человек с собакой... Трамвай резко затормозил, а какой-то смуглый парень пнул дверь и крепко выругался...

Чем дольше мы ехали, тем чаще вспыхивало ощущение, которое принято называть "дежавю". Когда мы вышли, проблески воспоминаний о том, чего не было, слились в едином могучем сиянии. Мороженое, брошенное на асфальт... Неисправный эскалатор... Человек в военной форме... Запах хлеба из булочной... Слепой баянист, пиликающий "Калинку"... Каждая мелочь говорила, кричала, орала: было! было! было!!!

Ещё до начала сеанса жена поняла, что со мной творится неладное, но ничего не сказала. А я потерял всякую надежду, увидев первые кадры фильма. Я вспомнил его! Оцепенев, я смотрел на экранные события, зная, чем закончится действие. Постепенно чувства притуплялись, накатилась апатия. Жена смотрела на меня с неподдельным беспокойством. Когда фильм подошёл к концу, она решительно встала и повлекла меня из кинотеатра. Я тупо повиновался.

Большой парк находился как раз между центром и нашим районом. Жена свернула с улицы и пошла по дорожке, освещённой редкими фо-

нарями. Я брёл, спотыкаясь о неровности и вяло осматриваясь вокруг. Сон возвращался, проснуться было невозможно. Поэтому я нисколько не удивился, увидев знакомую фигуру, шагнувшую наперерез из тёмной боковой аллеи...

Стоит ли говорить, что всё повторилось? Надо ли описывать вновь навалившийся мрак? Похороны уже состоялись, поэтому, когда я выписался из больницы, то нашёл на кладбище свежий могильный холмик и табличку с фамилией. Глядя на оплывшие буквы, я думал: что же было сном? Первый кошмар или пробуждение? Ответ пришёл быстро. Ведь мне известно, кто убийца. Следовательно, его нужно разыскать, и если мои воспоминания ложны, если такого человека нет, то, стало быть, реальность наступила сейчас, а всё предыдущее - лишь больничные видения.

Я нашёл его.

Ошибки быть не могло. Совпадали все детали: облик, имя, адрес, знакомства. Теперь не нужно было тратить столько времени на разведку. Сон вовсе не был сном. Жизнь выкинула загадочный фокус: переместила меня в прошлое, заставив пережить одни и те же события. Не имею ни малейшего представления, как это случилось. Да и выяснять не было никакого желания. Я

испытывал лишь одно: свирепую ненависть, заполнившую остатки моей души...

Всё оказалось гораздо проще, чем в первый раз. И домик в лесу остался тем же, и события повторились с некоторыми нюансами, словно отснятый дубль, не вошедший в картину. Я долго выбивал из него признание. И он сознался, скуля, словно пёс, моля о пощаде. Никаких угрызений совести я не испытывал. Я не ощущал ничего, кроме желания, чтобы мерзавец пожил ещё...

Но он подох.

Не сразу я заметил, что потрошу остывающий труп. Тут же ненависть исчезла, осталось только чувство потери. Снова сидел я рядом с мертвецом, курил, стряхивая пепел в кишки, и спрашивал: а что дальше? Подвальные стены пульсировали, брызгая сукровицей, свет неоновой лампы под потолком то слабел, то вновь разгорался... В какой-то момент он засиял так ярко, что заставил зажмуриться. Сквозь веки проникло багровое сияние, по телу разлилось тепло. Стряхнув оцепенение, я заставил себя открыть глаза. Я сидел в шезлонге на балконе своей квартиры, держал горящую сигарету и смотрел на заходящее солнце.

Ещё не веря, я встал и на подгибающихся ногах пошёл в комнату. Первое, что бросилось в глаза

- настенный календарь. Передвижная рамочка стояла на дате: пятнадцатое мая. В доме никого не было.

Трудно описать мои чувства в этот момент. Главным был ужас. Я заметался по дому, натыкаясь на мебель, и сильно ушиб мизинец ноги об угол шкафа. Боль отрезвила, заставила сесть и подумать. Бесспорно произошло второе перемещение, вновь бросившее меня в прошлое. Случившееся больше не казалось сном, оно превратилось в воспоминание о реальных событиях. Но они начнутся лишь послезавтра! Значит, есть время, чтобы всё изменить. И сделать это просто. Надо не ходить на премьеру, переждать, пока чудовищный день не канет в пустоту. Я нашёл билеты, отнес их на кухню и с торжествующей улыбкой бросил в пустую мойку. Затем чиркнул зажигалкой и радостно смотрел, как они обращаются в пепел.

Едва я успел ликвидировать следы аутодафе, в замке входной двери повернулся ключ. В прихожую вошла жена, недоверчиво принюхалась, но я бросился к ней и стал бешено обнимать. Она засмеялась и спросила, что на меня нашло, но я не мог остановиться...

Наступило семнадцатое мая. Жена начала

искать билеты и, понятное дело, не нашла. В изумлении она перевернула весь дом, а затем потребовала купить новые. Пришлось уверять её, что в день премьеры это уже невозможно. Она расстроилась, но потом послала всё к чёрту, и мы решили посмотреть телевизор, раз уж поход в кино сорвался.

Солнце зашло, город засветился разноцветными огнями. Я сидел рядом со своей любимой супругой и держал её за руку, когда вдруг почувствовал разительную перемену. Её тонкие пальцы ослабли, словно кости превратились в хрящи. Я испугался и стиснул её ладонь. Жена повернулась...

В кресле сидел манекен с пластилиновым лицом.

Я шарахнулся и чуть не упал. Жена встала и заговорила. Голос тоже изменился, он поплыл, как лицо, стал тягучим и липким. Я не слышал, что она пыталась сказать. Судьба снова настигла меня. Было около половины двенадцатого вечера. Именно в это время мы возвращались домой по аллеям тёмного парка в том, казалось бы, навсегда исчезнувшем мире.

Реальность перешла в кошмар. Я бродил по квартире, охваченный смертной тоской, а меня

преследовало нечто. Оно заламывало руки, кричало вязким, ломающимся голосом, но я думал только о мёртвом теле под фонарём...

Утро оказалось страшнее ночи. Лицо этого существа плавилось, его черты искажались. Угол рта сполз к подбородку, нос провалился, глаза растеклись чернильными кляксами, поредевшие волосы колыхались, будто водоросли. С кистей рук свисали капли полужидкой плоти. И оно упорно чирикало, стонало, выдавливало из себя обрывки фраз. Изменения коснулись всей обстановки. Паркет пошёл волнами, стены вытягивались, как резиновые, стремясь к фокусу, который оно образовывало своим дряблым телом. Если оно задевало мебель, место соприкосновения выпускало длинный язык, застывавший в густом воздухе. Скоро вся квартира покрылась наростами и бородавками, между ними приходилось протискиваться, как сквозь бурелом. Двери застряли в перекошенных косяках, однако оно свободно открывало их. У меня страшно болела голова, желудок сотрясали приступы тошноты. Я лежал на сплющенном диване и следил за движениями бесформенной амёбы, ползавшей по изуродованным комнатам. Свет, проникавший в искривлённое окно, делался всё более красным,

превращая и без того чудовищную обстановку в настоящий ад. К вечеру и звуки исчезли, сменившись звоном в ушах. Наконец мозг сдался, не в силах выносить бред, который не смогла бы передать даже кисть самого Брейгеля. Я потерял сознание.

Когда я очнулся, всё вернулось на свои места. В воздухе носился мерзкий запах, на полу виднелись пятна рвоты. Наступило девятнадцатое мая - день похорон.

Я заставил себя сползти с дивана и осмотреть квартиру. Как и предполагалось, никаких следов супруги не было. И для того, чтобы убедиться в случившемся, мне оставалось только побывать на кладбище. Я отправился туда и нашёл только что засыпанную могилу.

Говорят, третий раз за всё платит. Чушь. Ни третий, ни десятый, ни тысячный раз не в состоянии оплатить деяние Судьбы, никакое возмездие не в силах унять боль, никакая месть не способна вернуть жизнь. Тогда я этого ещё не знал. И, стоя над глинистым холмиком, я поклялся, что убийца должен понести заслуженную кару. Он будет умирать долго, в чудовищных муках, умирать бесконечно, и будет так до тех пор, пока не вернётся ко мне погубленное счастье... Я поднял

обломок камня и процарапал на бетонной ограде короткую палочку - самую первую. А затем отправился на поиски объекта мщения. И нашёл его там, где рассчитывал.

Я быстро уяснил одну забавную вещь. Вернуться удавалось лишь тогда, когда я приканчивал этого мерзавца. Вероятно, сам акт мести служил трамплином, катапультировавшим меня в прошлое. Стоило, например, размозжить врагу голову, как я обнаруживал себя в прошлом, где я мог хотя бы несколько минут прожить счастливым... Но короткое счастье всегда заканчивалось одинаково. Семнадцатого мая, в половине двенадцатого вечера лицо моей жены превращалось в плавящуюся маску. Я ждал этого момента, надеясь, что судьба смилуется, но тщетно. Сюрреалистический кошмар на тридцать шесть часов связывал меня, заставляя страдать рвотой и головной болью. А потом оставалось лишь пойти на кладбище к свежей могиле. И я снова сидел там, рассматривая рыхлую землю и суетящихся чёрных муравьёв, а затем брал обломок камня и добавлял на бетонный забор ещё одну палочку, вроде тех, которыми заключённые в тюрьме отмечают дни и годы своего заточения.

Со временем обнаружилось другое любопытное

обстоятельство. Чем дольше и тяжелее мучился мой враг перед смертью, тем туже натягивалась катапульта, отбрасывающая меня назад. Поняв это, я стал изобретать самые страшные способы казни. Я расчленял его заживо, поджаривал на медленном огне, вспарывал живот и запускал во внутренности насекомых, часами сдирал кожу, жёг паяльником гениталии, клещами отрывал от тела куски мяса и запихивал ему же в глотку. Несколько раз я сковывал его и оставлял в старом бункере, который обнаружил в лесу. Однажды он продержался целых три недели. Я лил ему в щель воду из канистры, но только чуть-чуть, чтобы он не мог полностью утолить жажду, а жрать давал лишь немного солёной рыбы. Вскоре он совсем свихнулся и стал выть, словно вервольф. Мне доставляло невыразимое удовольствие наблюдать, как он ворочается на загаженном полу и пьёт смешанную с мочой воду. В тот раз меня отбросило на два с половиной года...

Да, я пробовал жить дальше, причём, не один раз. У меня появлялись и другие женщины, но, в конце концов, они уходили, а иногда я сам бросал их и возвращался к своему подлинному занятию: разыскивал убийцу и вершил суд, исступлённо надеясь, что моё заключение когда-нибудь

кончится.

Но сейчас привычный ход событий нарушился. Полагаю, так случилось из-за того, что я решил казнить мерзавца до семнадцатого мая, а преступление ещё не совершено. И вот я сижу на скамье подсудимых, а живой подлец пялит на меня свои бельма...

Вы утверждаете, что я безумец. Тогда объясните, почему я, вернувшись, обнаруживаю на ограде всё те же нацарапанные палочки, отмечающие количество моих возвращений? И откуда я мог узнать столько подробностей о жизни моего врага, с которым знаком всего пару дней? Я был бы счастлив сойти с ума, но мне хорошо известно, чем всё закончится. Меня ждёт свежая могила, бетонный подвал и запах крови, от которого уже никогда не избавиться...

Милая моя, родная, единственная! Не смотри на меня с таким ужасом! Я уверен, что перемещался в прошлое только мой разум. Быть может, как только я уйду из этой реальности, человек, которого ты любила, вернётся. Прости. Я всего лишь хотел быть с тобой. Ведь есть крошечный шанс, что всё изменится. Ты только не бросай меня, пожалуйста! Приходи в тюрьму на свидания. Большого срока мне не дадут, даже если

прокурор добьётся своего. Скорее всего, впереди психиатрическая клиника, но и это скоро закончится, лишь бы минули те три страшных дня. Мы будем говорить, я смогу держать тебя за руку, смотреть в твои прекрасные глаза и надеяться. Но если семнадцатого мая твоё лицо вновь начнёт *плавиться*... Тогда я знаю, что делать дальше.

Сразу по возвращении я возьму чистую тетрадь и опишу всё, что со мной случилось, а затем отправлюсь на кладбище. По дороге загляну в оружейную лавку и куплю пистолет с обоймой патронов. А потом немного посижу рядом с твоей могилой, прежде чем поставить точку. Люди, которые меня найдут, обнаружат тетрадь в кармане куртки. Они прочитают записи и всё поймут. А если не поймут, то не откажут в последнем желании: похоронить меня между свежей могилой и бетонной оградой кладбища, изрисованной короткими палочками, вроде тех, которыми заключённые в тюрьме отмечают дни и годы своего заточения...

Дамы и господа, я закончил. Благодарю за внимание.

- Суд удаляется на совещание!

Ирина Богдановская

ВОИН СВЕТА

...Всякое дерево познается по плоду своему,
потому что не собирают смокв с терновника
и не снимают винограда с кустарника.
Лк. 6:44

Уже смеркалось, когда Антон вышел из метро и направился к дому по привычному маршруту - через парк. Порывы ветра срывали листву с деревьев, моросил холодный дождь, и юноша поднял воротник. Он снова и снова задавал себе вопросы: "Почему Светлейший выбрал меня? Смогу ли я оправдать доверие Ордена?"

Открыв дверь в квартиру, он глубоко вдохнул привычный запах дома. Мама уже спала после дневной смены, но на кухне, в заботливо укрытой полотенцем кастрюльке, его ждал теплый ужин. Перекусив, Антон уже собирался лечь спать, когда взгляд его упал на стену гостиной - там висел небольшой меч, врученный ему на

торжественном приеме в Орден. В сгустившихся сумерках лезвие, казалось, мерцало собственным холодным огнем. С минуту юноша смотрел на него и вдруг почувствовал, что усталость и беспокойные мысли исчезли, а на смену им пришло неизъяснимое спокойствие и абсолютная уверенность в правильности всего происходящего.

С самого детства у Антона возникало четкое ощущение, что окружающий его мир - не вполне настоящий, и за ним присутствует другая, подлинная реальность. Это чувство сопричастности к чему-то высшему ему иногда удавалось пережить в церкви: душа уносилась вверх, под расписанный облаками купол... Косность батюшек и прихожан отбили у него всякое желание воцерковиться, но его привлекала религиозная философия, а еще он страстно мечтал изменить мир. Идеалом юноши был Дон Кихот и герои рыцарских романов Вальтера Скотта, которым он неосознанно старался подражать. Отец его давно ушел в другую семью, отношения с одноклассниками не складывались; единственный школьный друг, когда-то разделявший его интересы, увлекся ЗОЖ и к духовным поискам охладел.

После десятого класса Антон подал документы в институт, но перед самой сессией заболел и ре-

шил поступать на следующий год. Чтобы помочь матери, он пошел работать на завод, а в свободное время читал книги, которые покупал в старом букинистическом магазине. Как-то, подойдя к полке с литературой о средневековых обществах, он услышал: "Интересуетесь рыцарством, молодой человек?". За его спиной стоял неприметный человек в шляпе и темных очках. "Да. Жаль, что это время уже прошло..." Незнакомец хмыкнул, но ничего не ответил. Через неделю они случайно столкнулись на остановке автобуса и немного поговорили о религиозных орденах. Позже, выходя из книжного магазина, Антон снова увидел незнакомца. Приветливо кивнув, тот протянул ему листок с адресом и телефоном: "Вот, приходите на встречу. Думаю, вам понравится". Антон хотел что-то спросить, но его загадочный собеседник исчез, растворившись в толпе.

***

Собрания Ордена он посещал уже пару месяцев; его привлекала торжественная обстановка и атмосфера тайны, окутывающая деятельность этой организации. Встречи проходили в помещении средневекового храма; царские врата венчала эмблема - двуглавый орел в круге, на месте иконо-

стаса висела картина, изображавшая крылатого Воина Света. Брови его были сурово сдвинуты, взгляд устремлен прямо на зрителя, а обе руки положены на рукоять меча. В углу просторного каменного зала помещался "ковчег", расписанный древними эзотерическими символами и хранивший свод законов для учеников. Помимо мужества, сплоченности и взаимовыручки, от неофитов требовалось абсолютное доверие руководителю и невидимым Наставникам Ордена. Всякое сомнение приравнивалось к тяжкому греху, а в некоторых случаях даже к предательству. При посвящении каждый юноша давал клятву не рассказывать посторонним о внутренних делах общества.

В тот вечер после собрания Светлейший велел Антону остаться. "Мы хотим предложить тебе важное и ответственное дело. Ты получишь посвящение, которое откроет канал связи с нашим Наставником, и сможешь принимать Послания. Иногда ты будешь ощущать слабость и головную боль - прими это как плату за оказанную тебе высокую честь. Готов ли ты послужить делу Света?" Потрясенный, Антон мог только кивнуть. Он выпил предложенный ему напиток из трав и по знаку Светлейшего встал на колени, а тот, воз-

ложив руку ему на голову, стал читать молитвы. Через несколько минут юноша перестал ощущать реальный мир вокруг, в сознании его проносились видения, а потом он услышал - не наяву, а внутри себя - торжественный речитатив...

Первое Послание пришло рано утром, в момент пробуждения, - это была лаконичная фраза: "*Здравствуй, ученик!*" Через пару дней, придя домой и оставшись наедине с листом бумаги, он записал: "*Близится эра небесного огня. Не бойтесь пламени очищающего...*". Строки, выходящие из-под его пера, вызывали ощущение душевного подъема, и молодой человек был уверен, что наконец нашел свой путь.

Во время занятий проводились практики для расширения сознания и беседы на разные темы. На вводном уроке каждый рассказал о себе, перебивать было нельзя: нужно было выслушать до конца и, если надо, сказать слова ободрения. Как же Антону не хватало этого в обычной жизни! "Вы - одна семья", - любил повторять Светлейший. В перерывах между уроками звучала музыка Вагнера, а в заключение все собравшиеся пели гимн Ордена. Душа Антона наполнялась гордостью и радостью сопричастности к какому-то важному делу. Однажды, во время пения, он внутренним

зрением увидел Наставника - в блеске молний тот пристально смотрел на него, и юношу поразили его пронзительные глаза...

На очередной встрече Светлейший рассказал притчу о том, как старец велел послушнику сажать лук корнями вверх, и этот лук чудесным образом пророс. Антон подумал: "Как бы я поступил на месте послушника?" Он сомневался, что беспрекословно выполнил бы странное поручение, однако промолчал - ему поздно приходили нужные слова. Сидевший рядом с ним новичок, Илья, спросил: "Зачем же старцу понадобилось опровергать Божьи законы? Творец создал лук таким, чтобы он рос корнями вниз..." Рассказчик сдвинул брови: "Притча не об этом", но Илья продолжал: "Вряд ли Христос показывал такие чудеса..." Светлейший умолк на мгновение, прокашлялся и велел ученикам подумать о смысле притчи на досуге.

Илья в храме больше не появлялся, а через месяц Антон случайно встретил его на улице. Тот обрадовался и стал расспрашивать об общих знакомых; выяснилось, что Светлейший запретил ему посещать занятия. Молодые люди обменялись телефонами и договорились съездить в ближайший выходной на рыбалку. Когда Антон

повернулся, чтобы идти домой, ему показалось, что за углом мелькнул знакомый силуэт. В тот же вечер позвонил один из старших учеников и передал приказ Светлейшего - не общаться с Ильей. Юношу мучила совесть, когда он отправлял приятелю короткое сообщение: "Извини, поехать не могу". Меч на стене снова мерцал, но чувство вины продолжало тревожить душу.

А Послания все приходили. В них говорилось о последнем сроке, о необходимости спасения планеты и о том, что Наставник возлагает на молодежь Ордена большие надежды. На собраниях эти письма из Тонкого Мира зачитывались вслух. "*Грядут большие перемены, представители Сил Света займут подобающее им место... Мы должны победить Врага, который воплощает свои коварные планы через сбившихся с пути людей...*".

"Интересно, какие перемены?" - подумал Антон. Даже будучи далек от политики, он не мог не замечать, что за последние годы в стране уже многое изменилось. Были отправлены в отставку прежние политические деятели, газеты и журналы публиковали статьи с критикой руководства, по выходным проходили шумные митинги, где выступали наиболее активные и неравнодушные люди. Осенью намечались очередные выборы в

мэрию; кандидатом от демократической партии был известный и уважаемый человек, много сделавший для благоустройства города. Жил он по соседству, и мама Антона когда-то помогала ему ухаживать за его престарелым отцом.

***

В начале мая Светлейший объявил о скором выезде в лес на сборы. Антон обрадовался предстоящей поездке - он давно мечтал выбраться на природу. Наступил долгожданный день: группа, прибыв на арендованном автобусе, расположилась палаточным лагерем на опушке березовой рощи, и походная жизнь началась. Утром ребята были заняты военной подготовкой - стрельбой и рукопашным боем, после обеда купались в речке, шутили, смеялись и устраивали веселые потасовки, а по вечерам пели песни у костра. Антон, освобожденный от армии по состоянию здоровья, был счастлив; об истории с Ильей он почти забыл. Покидая лагерь, юноши принесли клятву быть верными делу Ордена и выполнять все приказы его руководителей.

С наступлением лета многие члены организации собрались на каникулы и в отпуска, и Старейший поздравил всех с окончанием семест-

ра. Антон тоже взял отпуск на заводе; в погожие дни он бродил с книгой по парку или просто валялся на траве и мечтал, глядя в небо. Однажды в дальнем уголке парка он увидел девушку: сидя на скамейке, она держала планшет и что-то увлеченно рисовала. Налетевший ветер вырвал лист бумаги и отнес его прямо к ногам Антона. Юноша поднял рисунок - там было изображено забавное существо с заостренными ушами и покрытыми густой шерстью ступнями. "Это же хоббит!" - воскликнул он. Девушка улыбнулась, молодые люди разговорились. Антон узнал, что Марина - так звали его собеседницу - толкинистка, делает зарисовки по мотивам романов любимого писателя, а учится на третьем курсе медицинского института. Рыжеволосая и зеленоглазая, она словно сошла с холста художника-прерафаэлита, только очки с толстыми стеклами слегка портили этот образ. Случайное знакомство переросло в дружбу - молодые люди обменялись телефонами и стали встречаться.

Повесть о Бильбо Бэггинсе Антон читал еще в школе, а сейчас, под влиянием подруги, попросил у нее трилогию "Властелин Колец". "Это тоже о борьбе Света и Тьмы, как и у нас в Ордене", - вырвалась у него фраза. Марине стало любо-

пытно, но он, будучи связан клятвой, не мог ей сказать ничего определенного; к тому же, в Орден принимали только юношей. "Мы с друзьями участвуем в битве со злом" - только и отвечал он на ее вопросы.

***

Накануне муниципальных выборов Антон возвращался после вечерней смены. Из подъезда соседнего дома быстро вышел какой-то человек; тусклый свет уличного фонаря упал на его лицо - это был ездивший с ними в летний лагерь инструктор по стрельбе. Антон поздоровался, но тот быстро прошел мимо и сел в машину, которая тут же тронулась с места. Не придав значения этой встрече, юноша пошел домой, радуясь предстоящим выходным.

На следующий день по радио объявили о терактах в крупных областных центрах и о том, что выборы перенесены на неопределенный срок. Также сообщили, что депутат от демократической партии города в тяжелом состоянии доставлен в больницу. Весь день Антон был сам не свой, но вечером взял себя в руки: выполнил медитацию сосредоточения, сел за стол и... записал: "Помни о клятве". Через мгновение меч на стене замер-

цал голубоватым светом, раздался телефонный звонок, и знакомый голос Светлейшего приказал срочно приехать в храм.

"Я надеюсь, ты еще никому не рассказал об увиденном. Пойми, мы живем в сложное и ответственное время, - говорил руководитель Ордена, глядя ему прямо в глаза. - К власти должны прийти нужные для нас люди. Только через жертвы возможна победа: нужно подавить жалость к вредным бактериям. Ты мне кажешься самым умным и самоотверженным из всех, и способен принести пользу нашему делу".

Не зная, что сказать, Антон растерянно молчал. Светлейший велел ему идти домой и как следует отдохнуть. Направляясь к выходу, юноша остановился перед портретом с зажженными факелами по бокам, - ему показалось, что черты лица крылатого Воина стали более жесткими.

***

Утро следующего дня принесло неожиданное известие: в городе сменилось руководство, и вместе со всей областью он скоро войдет в состав независимой народной республики. На улицах появилась бронетехника и люди в военной форме, был объявлен комендантский час. Вышел

декрет о роспуске всех партий.

Собрав в храме учеников, Светлейший прочувствованно обратился к ним: "Вы, конечно, знаете новости. Смена власти отвечает национальным интересам нашей страны, но самое главное, у Ордена появился шанс выполнить стоящие перед ним задачи. Когда государство окрепнет и расширит свои границы, мы провозгласим высшие моральные принципы. Жизнь на Земле станет мирной, счастливой и справедливой!" Речь Светлейшего звучала так патетически, что по ее завершении собравшиеся встали и долго аплодировали, а потом под звуки гимна покинули зал.

Позже, собравшись в кафе, молодые люди мечтали о будущем. "Вы только представьте, - говорил один из них, - наступит день, и мы выйдем в белых одеждах. Весь будет мир у наших ног..." Поднимая тосты за Новую Страну, Антон ощущал смутное беспокойство, но, помня о принесенной клятве, гнал тревожные мысли прочь.

***

Власти других регионов не признали самопровозглашенную "народную республику" и попросили военной помощи у демократических стран. Начался вооруженный конфликт: за окна-

ми то и дело слышалась канонада, а временами - гул самолетов. По городу поползли слухи о скорой мобилизации.

В погожий зимний день, перед очередным занятием, ученики столпились у входа в храм. На другой стороне улицы была припаркована большая военная машина. "Нас всех отправят на фронт?" - перешептывались ребята. "Какой фронт, ты в своем уме? Мы - соль земли!.."

Наконец дубовая дверь отворилась, и все вошли в помещение. Светлейший занял свое привычное место у алтаря, рядом с ним за стол сел незнакомый военный. В каменном зале гулко раздавались слова руководителя Ордена: "Воины Света! Вам представился случай доказать свою преданность нашему делу. Сейчас вам объяснят задачу". Человек в униформе начал говорить о нехватке живой силы на фронте и об особо важной миссии очистить страну от внутренних врагов. Из его речи следовало, что, по согласованию со Светлейшим, все ученики получают бронь от мобилизации, однако должны поступить на службу во внутренние органы республики. "Что конкретно нам нужно делать?" - спросил старший по группе. "Вы создадите боевой отряд..." Молодые люди переглянулись, у многих от восторга

заблестели глаза: таких интересных заданий до сих пор у них не было. Светлейший спокойно ждал, пока незнакомец объяснял подробности, а в конце беседы вышел вперед, поднял обе руки и дал членам группы свое благословение.

Вместе с другими учениками Антон вступил в отряд, всем выдали оружие. Обязанностью его звена было патрулирование улиц. Они останавливали прохожих, требовали у них документы и с помощью вопросов специально составленной анкеты выявляли неблагонадежных, которых тут же забирали в полицейский участок. Что происходило с этими людьми дальше, Антон старался не думать. Он стал замкнутым и под разными предлогами ездил в храм.

Портрет притягивал юношу и в какой-то момент словно стал его неотъемлемой частью. По ночам он перечитывал Послания, задавая невидимому Собеседнику терзавшие его вопросы, однако ни разу не получил ответа. Это молчание он связывал со своими сомнениями и ощущал себя предателем. Впрочем, его тревога отступала, когда он был среди своих товарищей: все они делают одно общее дело, а значит, даже если что-то не так, ответственность делится на всех.

***

С Мариной он теперь общался редко. Однажды она увидела его на улице вместе с членами уже известного в городе отряда - на руках у всех были белые повязки с двуглавым орлом. Юноша казался немного отрешенным и, не заметив ее, прошел мимо. В тот же вечер она позвонила ему и, под предлогом возврата книг, назначила встречу у метро. Он был рад ее видеть, но на вопрос "как дела?" неопределенно пожал плечами и извинился, что забыл захватить книги. Понимая, что предстоящий разговор не для посторонних ушей, она отказалась заходить в кафе и попросила проводить ее до дома.

"Как ты можешь поддерживать этот мерзкий режим? - взволнованно говорила Марина. - Это же бандиты! Президент способен уничтожить полмира ради своих амбиций!" - "Многие правители незаконно захватывали трон: Александр Македонский, Екатерина Вторая... - он стал приводить исторические примеры, - все их деяния способствовали прогрессу". - "Ага, вот кинут ядерную бомбу - будет такой прогресс!". - "Пойми, мир станет духовнее, если..." - "Если перебить всех несогласных, я правильно поняла?". Антон

разозлился: "Это не нашего ума дело! Мы вообще не должны это обсуждать!". Она хотела что-то возразить, но ее слова повисли в воздухе - он резко развернулся и ушел. Девушка растерянно смотрела ему вслед.

***

Почувствовав слабость местной власти, активизировались криминальные структуры - начался самый настоящий беспредел. Вооруженные бандиты в камуфляжной форме грабили магазины, захватывали автомобили, "отжимали" частные дома и имущество; новый режим так скомпрометировал себя, что жители города ждали прихода освободителей, как манны небесной. Даже в светлое время суток они боялись выходить на улицу, а с наступлением темноты, опасаясь авианалетов, занавешивали окна. Но в домах, за плотно закрытыми шторами, продолжалась жизнь...

Как-то Антона попросили отнести в полицейский участок список адресов неблагонадежных лиц. Выполнив задание, он уже шел к выходу - и тут ему пришлось замедлить шаги. Навстречу по коридору вели смутно знакомого человека со связанными за спиной руками. Несмотря на плохое освещение, юноша с удивлением узнал

своего соседа по лестничной площадке. Когда они поравнялись, тот бросился к нему: "Антон! Скажи им, что я не враг!". В ту же секунду конвоир оттащил несчастного, ударом кулака сбил его на землю, а подоспевшие охранники стали избивать ногами. "Проходите, не задерживайтесь!" - крикнул один из них.

Ночью где-то в центре города были слышны частые выстрелы; наутро по радио передали приказ всем жителям собраться перед зданием администрации. Было объявлено, что доблестными силами правопорядка уничтожены злейшие враги Республики. Когда народ столпился на площади, из ворот примыкавшей к мэрии тюрьмы показались несколько грузовых автомобилей. Они двигались медленно, а на открытых платформах вповалку лежали обнаженные трупы. Сопровождавшие машину военные вели съемку лиц горожан: не проявит ли кто из них сострадание? Выезжая на примыкающую к площади улицу, последняя машина накренилась, и в толпе прошелестело многоголосое "Ах!": из кучи трупов откинулась русая коса - такая была только у дочери местного священника. Перед Антоном на мгновение мелькнуло закаменевшее лицо ее отца...

***

Антон шел, не разбирая дороги. "Кто я сейчас? Борец за правое дело или преступник?" - проносилось в его голове. Зайдя в какой-то двор, он прислонился к водосточной трубе. Его стало рвать, в глазах потемнело... Он и сам не помнил, как оказался у дома Светлейшего. В последнее время руководителю Ордена нездоровилось - в храме он появлялся редко. Дверь была приоткрыта, и юноша не стал звонить, а просто вошел.

Светлейший сидел за столом. Лоб его прорезали глубокие морщины, в длинных, схваченных обручем волосах появились новые седые пряди. Увидев гостя, он встал ему навстречу. "Я ждал тебя и все знаю". По приглашению Светлейшего Антон сел в глубокое кресло. "Ну, и какие выводы ты сделал?" - прервав тягостное молчание, спросил хозяин. - "Только один. Я не хочу в этом участвовать". - "Так я и думал. Успокойся и постарайся меня услышать. Мне и самому трудно все это принять, но другого пути у нас нет. Я получил приказ свыше продолжать наше дело ради будущего страны. А самое главное, среди этих людей действительно много врагов: паникеров, наводчиков..." - "Даже если они в чем-то виновны,

сначала нужно их судить!" - "Сейчас военное время. И ты прекрасно знаешь о кармических законах".

Светлейший встал и прошелся по комнате. На стене висела фотография: он сам, только без седины, молодой человек, женщина и двое детей. "Я давно хотел рассказать тебе... Несколько лет назад я потерял свою семью - все они погибли в автокатастрофе. Это не было случайностью: сын с невесткой открыли частную фирму, но отказались платить бандитам. Надеяться на правосудие было бессмысленно..."

"Когда все разошлись после похорон, - после минутной паузы продолжил хозяин свой рассказ, - я встал у могилы на колени и начал молиться. Просил не только об отмщении - мне хотелось стать полезным своей стране, которая развалилась буквально на глазах. Внезапно небо потемнело, сверкнула молния. Я потерял сознание, а когда очнулся - услышал Голос: "*Ты получишь то, о чем просишь. Выполняй мои приказы и умей ждать*". Вокруг не было ни души - обращенные ко мне фразы звучали только в моей голове. С этого момента я обрел Наставника и под его руководством стал проходить оккультную подготовку. Эзотерикой я интересовался с юности, а он по-

мог мне развить скрытые силы. Когда начались выступления против власти, он велел основать Орден и набирать учеников. Обещал, что все сложится должным образом, - так и получилось. Все эти годы я поддерживал связь с людьми из внутренних органов; благодаря им убийцы моей семьи уже мертвы...".

Рядом с креслом, в котором сидел Антон, стоял запыленный мольберт и несколько подрамников. "Да, я закончил художественную Академию, - пояснил хозяин, заметив взгляд юноши. - Портрет, который так тебя притягивает, написал я сам. Во время одного из Контактов мне было приказано взять краски, кисти и подойти к холсту. Работая над картиной, я не осознавал себя, но завершив ее, понял, что запечатлел на Портрете своего невидимого собеседника". - "Кто он?" - "Я никогда не спрашивал его имени. Возможно, реинкарнация какого-то языческого бога..."

Ветер откинул занавеску большого окна. Город тонул в лучах багряного заката.

***

Неделю спустя, в очереди за хлебом, мама Антона встретила Марину. "Как у вас дела?" - спросила девушка. - "Ох, плохо! Антон очень болен - был без

сознания, бредил. С того самого дня, когда... - не договорив фразу, женщина опасливо оглянулась. - Только вчера в себя пришел. Ты бы заглянула к нам, Мариночка..."

Вечером перед работой девушка позвонила в дверь квартиры Антона. Он был бледен, а худоба и темные круги под глазами делали его похожим на средневекового мученика. Говорили они недолго. Марина поставила на тумбочку пакет с дефицитными мандаринами и мягкую игрушку - плюшевого медвежонка: "Пусть он тебя лечит", вложила ему в руку какой-то конверт и убежала.

В конверте лежал листок с двумя строками - это были ссылки на страницы уже знакомой Антону трилогии Толкиена. Собравшись с силами, он потянулся к полке, достал книги и, согласно первой ссылке, прочел диалог двух могущественных магов - Гэндальфа и Сарумана.

Вот что говорил Саруман, решивший перейти на сторону Зла:

"...Нам необходима полнота всевластья, ибо лишь нам, мудрейшим из Мудрых, дано знать, как устроить жизнь, чтобы люди жили мирно и счастливо... На земле появилась Новая Сила. Перед ней бессильны прежние союзы... Мы должны поддержать Новую Силу. Это мудрое решение,

поверь мне, Гэндальф. В нем - единственная наша надежда. Победа Новой Силы близка, и поддержавших ее ждет великая награда. Ибо с возвышением Новой Силы будут возвышаться и ее союзники; а Мудрые - такие, как мы с тобой, - постепенно научатся ею управлять. О наших планах никто не узнает, нам нужно дождаться своего часа, и сначала мы будем даже осуждать жестокие методы Новой Силы, втайне одобряя ее конечную цель - Всезнание, Самовластие и Порядок, - то, чего мы мечтали добиться..."{1}

Вторая ссылка указывала на страницу другого тома трилогии. Он открыл монолог Элронда, короля эльфов:

"Светлые Силы не могут использовать Кольцо Всевластья... Могучим оно особенно опасно"{2}

Антон помнил эти строки - раньше он не особенно задумывался об их смысле, но теперь столь явные параллели с происходящим потрясли его.

Измученный, он наконец уснул. Ему снилось, что он стоит у Портрета и просит показать Новую Страну. Перед ним заклубился туман, потом рассеялся, открывая широкую площадь. В лучах

{1} Комментарии: 1
Д.Р. Толкин "Властелин колец", том 1.

{2} Комментарии: 2
Там же.

восходящего солнца по ней шагали люди с радостными лицами, вдали виднелись очертания белоснежных городов. Когда Антон спросил, как достичь светлого будущего, он увидел гекатомбы трупов: по реке времени плыли мертвые тела, и поток был нескончаем... Замелькали картины из недавнего прошлого... Какая-то сила начала затягивать его в гигантскую воронку, он отчаянно сопротивлялся, приближаясь к ней. Вот еще один шаг - и бездна! Юноша проснулся в холодном поту, но проблеск еще не до конца осознанной мысли озарил сгустившуюся тьму.

***

С самого начала болезни Антона навещала хорошая знакомая его мамы - Анна Леонтьевна, пожилая дама со старомодной прической, в прошлом врач-невропатолог. Юноша знал, что она глубоко верующая и посещает церковь евангельских христиан-баптистов. Когда она появилась в очередной раз, он задал ей давно волновавший его вопрос - как происходит духовное развитие человечества? Анна Леонтьевна на минуту задумалась и ответила: "Видишь ли, древний мир был невероятно жесток, но после прихода Иисуса менталитет людей начал меняться. Конечно,

за последние два тысячелетия войны - в том числе и за веру - унесли миллионы жизней, и все же нравы смягчились: общество стало более гуманным". - "Значит, Христос преобразил мир своим примером?" - "Своим Словом и смертью на Кресте". - "Так ведь завоевания тоже..." - "Верно, - кивнула она, - благодаря военным походам народы приобщались к более высокой цивилизации, и мы, с земных позиций, не вправе осуждать великих полководцев. Но что может дать миру современный Македонский? Террор и пафосные фразы?" - "Ну... а если все же попытаться построить счастливое, справедливое общество?" - "Тогда и средства должны быть в гармонии. Когда благую цель начинают осуществлять с помощью кровавого насилия, о ней, как правило, забывают. Из-за этого пришло в упадок христианство, не осуществились идеалы Французской революции, а красивые лозунги борцов с царизмом превратились в чистую демагогию...".

Через неделю Антон уже мог вставать с постели, но по-прежнему был замкнут и неразговорчив. Как-то за ужином мама включила телевизор. Ведущий местной программы "новостей" сообщил, что один из жителей города недавно получил звание почетного гражданина Республики. На

экране появился Светлейший в парадном облачении, поблагодарил представителей власти и заверил, что вместе с командой своих учеников будет продолжать свое святое служение на благо Родине. Антон, не допив чай, ушел к себе.

Участились артобстрелы, приходилось спускаться в бомбоубежище. После очередного авианалета в окне его комнаты оказались выбиты стекла, а потемневший орденский меч лежал на полу - видимо, стены тряслись от ударов. Юноша завернул оружие в ткань и спрятал на антресолях.

* * *

Нужно было решать, что делать дальше. За это время Светлейший несколько раз звонил и интересовался его самочувствием. Когда юноша категорически отказался продолжать работу в боевой группе, тот не настаивал - только сказал, что помещение храма занято под военный склад, а занятия прекращены на неопределенный срок.

Антон вернулся на завод и получил бронь от призыва на фронт. По выходным он снова стал встречаться с Мариной - они ходили на набережную, смотрели на теплоходы и подолгу говорили. Вкратце он рассказал ей о своем пребывании в

Ордене. Девушка понимала, что это больная для него тема, и не задавала лишних вопросов. Вместо этого она стала приносить книги известных писателей и философов - юноша жадно читал, удивляясь, насколько суждения людей, живших много лет назад, созвучны современности.

Военные действия шли с переменным успехом, однако после нового года ситуация изменилась: армия противника перешла в наступление по широкой линии фронта. В городе все чаще стали появляться листовки - их клеили на водосточных трубах и раскладывали по почтовым ящикам. Автор короткого текста призывал не верить лживой пропаганде и сопротивляться кровавому режиму. За информацию о дерзком преступнике была обещана награда.

***

В тот вечер они должны были встретиться на площадке перед сквером; Антон уже подходил к назначенному месту, когда его внимание привлекло скопление народа у рекламного столба. "Это я! Я ее поймала! - взволнованно говорила полная женщина с хозяйственными сумками. - Наши ребята гибнут на фронте, а эта тварь...". За ее спиной, рядом с охранниками, стояла Марина.

Она была бледной, но держалась с достоинством. Полная женщина все повторяла, как она радуется новым порядкам, и спрашивала о деньгах за поимку опасной преступницы. Ей пообещали выплатить полную сумму, когда будет готова ведомость. Прибыла полицейская машина, девушку увезли.

Всю ночь он не мог уснуть - перед глазами стояла сцена ареста подруги, и лишь под утро провалился в короткий сон. Проснулся словно от толчка. Пропуск! Корочки, выданные ему при вступлении в отряд, нашлись в кармане зимней куртки. Он оделся, повязал белую повязку с орлом и достал из ящика боевое оружие, которое давно собирался сдать в комендатуру. Спустившись во двор, вывел из гаража соседский мотоцикл с коляской - иногда он брал его с разрешения хозяина - и поехал к зданию тюрьмы. Все действия он совершал по наитию, понимая, что другого шанса не будет.

Был ранний час, дома тонули в утреннем тумане. Махнув документом перед носом сонного часового, он прошел по длинному переходу в тот отсек, где, как ему было известно, находились камеры предварительного заключения. Дежурный узнал его - когда-то они вместе патрулировали

район. "Арестованная Марина Ермолова! На допрос к коменданту, срочно!" - услышал он, словно со стороны, свой голос. Охранник взял ключи и, лязгнув замком, отворил дверь ближайшей камеры. "Руки за голову, по коридору марш!". Марина пошла вперед под дулом револьвера. Вот и пост. "Конвой ждет на улице", - бросил Антон часовому; тот распахнул перед ними дверь. Когда девушка села в коляску мотоцикла, он нажал на газ.

Планируя переждать несколько дней на одной из заброшенных дач, а потом перейти границу, он поехал к железнодорожной станции. Однако линия фронта приблизилась к черте города, и вскоре их остановил патруль: "Без специального разрешения выезд запрещен". Пришлось вернуться в город. Мотоцикл они оставили в одном из переулков - их уже могли искать; домой к Антону идти было опасно, и они пешком отправились к Анне Леонтьевне. На звонок в дверь никто не ответил; соседка по лестничной площадке сказала, что "докторша" неделю назад уехала к дочери.

Весь день они бродили по городским окраинам, стараясь не появляться в людных местах. Стемнело, приближался комендантский час. Антон предложил заночевать в какой-нибудь парадной, но внезапно их ослепил свет фар и раздался

скрип тормозов. Водитель распахнул дверцу авто: "Садитесь, быстро!". Антон узнал Светлейшего - его тон был таким беспрекословным, что они повиновались. Юноша ждал, что руководитель Ордена сдаст их на ближайшем посту, но через полчаса они оказались у задней стены храма. "Здесь нет видеокамер, - тихо сказал Светлейший. - Если хотите выжить, слушайтесь меня". Покинув машину, они вошли в здание через черный ход и поднялись на верхний этаж. Светлейший достал ключ и отворил одну из дверей: "Это бывшая келейная, пусть девушка отдохнет". Марина осталась в комнате, а Антон вслед за хозяином спустился в его кабинет.

"Все это время я наблюдал за тобой. Мне было сказано, что ты станешь моим преемником и именно от тебя будет зависеть судьба Ордена. Но я понял, что в тебе слишком много человечности. Ты напоминаешь мне сына - он был таким же благородным..."

Светлейший приоткрыл створку высокого окна. Ночная улица была пустынна, шел дождь.

"Ответь мне на один вопрос. Ты давно получал Послания?" - "Очень давно". - "Я скоро вернусь. Жди", - руководитель Ордена накинул пальто и исчез в сумраке притвора храма. Сквозь шум

ливня донесся звук шин по мокрому асфальту.

Антон огляделся. Обстановку комнаты составлял шкаф с книгами, кресла и письменный стол. В углу висел Портрет - видимо, Светлейший поместил его туда, забрав из главного зала, который сейчас был занят боевой техникой и мешками с песком. Подойдя, юноша заметил на лице Воина отстраненность и холодное равнодушие к происходящему.

На столе лежала толстая папка с бумагами. Не сумев сдержать любопытства, он открыл ее - это были записи, сделанные рукой Светлейшего. "*Цивилизация Альфа Центавра в целом благоприятна, несмотря на козни красного карлика... Гибель ждет страны, восставшие против нас. Не пройдет и трех дней, как они окажутся сметены с лица Земли гигантскими катаклизмами...*" Последняя запись была сделана месяц назад, дальше шли чистые листы.

В замке повернулся ключ. Быстрыми шагами вошел Светлейший: "Через час на пропускном пункте сменится караул. Возьмите мою машину, вас выпустят - я договорился. Вот деньги и нужный адрес за линией фронта".

Антон сходил наверх за Мариной. Когда они уже готовились выходить, Светлейший взял со

стола папку с бумагами, положил в портфель и вручил его юноше: "Вывези это! Ты отошел от дел и многого не знаешь. Власти использовали нас, но им не нужны конкуренты. Дни Ордена сочтены! Видимо, что-то пошло не так..." - добавил он едва слышно.

Молодые люди сели в машину. Мотор завелся не сразу; когда же они наконец тронулись с места, раздался выстрел. Антон резко затормозил и, распахнув дверцу авто, побежал обратно. За столом в неестественной позе сидел Светлейший. На каменном полу расползалось пятно крови, у ножки кресла валялся револьвер. Антон постоял с минуту и молча вышел.

***

Границу они пересекли удачно. У Марины в другом городе нашлись родственники, которые приняли их и помогли Антону найти работу.

Спустя два месяца, после ожесточенных боев, войска демократических сил заняли город. Многие дома были разрушены, в том числе особняк на окраине, но квартал, где жил Антон, и здание храма сохранились. Из отчетов комиссии по расследованию преступлений режима юноша узнал, что ближайшие помощники Светлейшего казне-

ны как враги Республики. Вскоре бывшие члены Ордена прошли денацификацию, некоторые из них были осуждены за серьезные нарушения гуманитарного права. "Мы лишь выполняли приказы" - повторяли они на суде.

Антон долго хранил портфель с записями руководителя Ордена. Как-то, заглянув в папку, он обнаружил там чистые листы вместо исписанных, и на следующий день ноги сами привели его к храму. Открывая скрипучую дверь, он вспомнил, как впервые переступил этот порог. На стене, где раньше висел Портрет, зияло пустое место; не было картины и в других помещениях. Позже Антон тщетно пытался найти фотографии. Изображение Воина Света безвозвратно исчезло.

Елена Ермакова

Секрет

Когда ушло последнее солнце и пришла вечная зима, часть насекомых сразу же вымерла, а часть...

Я отрываю глаза от книги, потому что голоса родителей у печки звенят от тревоги. Не люблю такие голоса, напряженные, испуганные. Не хочу знать, что там у них снова приключилось. Так и не дадут дочитать книгу. Хотя это все сказки, конечно. Про солнце, траву, насекомых, цветы. Страницы книги рассыпаются от старости, картинки совсем выцвели. Сколько поколений ее хранили? Книга не заслуживает лучшей участи, чем быть отправленной в печку. Не хочу знать, что сделали насекомые, когда ушло последнее солнце. Что они могли сделать, эти маленькие, беспомощные создания? Еще более беспомощные, чем мы, люди.

Мать кричит от печки, чтобы я сходила в пещеру за углем. Почему всегда я? Неужели отец не может притащить тяжелые сани? Я кладу книж-

ку под одеяло, рядом со своей куклой. О кукле никто не знает. Она мой секрет.

Нехотя выхожу из дома, пинаю ногой сани. Удар отдается болью, сани примерзли к насту и не сдвинулись с места.

На секунду застываю, глядя на снежную равнину.

Я люблю, когда снег под ночными звездами становится совсем фиолетовым. Серый под мертвой дневной звездой, он кажется каменистым, а ступишь на него - он скользкий и жесткий, если упадешь. Ночью под звездами он меняется, становится рыхлым, удобным для ходьбы, скрипучим. Почему так?

Последнее слово, которое я слышу из-за закрывающейся за мной двери в сени - "мертвая язва". Видно, родители думали, что я уже ушла, а я вот она, только еще дверь закрываю.

Я вздрагиваю и кутаюсь плотнее в шарф. Давно уже это слово не звучало в нашем доме. В последний раз, когда бабушка и дедушка ушли из дома и не вернулись.

Тащусь с санями к пещере. Раньше это была угольная шахта, уголь и сейчас навален кучами у входа, но откалывать его от кучи в морозном воздухе тяжело. Впрочем, мое тело давно привыкло

к тяжелой работе, хоть я и девчонка. Младшие братья слишком маленькие, чтобы чего-то от них требовать, а мать хочет научить меня всему, что умеет сама как можно скорее. К чему ей такая спешка?

Сейчас в пещере ничего не видно, кроме темной массы угля в свете моей жалкой свечи, но при дневной звезде можно увидеть нависающие над входом ледяные сосульки. Некоторые сосульки достают почти до земли. Если днем поднести к ним свечу, то можно увидеть пузырьки воздуха. А еще ... еще я однажды увидела ... Нет, я не хочу это вспоминать. Это запретное.

Я уже давно перестала бояться ходить в пещеру с санями совершенно одна. На много миль вокруг никого нет, кроме маленьких диких коз, которые выгребают из-под снега лишайник. Этот лишайник появляется, когда снег стаивает с камней в нашей долине во время Теплого Месяца, когда мы можем ходить без варежек, и с сосулек в пещере капает вода.

Раньше у нас были соседи, но сейчас их дома пусты. У нас хорошее место, рядом с шахтой, но людей в мире так мало, что селиться здесь некому. Есть и ручей, где отец ловит рыбу. Мы почти не голодаем, грабить нас некому, но тревог все

равно не убывает. Взять хотя бы мертвую язву.

Вваливаюсь в дом в клубах пара, но отец даже не открывает глаза, и мать молчит, ни одного вредного слова. Странно. Иду к печи с углем в руках прямо в валенках - мать ни гугу. Устало так поворачивает голову в мою сторону и говорит:

- Пойдем-ка в кладовую. Покажу тебе кое-что.

Я иду за ней, так и не сняв валенки. До кладовой идти по коридору, там холодно, но мать почему-то плетется в вязаных носках.

- Вот смотри, эти две полки - сушеная рыба. Здесь мука, но ты ее береги, отец ее с трудом добыл. Вон там мешок с сухарями висит, чтобы мыши не достали. Вон там мешочки с лечебным мхом-вьюшкой.

Мать говорит, рукой машет, а на руках варежки у нее. Почему? Валенки надеть забыла, а варежки нет ...

- Ма, зачем мне это знать? Продукты - это твое дело, разве нет?

Мать втягивает голову в плечи.

- Никогда не знаешь, когда станешь хозяйкой в семье, - бормочет.

- Ма, что случилось?

Мать выглядит виноватой и испуганной, а потому пугаюсь и я. Но теперь уже мне так страшно,

что слова застывают на языке, не произнесенные вслух.

- ... продержитесь, - доносится до меня ее голос сквозь туман страха в голове.

Продержитесь? В каком смысле? Что она имеет в виду?

Я плетусь за матерью в комнату, замечая, как неуверенно она идет, опираясь о стенку в коридоре рукой в варежке. Отец лежит на полу у печки, тоже в варежках, спит что ли? Малыши уснули уже давно, они на печке, пригрелись в тепле.

Мать садится рядом с отцом и начинает тихонько всхлипывать, а я от ужаса бегу к своей постели в углу и забираюсь под одеяло. Кукла, спаси.

- Слышишь, - шепчу кукле. - Самые первые признаки мертвой язвы, они на руках.

- Тихо, тихо, - отвечает мне голос в голове. - Помнишь, мы с тобой говорили - самое большое зло - оно от страха. Кроме того, ты не одна. У тебя есть я.

Меня начинает трясти от слез. Шептать я больше не могу, потому отчаянно кричу ей у себя в голове.

- Мать же не велела отцу охотиться на коз. Говорила, обойдемся рыбой. Ходили же слухи об эпидемии, так почему отец не послушался,

почему притащил тогда эту козу?

- Успокойся, - кукла говорит строго и спокойно. - Теперь уже ничего не изменить. Обними меня.

- Я не хочу, чтобы они ушли, как бабушка и дедушка. Не хочу, чтобы они отдали себя ледяной пустыне.

- Есть вещи, которые ни ты, ни они не можете изменить. Только им решать, хотят они остаться и заразить детей, или уйти. Обними меня и успокойся.

Я вцепляюсь в куклу еще сильнее, зарываюсь в нее лицом, позволяю ей обхватить свою голову руками. Потом вдруг вспоминаю, кто она такая, но уже слишком поздно. Кукла уже сделала что-то, отчего я больше не хочу шевелиться и поддаюсь полусну. Но и в полусне я вижу мамины руки в варежках, а потому заставляю себя уплыть в память о запретном. Если буду думать о запретном, хотя бы мысли о мертвой язве уйдут.

Я и сплю, и не сплю. Вижу пещеру. Вижу, как огонек моей свечи высвечивает пузырьки в сосульке у входа. Пузырьки такие красивые, но среди них притаилось что-то белое. Маленькая мышь вмерзла в лед? Нет, это что-то круглое и слегка продолговатое как яйцо, пушистое.

День тогда был тяжелый, руки совсем онемели

от холода и работы с углем, но я все-таки вытащила из саней топорик и отрубила от сосульки часть с пузырьками и яйцом. А дома бросила сосульку под кровать. Наутро яйцо лежало в луже под кроватью, размером в половину моего мизинца, шершавое, как будто запелёнатый шерстяными нитками камушек. Нет, не камушек. Внутри что-то шевелилось. В памяти всплыло слово "кокон", я бросилась к своей книжке со сказками и нашла ту, в которой были насекомые. Да, я не ошиблась. Это они плели коконы в незапамятные времена. А еще они умели летать, жалить, а иногда маскироваться под разные предметы, например листья, ветки или даже друг под друга.

К вечеру из кокона вылезло черное существо с выпуклыми глазами, которое смотрело на меня, подрагивая странными конечностями, как будто прижатыми к груди. Существо было маленьким, но таким устрашающе-отвратительным, что я замахнулась на него книгой.

Существо словно что-то сообразило и стало лихорадочно забиваться в щель между половицами. И все-таки оно было слишком большим, чтобы там уместиться. Оно шелестело задними лапками о старое дерево, пыталось спрятаться, но не могло. Не знаю, чего мне стоило не раздавить его.

Не знаю, почему я этого не сделала. Сжав зубы, я спустила на пол кусочек одеяла с кровати, чтобы прикрыть существо от случайного взгляда родителей, забралась на печь к младшим братьям, сказавшись больной, и провалилась в сон. Уснуть на кровати, под которым копошилось насекомое, я бы не смогла.

Сон затягивает меня окончательно, как и тогда, в ту ночь. Я лечу в черный тоннель, полный воды, и мимо меня летят пузырьки воздуха. Я кутаюсь в одеяло, которое становится моим коконом. Он сохранит мою жизнь и мое тепло, пока меня не разбудит рука времени.

А потом просыпаюсь от ужаса. Неужели уже утро, и никто не добавил уголь в печь? Ей нельзя остывать. На полу нет привычного оранжевого луча из-за печной дверцы. Значит, тепло вот-вот умрет. Вот растяпа отец, дрыхнет, позабыв обо всем, как всегда. Бросаюсь к печке и кормлю ее углем, пока не занимается огонь. С облегчением закрываю дверцу и смотрю в щель на трепещущее пламя. В окне тьма сменилась темно-серым, на печке зашевелились братья.

Я люблю самое раннее утро, когда мама выбирается из постели и начинает тихо-тихо снимать с полок и ставить на стол миски. Потом начи-

нает тихонько постукивать ее нож. В котелке начинает булькать вода, свет мертвой звезды из темно-серого становится серым, а на полу под печкой пляшет веселый оранжевый зайчик.

Я люблю в такие моменты забираться к родителям в постель, в самые ноги отцу, и смотреть, как мама хлопочет по дому. Я и сейчас так делаю, но под одеялом холодно, будто всю ночь там никто не спал.

Я соскакиваю с постели и бегу к двери. Ни у двери, ни в сенях обуви родителей нет. Выскакиваю на снег, но не вижу ни их, ни их следов у порога. Холод сжимает меня в кулаке так, что становится трудно дышать. Скоро самый холодный месяц года.

У теплой печки я начинаю давиться слезами. Громко плакать нельзя, чтобы не разбудить братьев, поэтому я стараюсь плакать беззвучно. Потом ползу к своей кровати. Кукла на одеяле, смотрит на меня. Прятаться ей больше не нужно, родителей же нет. Мне хочется ударить ее, швырнуть об стенку, словно она виновата в том, что мать и отец покинули меня, но вместо этого я сажусь рядом и вытираю слезы краем одеяла.

- Ты не одна, - слышу я голос куклы у себя в голове. - Мы справимся. Ты сохранила мою жизнь,

а я сохраню жизнь тебе. Помощь уже идет.

И тогда я встаю и начинаю делать то, что всегда делала по утрам моя мать. Я знаю каждое ее движение, каждый шаг, каждый жест. Я становлюсь ей, чтобы ни о чем не думать, чтобы отогнать страх.

Малыши просыпаются и по привычке садятся за стол. Их не удивляет, что все делаю я. Мать иногда уходит к утренней полынье отнести отцу завтрак, если его рыбалка затягивается. Белые головы братьев склоняются над плошками, они хихикают и дразнят друг друга. Как всегда.

- Где мать? - спрашивает, наконец, один из них.

- Они с отцом к родне ушли за продуктами, - сообщаю им ту же ложь, которую когда-то сказала мне мать про исчезновение бабушки и дедушки.

А потом меня вдруг скручивает так, что перехватывает дыхание. Мать и отец идут сейчас по мертвому снежному полю, зная, что скоро мороз скует их, и они уснут вечным сном. А мы сидим и едим завтрак. Я притворяюсь, что закашлялась, сгибаюсь над столом, чтобы они не видели моих слез. Потом не выдерживаю и бегу к кукле.

- Ты молодец, - слышу ее голос. - Держись. Ты все делаешь правильно.

Братья подходят к моей кровати, но не потому,

что им жалко меня, задыхающуюся от кашля. Они увидели куклу.

- Это еще что? - шепчет один из них. - Откуда это взялось?

- Взялось, - отвечаю ему коротко. Не его дело. Мне не стыдно за куклу. Просто без толку объяснять братьям, что мне тоже нужны игрушки. Я тоже ребенок, я родилась не старушкой, которая умеет только ворчать и не соглашаться с матерью.

День проходит как в тумане. Не замечаю холода, не замечаю тепла. Не замечаю времени, не замечаю братьев. Если бы не кукла, я вышла бы на снег и пошла куда глаза глядят, следом за родителями.

- Все вернется, жизнь вернется, - шепчет мне кукла ночью. - И краски, и силы, и надежда.

- Ага, - отвечаю ей. - Скажи еще, что солнце вернется.

Кукла молчит. Молчи, молчи. Сама знаешь, что мертвая звезда несет нам только смерть и холод.

- Мы не можем так просто сдаться смерти, - кукла как будто прочитала мои мысли.

Ага, не можем. Еще как можем. Родители же сдались. Куда уж нам устоять.

- Я столько ждала своего рождения не для того,

чтобы умереть, - убежденно говорит кукла. - Должен быть выход.

Я уже сплю и мне снова снится тот же сон, в котором я лечу сквозь потоки воды и пузырьки воздуха, но на сей раз в конце черного тоннеля брезжит свет.

Мне кажется, или сквозь сон до меня доносится голос куклы?

- Я приняла решение. Я отдам тебе свою силу. Только подожди еще совсем немного.

Утро приходит струйками холода, которые пробрались под одеяло. Вскакиваю, ужаленная холодом. Проспала и не подложила угля в печь. Пока вожусь с печкой, просыпаются братья, молча стоят у меня за спиной. Как же мне справиться со всем этим, когда я и проснуться-то вовремя не могу?

Громкий стук в дверь заставляет меня чуть ли не подпрыгнуть.

Меня захлёстывает такая надежда, что сердце, кажется, вырвется из груди. Родители вернулись! Все трое бросаемся в сени, сбивая друг друга с ног.

Распахиваю дверь и в утренней полутьме вижу человека. Кажется, девушку. Это не мама.

Я стою и молча сморю на нее, не в силах прийти

в себя от разочарования. Она улыбается мне и кивает, и я пускаю ее в дом. Таков закон снежной пустыни - любой путник, который постучал к тебе в дверь, обязан быть принят.

Девушка оглядывает комнату, откидывает капюшон старой козьей шубы. Улыбка у нее добрая. Волосы темные. Движения быстрые, ловкие. Девушка снимает заплечный мешок, вынимает оттуда хлеб. Хлеб - редчайшая редкость в наших местах! Братья бросаются к буханке, и она без звука её им отдает. Как голодные зверки они бросаются за печку со своей добычей.

- Я слышала, вам тут помощь нужна, - говорит девушка, глядя на меня.

- Тебя родители прислали? - спрашиваю ее, не желая расставаться с надеждой.

Девушка отрицательно качает головой, и надежда умирает. У девушки странные, немного выпуклые глаза. Таких глаз я никогда не видела. Я вдруг понимаю, что девушка отличается от всех, кого я знаю. Какая-то она не такая, чужая. Глаза у нее не серые, не желтые, и не зеленые, они переливаются, как будто сделанные из отдельных маленьких частей. При бледном свете свечи кажется, что они излучают своё отдельное свечение. Я бы испугалась ее, но у нее подкупаю-

щая улыбка, не пускающая страх в мое сердце. К тому же я слишком устала от страха и горя.

- Я пришла вам помочь.

Мне и хотелось бы заявить ей "сами справимся", но я молчу, потому что я так устала за вчерашний день, что поняла - не справлюсь.

Голос у девушки теплый, в нем надежда, уверенность. Даже странно в нашем доме слышать такой голос.

- Отведу вас в свою деревню, вам там рады будут. У нас несколько семей, есть пустые дома, если сами жить захотите. У нас и дети тоже есть.

Я медленно киваю. Выбора-то у меня нет.

- У меня сани, на них можешь братьев посадить, я их повезу. А на свои сани вещи положишь, хорошо?

Я снова неохотно киваю и иду в свой угол собирать вещи. Вещей у меня мало, у братьев еще меньше, но эти вещи так приросли к своим местам, что их больно отрывать от привычных точек и углов.

- Откуда у тебя это?

Оглядываюсь и вижу, что девушка смотрит на куклу, которая так и сидит на постели со вчерашнего дня, ни от кого не скрываясь.

Странный вопрос. Откуда у детей берутся кук-

лы?

Или она догадалась, что это не просто кукла?

А если и догадалась, она, эта чужачка, что, и вправду думает, что я вот так возьму и расскажу ей все-все? Расскажу ей то, во что и сама не очень-то верю? Открою ей свою тайну?

Я отворачиваюсь от девушки и засовываю в мешок книгу.

Чужачка отрывает меня от моего родного дома и ждет, что я ей доверюсь? В качестве благодарности?

Ну, конечно! Так я ей все и выложу! Я начинаю еще яростнее засовывать в мешок оставшиеся вещи.

Да, скрывать не стану, девушка мне нравится, и пришла она очень вовремя, но, открой я ей как все было в тот день, когда родилась кукла, она решит, что я сумасшедшая.

А потому пусть не надеется, что я ей хоть что-нибудь расскажу. Не расскажу.

Не расскажу, как утром после той ночи, когда я спрятала насекомое, я заглянула под кровать. Не расскажу, как поставила на пол свечу, и свет свечи наткнулся на что-то, что отбросило тень. Длинную, длиннее, чем я ожидала.

Так она мне и поверит, что под кроватью си-

дело существо, точь-в-точь похожее на меня, с теми же бледными глазами, затравленным взглядом, растрепанными волосами, в той же рваной одежде. Так она мне и поверит, что это было оно, насекомое, но за ночь принявшее мой облик. Так и поверит, что насекомые это умеют, маскироваться под других. Теперь я точно не могла бы убить его, хоть и знала, что это оно. Не могла же я убить себя, пусть и меньшую по размеру.

И уж, конечно, я не могу рассказать этой чужачке о том, что протянула к существу руки и назвала его своей куклой. А оно приковыляло ко мне и стало жить у меня под одеялом, с каждым днем становясь все больше. Кто вообще поверит в такое?

- Ты не ответила, - напоминает мне девушка о вопросе. Настойчивая, однако. Сдалась ей моя кукла!

- Это секрет, - отвечаю я ей. А что мне еще сказать?

- У меня тоже было такое, - говорит вдруг девушка.

- И куда оно делось? - вырывается у меня нелепый вопрос.

- Секрет, - отвечает мне девушка, совершенно серьезно, надеясь, что я не замечу, что она меня

передразнивает.

Я пристально смотрю на девушку, а девушка смотрит на куклу. Кукла тоже смотрит на нее. Так, как будто между ними есть что-то общее. А я как будто лишняя.

Мне не нравится этот взгляд между ними, я хватаю куклу и хочу засунуть ее в мешок, но потом передумываю. Я засовываю ее себе под шубу, чтобы не дать ей замёрзнуть, когда мы выйдем из дома. Кукла осторожно обнимает меня, потом сильнее, гораздо сильнее, чем когда-либо обнимала меня раньше.

Перед тем как выйти из дома, я задаю девушке последний вопрос. Тот, который не задала в самом начале.

- Так откуда ты все-таки узнала, что нам нужна помощь?

- Почувствовала, - усмехается девушка.

Потом, заметив испуг на моем лице, добавляет:

- Сейчас везде эпидемия. Я во все деревни захожу.

Я оглядываюсь на свой родной дом всего один раз. Больше не могу. К тому же я едва успеваю за девушкой, которая тянет сани с моими братьями, тепло одетыми и укутанными в одеяла. Ну и сильная же она. Никогда не видела, чтобы кто-то

бегал по снегу так быстро, да еще и с нагруженными санями. Даже мой отец всегда ходил по снегу, с трудом переставляя ноги и задыхаясь. Что уж говорить обо мне.

Постепенно девушка перекладывает почти все мешки с моих саней на свои, чтобы дать мне возможность двигаться хоть чуть-чуть побыстрее.

- Скоро легче будет, - кивает мне она. Потом бросает взгляд на мою шубу. Почему-то мне кажется, что она взглядом выискивает куклу, и я снимаю варежку и рукой тянусь к своему сокровищу, спрятанному под шубой. Но куклы там больше нет. Сердце останавливается от ужаса.

А девушка тем временем уже бежит со своими санями вперед. Я беспомощно оглядываюсь назад, надеясь увидеть куклу на снегу, но уже темно, снег уже больше не серый, а почти фиолетовый. Где уж тут ее разглядеть. Я понуро бреду вперед, следом за девушкой, восстанавливая дыхание и глотая слезы. И вдруг понимаю, что идти мне стало гораздо легче. Может, мы движемся вниз, и путь пошел под уклон?

Я перехожу на бег рысцой, опасный в темноте. Но я и видеть стала лучше, тьма как будто раздернулась. Еще минуту назад мир казался черным, а теперь я вижу снежную пустыню бледно-серой

и вдали даже умудряюсь разглядеть огни небольшой деревни. Я никогда раньше не видела, чтобы снег искрился под звездами, а сейчас мне кажется, что передо мной расстелился сверкающий разноцветный ковер.

Что это со мной?

Я хочу рассказать обо всем этом кукле, но вспоминаю, что говорить-то мне больше не с кем. Куклы больше нет. Я все потеряла, и родителей, и куклу, и свой дом.

Я бегу все быстрее. Откуда у меня вдруг столько сил? Теперь я могла бы тащить самые тяжелые в мире сани, и мне все было бы нипочем. Мне кажется, я лечу над снежной равниной, а она, искрясь, летит мне навстречу. Так, наверное, над землей летали когда-то птицы. Никогда не думала, что снег может быть красив! Боль от одиночества выпускает меня из своей хватки, и мне, несмотря на все потери, становится легко. Я догоняю девушку и бегу вровень с ней. Мне почти весело, я дышу полной грудью.

"Я отдам тебе свою силу". Вот что сказала мне кукла этой ночью. А что, если это ее сила - то, что я чувствую? Как иначе объяснить это стремительное опьянение движением, этот свет, который я увидела в темноте? Получается, куклы нет, но

она все-таки со мной?

Девушка смотрит на меня и смеется. Потом бросает на бегу:

- Не бойся. Главное не бояться. Самое большое зло - оно от страха.

Разве не то же самое говорила мне кукла? Неужели кукла сумела ...

Но я не успеваю додумать эту мысль, потому что девушка вырывается вперед и кричит:

- Жизнь ищет пути и находит их. Иногда они странные, очень странные, но как иначе обмануть смерть? И все-таки мы с тобой дети жизни. Какие бы мы ни были, мы дети жизни!

Аркадий Кохан

Человек, который хотел на Луну

Перед тем, как выйти из дома, я, как всегда, критически изучил себя в зеркале. Всё, вроде, было в порядке, процедура соблюдена, только вот физиономия меня не устраивала, но это привычно, потому я, опять же по процедуре, подмигнул себе ободряюще, надел маску и открыл внутреннюю дверь тамбура.

На улице было всё по-прежнему: вроде как наступила календарная весна, но в сгущающихся сумерках мела позёмка, завывал ветер цепляясь за всё подряд на своём пути. Я поскорее забрался в автомобиль, включил двигатель, снял маску и громко сказал навигатору: "Улица Олдрина, ресторан "Космодром". Пока машина меня везла, я откинул спинку кресла назад - смотрел через крышу на небо. Звёзд не было видно, только одна луна просвечивала через атмосферу. Я успел заметить огни нескольких бортов, двигавшихся в разных направлениях, а когда уже подъезжал к месту назначения, то увидел, что один из них готовится к посадке на нашу площадку. Судя

по конфигурации огней, судно было частным. Помню, я тогда ещё подумал: "Кого это занесло в нашу глушь?".

"Космодром" - название ностальгическое, оно напоминает о тех временах, когда человек ещё летал в открытый космос и даже достигал других планет, мечтал о выходе за пределы Солнечной системы. Ресторан расположен в нашем городке недалеко от стартово-посадочной площадки, и потому его заввсегдатаи так или иначе причастны к ракетодрому и всему, что с ним связано, или были причастны, как я. Большей частью это местные жители, но бывают и транзитные посетители - команды бортов, отдыхающие перед обратным рейсом. Понятно, что все мы знаем друг друга, как минимум, в лицо.

В зале, как всегда, было накурено и шумно, но в этот раз большинство сидело поближе к гигантскому экрану, который показывал финальный матч чемпионата мира по футболу: США - Япония. Подавляющая часть зрителей болела за американцев, но были и такие, кто отдавал предпочтение японцам. Периодически вспыхивали беззлобные перепалки, которые никогда не перерастали во что-либо серьёзное: люди, причастные к ракетному транспорту, как правило,

обладают уравновешенным характером.

Меня-то футбол интересует не очень, но всё же - финальный матч, потому я, сев за свой любимый столик под яблоней в кадке - он был свободен, так как стоял далеко от телевизора - тоже повернулся лицом к экрану. Те, кто заметил моё появление, приветствовали меня, и я отвечал им тем же. Я начал следить за игрой, но тут из кухни появилась с подносом Марта, и всё моё внимание обратилось на неё. Она будто почувствовала мой взгляд, посмотрела на меня, весело подмигнула и направилась к столику, куда несла заказ. Почти везде официантов заменили автоматы, но Карл не стал этого делать, в его заведении еду подают люди. Может поэтому в "Космодроме" посетителей всегда больше, чем в других ресторанах. Разгрузив поднос, Марта прямиком направилась ко мне:

- Привет, Петровски, всё молодеешь? - произнесла она привычную фразу.

- Видя тебя, - так же привычно ответил я ей.

- Что будешь заказывать? - спросила она, не доставая планшета из кармана передника.

- Эликсир молодости. - Наш диалог не отличался новизной и точностью определений.

- Стейк средней прожарки и колу? Петровски,

меню надо разнообразить. Смотри, одна и та же еда изменит твою внешность и...

- Я этого и добиваюсь, - перебил я её. - Стану прекрасным как ты: рыжеволосым и белокожим. Знаешь, что, а давай-ка мне ещё и двойной виски с льдом.

- Ого, чего это ты вдруг? - Она наигранно удивилась.

- "В честь нашей встречи, мадам", - процитировал я неизвестного англоязычным писателя. - На мою пенсию я могу иногда пошиковать.

- Ну-ну, о`кей. - Она развернулась на месте, и я проводил её взглядом. Только когда она скрылась за дверью кухни, я опомнился и в который раз сказал себе: "Старый дурак, ну куда ты смотришь, зачем ты ей нужен, какие у тебя шансы? Ты уже выработал свой ресурс, пенсии тебе хватает только на себя самого. Конечно, она не девочка, но по возрасту могла бы быть твоей дочкой, если бы ты решился тогда завести детей". Как всегда, мысль о упущенном шансе завести семью начала отделять меня от окружающего мира и возвращать в бездну Катастрофы, потому я заставил себя продолжить наблюдать за игрой, чтобы не впадать в меланхолию. Американцы забили гол и большинство присутствующих дико заорали

и повскакали с мест, приветствуя выход своей команды вперёд, а потом не менее дико засвистели и заулюлюкали, когда судья определил, что гол был забит из положения "вне игры". В этом шуме потонули немногочисленные радостные вопли болельщиков за японцев, а также чмоканье внутренней двери, которая впустила очередного посетителя. Казалось его появление заметил только я. Это был незнакомый мне высокий темноволосый молодой человек. Войдя, он снял маску, и стал оглядывать зал, видимо в поисках свободного места. Я вернул взгляд на экран, пытаясь вспомнить какая команда в какой форме играет и тут вдруг услышал над собой:

- Мистер Петровски?

Я посмотрел вверх и увидел того самого молодого человека, который только что вошёл.

- Да?

- Вы позволите? - не дожидаясь разрешения, он сел за мой столик напротив меня и выпалил практически в одно слово:

- Мне надо попасть на Луну.

- Что?! - сказать, что я был удивлён - это не сказать ничего, потому я не нашёлся, что ответить. Ну подумайте сами, сидит человек, смотрит футбол. Только что он проводил взглядом женщину,

к которой неравнодушен, и ожидает, когда она, своей невероятной, покачивающей бёдра походкой, вернётся к нему снова с едой и выпивкой, и вдруг...

Он молчал, явно ожидая моего ответа, потому я спросил его, когда немного справился с изумлением:

- Зачем? После Катастрофы туда никто не летает!

- Мне надо посмотреть с неё на Землю. Я руковожу отделом территорий пригодных для жизни, и мне надо получить сведения для решения некоторых задач.

- Позвольте, но при чём тут я? Почему вы ко мне...

- Потому, что вы единственный из немногих оставшихся в живых межпланетников, побывавших на лунной базе.

- Да, но...

Он перебил меня:

- Мистер Петровски, не отказывайте, прошу вас, мне больше не к кому обратиться, сэр.

- Послушайте, э...

- Генри Голан, профессор-эколог из Беркли. Прошу прощения, что не представился сразу. Он достал телефон и повозился с экраном. Мой теле-

фон звякнул: пришла его визитная карточка.

- Послушайте, мистер Голан...

- Для вас просто Генри

- Мистер Голан, вы приехали только чтобы поговорить со мной? - я задал этот вопрос больше для того, чтобы протянуть время, и окончательно осознать происходящее. - Вы же могли позвонить?

- Я боялся, что не могу вас уговорить по телефону, или вы просто не станете меня слушать.

- Но информации достаточно приходит со спутников, зачем вам Луна?

- Ну, с вашего позволения, спутники гораздо ближе к планете, чем Луна, большинство из них на геостационарной орбите и осталось их слишком мало, чтобы получить общую картину.

- Туда сейчас никто не летает, да и бортов, способных её достичь сейчас нет, их просто не строят. Оставшиеся стоят на вечном приколе и для полётов уже не годятся. Их даже не консервировали, просто поставили на стоянках и всё, - кажется я заговорил менторским тоном.

Он набрал воздуха, чтобы продолжить речь. В этот момент подошла Марта с моим заказом. Пока она ставила на стол тарелку с едой, приборы и стакан виски, он продолжил:

- Корабль, способный достичь Луны, есть. Он стоит на ракетодроме у нас, в Токио.

- Вы живёте в Японии? - я присвистнул: путь он проделал неблизкий.

- Петровски, не свисти, денег не будет, - сказала Марта и обратилась Голану:

- Здравствуйте, сэр. Будете что-нибудь заказывать?

- А? - Голан перевёл взгляд на Марту. Казалось, он только теперь заметил её присутствие.

- Принести вам что-нибудь? - в глазах Марты заискрилась улыбка и я тут же потерял нить беседы со странным молодым человеком.

- Да, пожалуйста, на свой выбор. - он хотел, как можно быстрее вернуться к теме разговора.

- Поесть или выпить? - Марта не отставала, - или то и другое?

- Вот то же самое - он указал на блюда на столе и продолжил. - Я узнавал, корабль в исправном состоянии есть, его достаточно подготовить к полёту и можно отправляться.

- Куда? - заинтересовалась Марта, и он автоматически ответил:

- На Луну.

Я увидел, как брови Марты взлетели вверх, но ироническая улыбка не покинула её лицо.

- Сию минуту, сэр - сказала она и, к моему неудовольствию, быстрее чем обычно исчезла за дверями кухни.

- Сэр, вы единственный пилот, который может управлять этим кораблём, имеет опыт космических полётов и знает лунную базу.

- Ну-у, - протянул я, - не то, чтобы знаю. Когда её консервировали, я был стажёром, провёл там меньше недели, а теперь я пенсионер и моя лётная лицензия закончилась.

- Это не имеет никакого значения, межпланетные лицензии теперь не выдают. - ответил он мне. - Вы же не будете совершать каботажный полёт, вам никто не сможет предъявить претензий, а корабль никому не нужен, его даже собирались утилизировать, и только по моей просьбе оставили в покое.

Мне внезапно страшно захотелось выпить. Я взял стакан и сделал глоток виски. Вернулась Марта, поставила на стол заказ Голана и, вопреки всем правилам, села на свободный стул за наш стол.

- Марта! - уже во второй раз за вечер я был удивлён.

- Не волнуйся, Петровски, если что, я успею встать и принять заказ, - ответила она с усмешкой.

Голан мельком взглянул на неё и продолжил:

- Кроме каботажных полётов над планетой, другого способа сообщения пока нет. Конечно, пройдёт какое-то время после Катастрофы, и человечество восстановит более привычный транспорт. Ещё лет сто, а то и больше космические корабли не будут интересовать никого. Пилотов, способных ими управлять, как я уже говорил, почти не осталось, бывавших на лунной базе - вы один. Я собрал всю информацию о базе и думаю, что смогу запустить её системы наблюдения за Землёй: возможно появились ещё области, пригодные для проживания человека.

- Хотелось бы верить, - сказал я скептически.

- Много денег за полёт я предложить вам не могу, но все расходы по нему несёт наш университет, - он вдруг увял, потом обратился ко мне снова с прежней горячностью:

- Но вы должны понимать, что в случае положительного результата у человечества появится возможность...

- Да дело не в деньгах... - перебил я, и вдруг Марта подала голос:

- Петровски, соглашайся.

- Ты понимаешь, что такое полёт на Луну после стольких лет перерыва? - спросил я её.

- Я давно не управлял кораблём вне орбиты планеты...

- А что ты теряешь? Свою халупу на отшибе захолустного городка? Мерзкий климат?

- Возможность видеть тебя, - серьёзно ответил я, и только потом спохватился, что произнёс это непринятым, между нами, шутливым тоном. Марта ничуть не смутилась, напротив, выражение на её лице вдруг тоже стало серьёзным.

- Вернёшься - увидишь снова. Ещё надоем.

Мы смотрели в глаза друг другу и тут я понял, что, даже в присутствие постороннего, надо, пользуясь сложившейся ситуацией, все вопросы с Мартой выяснить сейчас и окончательно. Не понимаю, как я решился на это, может глоток виски, а может необычность ситуации повлияли, сделав меня столь смелым.

- Послушай, Марта, - мой голос вдруг осип несмотря на всю мою решимость, - мне нечего тебе предложить, и, кроме того, я старый...

- ...дурак, - закончила она за меня, и положила свою ладонь на мою руку.

Как будто сквозь туман, я снова услышал голос молодого человека:

- У вас будет время и возможность вспомнить навыки на тренажёре, я всё подготовил.

- Я в тебя верю, - сказала Марта.

Как вы думаете, что я мог сказать после этого?

- Так сразу не получится. Нужно будет собрать команду. Несколько старичков я на это, думаю, подписать смогу.

- У вас есть партнёрша? - вдруг спросила Марта профессора.

Голан, видимо, пришёл в растерянность от такого вопроса и ответил не сразу:

- Да, - он немного смутился. Потом посмотрел на меня и добавил: - Мы вместе работаем, и она тоже хочет лететь, но я боялся, что мистер Петровски...

- Мистер Петровски согласится - сказала Марта, встала и, восхитительно покачивая бёдрами, ушла на кухню.

***

Когда я забрался в свою машину, то, запустив двигатель, некоторое время сидел в ней, хотя даже на таком морозе электромотор в прогреве не нуждался. Душа моя ликовала: я снова пристегнусь к креслу пилота, я снова выйду в пространство. Видимо, внутри я сразу согласился на предложение Голана, просто боясь, что что-то может не сложиться, начал искать прорехи в его

плане, чтобы отказаться. И Марта! Марта будет меня ждать и даже готова мне надоесть!

- Управление мне, - сказал я навигатору, снял машину со стояночного тормоза и повёл её к своей халупе по мёрзлой поверхности Марса.

Пауль Госсен

Девочка с бластером

Торенс пятнадцать лет. Она тинейджер, практически взрослый человек, но папа и мама продолжают загружать ее по полной программе.

- У тебя опять неуд по истории астронавтики! - возмущается папа.

- Зато отлично по стрельбе из бластера, - отвечает Торенс.

- Стрельба из бластера - это факультатив, - наседает папа. - Оценка не войдет в аттестат.

- Что с того? Ты бы хотел, чтобы у меня был еще и неуд по стрельбе?

- Торенс, при чем здесь стрельба? - Это в разговор вступает мама. - Нас прежде всего интересует история астронавтики.

- Но это же совершенно бредовый предмет! Какая разница, кто первым высадился на Луне - Колумб или Коперник?

- Ты сведешь меня в могилу! - кричит папа, хватаясь за сердце. Внутри него начинает что-то жужжать - видимо, опять полетело реле, - и папа падает в кресло. Мама бросается к видеофону

звонить в мастерскую - отцу требуется срочный ремонт.

Мама и папа у Торенс - роботы. Внешне они точные копии ее настоящих родителей Линды и Петера Соренсен, отправившихся в звездную экспедицию семь лет назад. Внешне - родители, внутри - бесчувственные железки. Их только такими заявлениями и проймешь. Как будто Торенс не знает, что первым на Луне высадился Билл Гейтс.

- Мама, не надо никуда звонить, - кричит она. - Как отладить реле, мы проходили в пятом классе.

- Хорошо, - соглашается мать. - Заодно глянь и мое реле. В качестве профилактики.

Она приносит отвертку. Папа ложится на тахту, и Торенс вскрывает его грудную клетку.

- Здесь все так запущенно, - говорит девочка. - Понадобится еще и паяльник.

Мама спешит за паяльником, а Торенс, пользуясь моментом, отщелкивает несколько рычажков внутри отца. Ответственность снижается на двадцать процентов, добродушие повышается на сорок. Потом девочка регулирует подоспевшую мать. До ближайшего техосмотра никто ничего не заметит, а до техосмотра еще полгода.

- Папа, кажется, ты что-то говорил про мой факультатив? - напоминает Торенс чуть позже.

Отец, развалившись на тахте, смотрит чемпионат по женскому футболу - он и думать забыл о недавнем разговоре.

- Факультатив? Ну да, у тебя же в четыре стрельба из бластера. Не опоздай, дочка.

Торенс наклоняется, и папа чмокает ее в районе уха.

- А вечером мы с Акирой пойдем в кино, - говорит она. - Так что не ждите меня раньше одиннадцати.

- Хорошо, Торенс. - Мать, высунувшись из-за свежего "Космополитена", тоже целует дочь. - Не забудь взять десять крон на билет и мороженое.

"Все-таки они у меня славные", - решает девочка, закидывает на плечо бластер и спешит на улицу.

***

Торенс живет в Мальмё. Это на юге Швеции. Возле станции метро девочку ждет Акира Сато. Он всего на год старше Торенс, но уже учится в выпускном классе. Просто в Японии, откуда приехал Акира, в школу начинают ходить на год раньше, чем в Европе. У него на плече тоже бластер.

- Хорошо выглядишь, - говорит Акира.

- Спасибо, - отвечает девочка. Многие одноклассники обращают на нее внимание, но Торенс дружит только с Акирой. - Как поживает Масаюки-сан?

- По тебе скучает. - Акира скидывает рюкзак на тротуар. - Третий день ничего не ест, даже конфеты.

Торенс склоняется над рюкзаком. Больше всего Масаюки-сан похож на большого рыжего кота, который вытаращил оба глаза, а потом так и не смог их закрыть. Он представитель фауны чужой планеты и тайно пробрался на борт земного звездолета. Обнаружили его случайно - на продуктовом складе, когда закончился запас конфет. На какую из планет следует вернуть кота, было непонятно, и капитан звездолета, он же отец Акиры, выслал зверька почтовой ракетой в подарок сыну.

Торенс гладит Масаюки-сан по спинке, тот начинает тихо урчать. В его зрачках одна за другой вспыхивают звезды. Зрачки Масаюки-сан - одна из тайн Вселенной, загадка, поставившая в тупик земных ученых; про это даже писали в научно-популярных журналах. И действительно, как они могут отражать звезды, когда день в самом раз-

гаре и сквозь рваные облака пробивается яркое весеннее солнышко?

Доносится шум подходящего поезда. Торенс и Акира сбегают вниз по эскалатору и занимают места в вагоне. Бластеры заброшены на полку, рюкзак с котом перемещается с колен Торенс на колени Акиры и обратно.

- Я завидую Масаюки-сан, - признается Торенс. Она легонько щекочет кота за ухом, и тот урчит все громче и громче. - Он тайно путешествовал в космосе, наверняка побывал на многих планетах. А тут зубришь историю астронавтики, и никакой благодарности.

- Ты зубришь историю астронавтики? - удивляется Акира.

- Начну с понедельника, - вздыхает Торенс. - А куда деваться? Роботы совсем достали... Сбежать бы от них в космос. Найти первобытную планету, полную хищников и опасностей. Так надоело палить по мишеням... И кто придумал закон, запрещающий до двадцати одного года участвовать в межзвездных экспедициях?

- Ну, нам осталось ждать не так и долго, - говорит Акира и забирает кота себе.

- Тебе - пять лет, мне - целых шесть, - отвечает Торенс. - Может, тебе и достанется какая-нибудь

неоткрытая планета, а мне уж точно нет. Вскоре Галактику исследуют вдоль и поперек. Ты слышал про новый супердвигатель?

- Слышал, - кивает Акира и чешет коту спинку. - Две-три недели - и звездолет достигает Магеллановых Облаков. Классно!

- Классно? - удивляется Торенс. - Да при таких скоростях через пару лет на каждом астероиде появятся автоматы по продаже колы и шоколадок. И никаких приключений, не предусмотренных туристическим контрактом...

Акира, забыв про кота, чешет свой затылок.

- Но ведь ничего нельзя сделать, - говорит он. - Не мы принимаем законы.

- Не мы, - снова вздыхает Торенс. - Знаешь, эти взрослые такие хитрецы: подсунули вместо себя роботов и теперь спокойно перекраивают Галактику на свой вкус. Все самое интересное всегда достается только им. А как бы хотелось создать мир по своим правилам...

- Смотри-ка, - Акира пробует отвлечь Торенс от мрачных мыслей, - а ведь в зрачках Масаюки-сан отражается вовсе не наше небо!

- С чего ты взял? - девочка недоверчиво смотрит на приятеля, потом снова забирает кота себе. - Звезды как звезды.

- Их расположение не соответствует карте звездного неба, - говорит Акира. - У тебя какая оценка по астрономии?

- Лучше не спрашивай.

Они склоняются над котом. В огромных - размером с блюдце - зрачках мерцают звезды.

- И как я раньше не заметил! - удивляется Акира. - Нет Млечного Пути. Даже Полярной Звезды нет. И все созвездия какие-то не такие.

- Ну и ладно, - отвечает Торенс, ей почему-то становится обидно за своего любимца. - Может, это звездное небо планеты, где родился Масаюки-сан. Или где побывал. И смотри, Акира, какие там яркие и красивые звезды, особенно вон та - фиолетовая...

Тут довольное урчание кота становится просто оглушающим, а фиолетовая звезда вдруг вспыхивает и оказывается на небе. Куда-то пропадают вагон поезда, Мальмё и даже Земля. Девочка и мальчик сидят на вершине скалы. Над ними чужое звездное небо - то самое, что мгновение назад отражалось в зрачках Масаюки-сан. Под скалой колышутся оранжевые джунгли и бежит серебристая река. Из джунглей на берег выбирается закованный в хитиновый панцирь то ли огромный жук, то ли ящер. Ковыляя на трех лапах, он

направляется к реке, пьет воду, потом открывает пасть и громко ревет - словно предупреждает, что он здесь хозяин. Смеркается. Звезды разгораются все сильнее. Местное светило, та самая фиолетовая звезда, что так понравилась Торенс, падает за горизонт. Еще мгновение, и все погружается во тьму.

- Классно! - выдыхает девочка.

Акира какое-то время молчит.

- Никогда бы не подумал, - наконец произносит он, - что можно путешествовать в космосе, заглянув в зрачки коту.

- Не просто коту, - возражает Торенс, - а Масаюки-сан.

Акира внимательно рассматривает звездное небо.

- Похоже, это даже не наша Галактика, - говорит он.

- Отлично! - радуется Торенс. - Значит, взрослые доберутся сюда не скоро.

- Если вообще когда-нибудь доберутся... - говорит Акира. - Думаю, что Масаюки-сан владеет какой-то неизвестной землянам энергией. Он сам себе звездолет, да еще может прихватить экипаж... Готов поспорить, что дома нам никто не поверит.

- И пусть не верят, - отвечает девочка. - Тем лучше. Это будет только наш мир. Считай, что Масаюки-сан нам его подарил.

- Пусть так, - соглашается Акира. - И что теперь? Спустимся со скалы?

- Погоди, - Торенс что-то обдумывает. - Внизу трехлапый монстр, а у нас нет даже бластеров - мы забыли их в вагоне метро. Думаю, сначала нам надо вернуться.

У нее на коленях урчит Масаюки-сан. В темноте его почти не видно. Только светятся зрачки. Теперь в них отражается земное небо...

***

На занятие по стрельбе Торенс и Акира так и не попадают - выскочив из метро, девочка тянет приятеля в сторону.

- Я уже все продумала, - шепчет она. - Не отставай.

В помещении "Азимов Корпорейшен" светло и пусто. На стене - несколько дисплеев, под каждым имеется щиток с прорезью для кредитной карточки и набор кнопок. Торенс нажимает на одну из кнопок - на экране высвечивается четырехзначное число. Девочка сует в прорезь свою кредитную карточку.

- Откуда у тебя такие деньги? - удивляется Акира.

- Если семь лет откладывать кроны, что тебе дают на мороженое, - отвечает Торенс, - то как раз получится нужная сумма.

Появляется надпись "Оплачено". В стене раздвигаются двери - за ними помещение размером с кабину лифта. Оставив рюкзак с котом у дверей, Торенс и Акира входят внутрь. Гаснет и снова вспыхивает свет.

- Что это было? - удивляется Акира.

Торенс прыскает, тянет приятеля за руку, и они выходят наружу. Двери закрываются. За ними слышится скрежет, потом все стихает. Наверное, целую минуту ничего не происходит, наконец двери открываются снова. На пороге стоят девочка и мальчик - точные копии Торенс и Акиры.

- Роботы, - догадывается Акира.

- Точно, - кивает Торенс. - Должен же кто-то ходить за нас в школу и выслушивать наставления родителей. Как тебе твой?

- В самый раз.

- А я свою сперва проверю, - говорит девочка. - Кто первый высадился на Луне?

- Нейл Армстронг, - следует ответ.

Торенс вопросительно смотрит на Акиру. Тот

кивает - ответ правильный.

- Нет, так не пойдет, - вздыхает Торенс. - У тебя отвертка есть?

Отвертка находится. Торенс задирает футболку на груди своей копии, и Акира поспешно отводит глаза. Девочка отщелкивает какие-то рычажки.

- Я установила параметр случайных чисел, - говорит она. - Теперь каждый ответ будет сражать всех наповал.

Роботы направляются к выходу. Неожиданно девочка окликает свою копию:

- Послушай... Торенс! Постарайся не очень расстраивать папу, у него проблемы с сердцем.

Новая Торенс кивает. Роботы уходят.

- Пора, - девочка забрасывает на плечо бластер и поднимает с пола рюкзак.

Акира тоже берет свой бластер, потом спрашивает:

- А что мы будем делать, когда кончатся заряды? Вернемся на Землю?

- Нет уж! - отвечает Торенс. - Мы научимся стрелять из лука.

- А если взрослые все-таки доберутся до нашего мира? Пусть и нескоро.

- Конечно, доберутся, - Торенс мечтательно щурит глаза. - Только это уже будет наш мир. И

никто не навяжет нам свои правила...

Она открывает рюкзак. В зрачках Масаюки-сан снова загораются чужие звезды. Их звезды.

Ольга Сажина

Барт

Ранним утром понедельника бортовой радиограммер "Фотонного мотылька" принял срочное сообщение исключительно дерзкого содержания. Мой старый приятель, еще по Школе звездных навигаторов, случайно перехватил сигнал, шедший из дальних областей Вселенной, и немедленно переслал его мне.

Почистив послание от микроволновой пыли и стянув в гармошку разъехавшиеся от долгого странствия волновые пакеты, я увидел перед собой чванливое и оскорбительное приветствие. Некто, именовавший себя "величайшим космопроходцем" и "покорителем Вселенной", слал сердечный привет всем людям. И в особенности - нет, вы только подумайте, какая наглость! - в особенности жителям планеты Земля. Не мог ведь не знать, подлец, кем бы он там ни был, что на планете Земля живу я, Радий Мирный! Что это, как не вызов моему авторитету? Ведь только я избороздил сотни галактик. Это на моих ботинках оседает прах сверхновых, на моих

глазах рождаются звезды в пене ударных волн и гибнут миры, сожранные гигантскими черными дырами. Ни один корабль не сравнится с моим изящным и быстроходным "Фотонным мотыльком"! Наглость должна быть наказана, и я немедленно запросил у приятеля координаты источника сигнала.

В праведном негодовании я совершенно забыл про блинчики. Сгоревший завтрак был немедленно присовокуплен к списку грехов моего конкурента.

Ненадолго открыв форточки и проветрив кухню, я стремительно развернул корабль, стоически перенеся десятикратные перегрузки. Мой путь лежал к Луне, в ближайший филиал компании "Хамелеон-электроникс". Еще вчера мне сообщили о том, что заказ готов - как нельзя кстати перед долгим путешествием.

Об этом заказе стоит сказать подробнее. Моим давним желанием было совместить в одном устройстве как можно больше полезных функций. Хотелось виртуозного повара, тихим голосом рассказывающего анекдоты, снабженного ионным телевизором и телефоном реального времени. Годы странствий отучили меня от дурной привычки делить замкнутое помещение с

людьми - всем известно, что трудно найти более истеричных, агрессивных и непредсказуемых существ. Важнейший нюанс заключался в том, чтобы набор всех нужных функций устройства был синхронизирован с моим мозгом.

Новейший интерфейс "мозг-компьютер", сокращенно ИМК, создавал прямое сопряжение между мозгом и внешним техническим устройством. Его принцип действия был красив и лаконичен: спектр электромагнитных энцефалограмм совокупности с такой простой вещью как электрокортикограмма на фоне широкополосной импульсной активности нейронов. На практике это означало воплощение древней мечты человечества - джинна довольно широкого спектра возможностей, угадывающего желания.

В приемном зале "Хамелеон-электроникс" было пустынно. Земля в широком панорамном окне мягким зеленоватым светом сглаживала растр лунного пейзажа. В углу зала одиноко возвышалась большая коробка, перевязанная розовым бантом.

- Увы, - развел руками торговый представитель компании. - Все модели ИМК раскуплены еще до начала официальных продаж...

И это он смел говорить мне, Радию Мирному!

Можно подумать, к нему явился не я, а президент каких-нибудь Соединенных Штатов.

- Я же оставлял вам заказ! - воскликнул я в гневе.

- ... но для вас, господин Мирный, имеется специальное предложение, учитывающее все ваши пожелания, - служащий торжественно указал на коробку с бантом.

- А к чему бант? - подозрительно поинтересовался я.

- Одна наша покупательница отослала назад свою модель, и...

- Да вы что, предлагаете мне брак? Да еще и бывший в употреблении?!

- О, что вы, господин Мирный! Модель абсолютно исправна. Просто дама затребовала непредусмотренных услуг... интимного характера. И никакого употребления произойти не успело, уверяю вас.

- Гмм...

- Мы сделаем вам хорошую скидку, господин Мирный, в знак нашего глубочайшего уважения к одному из величайших космопроходцев.

Выбора у меня не было. - А доставка?

- Доставка бесплатна! Не беспокойтесь, покупка будет ожидать вас на корабле. Прошу расписать-

ся вот здесь.

Прощаясь с представителем "Хамелеон-электроникс", я спросил:

- Вы, кажется, сказали... "одному из величайших космопроходцев"?

- Ну... - замялся торговец. - Я слышал о некой радиограмме от неизвестного покорителя Вселенной.

Не говоря ни слова, я выбежал вон. Пора, наконец, положить конец клевете!

Оставшуюся часть дня я потратил на закупку продуктов. В этом я знал толк не меньше, чем в искусстве навигации. Выбрал мясо, травы, фрукты и, конечно, рыбу и белое вино - все лучшее, что только можно достать на Луне. Земля уже давно закатилась, когда я нагруженный пакетами добрался до "Фотонного мотылька".

В маленькой кают-компании моего по-домашнему уютного корабля в моем любимом плюшевом кресле расположился мужчина неправдоподобно атлетического телосложения с очень бледной кожей и светлыми вьющимися волосами, длине которых позавидовал бы сам Дюрер. На мужчине были только короткие штаны. Одной рукой он гладил страницы библиографического издания Мопассана, а в другой

держал большой бутерброд с копченой рыбой - по всей видимости, из моего неприкосновенного запаса. В углу стояла раскрытая пустая коробка с розовым бантом.

- Я вам очень признателен за доставку, но я попросил бы! - воскликнул я, ошеломленный таким поведением. Ну и порядки в "Хамелеон-электоникс"!

- Слушаю вас, - приятным низким голосом произнес мужчина, продолжая неспешно жевать.

- Что?!

- Я вас слушаю.

- Да убирайтесь же! Доставка бесплатна, и вы ничего не получите! Какое хамство - так вот расположиться на моем корабле!

Мужчина перестал жевать. Помолчал несколько секунд.

- Я могу жить в кладовке, - покладисто предложил он. - Завтра утром я буду лучше знать ваши вкусы, господин Мирный.

- Вы намерены сидеть здесь до утра?! - Вы же меня купили.

- Ах, вон оно что... - я начал разбираться в ситуации. - Гмм... От внешности ИМКа мне, честно говоря, хотелось бы большей лаконичности. Скажем, в виде небольшого холодильника на

ножках или...

- Завтра я буду каким захотите, я ведь уже сказал. Имейте терпение, - капризно заявило мое приобретение.

Я так и сел.

- Ты приучен перебивать? Ого, вот это новость! Моя прежняя хозяйка предпочитала такое поведение.

- Но мне-то что за дело? Теперь ты принадлежишь мне. Какого черта тебя не

перенастроили?

- Я настраиваюсь сам. И буду полностью вам соответствовать. Но для этого вы

должны спать.

- Зачем?

- Да вы, боюсь, не поймете, дорогуша, - томно протянул этот паршивец.

- Так... - Я принялся театрально ощупывать свои карманы в поисках телефона. - Я тебя немедленно сдаю назад. Еще всякая бракованная жестянка меня будет учить.

Расчет оказался верным. Какими бы ни были настройки, но устройство не должно вредить бизнесу своего продавца - это нулевой закон роботехники.

- ИМКи различаются по типу регистрируемых

сигналов мозга и способам их преобразования в команду управления, - тут же послушно сообщил мне дамский угодник.

- Уже лучше, - довольно хмыкнул я. - ИМКи, основанные на использовании множественной активности вживляемых в ткань

мозга электродов, называются инвазивными...

- Ты мне что - электроды в мозг собрался совать?!

- Я далек от массового клинического применения, - сообщил робот. - Я новая неинвазивная модель. Использую в качестве информационного сигнала только потенциалы мозга с поверхности головы.

- Гмм...

- Основная программа моих действий - это желания, закодированные сигналами вашего мозга, господин Мирный. Иногда они могут не совпадать с вашими словесными приказами.

- В смысле?

- Вы можете говорить одно, но желать совершенно другого. Я же выполняю только ваши истинные желания.

- Ты не понимаешь моих приказов? - опешил я.

- Приказы слышу и понимаю. Но могу не выполнить, если они идут вразрез с вашими мыслями.

Я задумался. Надо будет внимательнее почитать инструкцию. Особенно параграф про соответствие трем законам.

- Ну, допустим... А зачем ты книгу гладил?

- Я есть сложная система, - робот поднял на меня большие глуповатые глаза.

- И потому я не есть просто сумма составляющих импульсов. Например, люблю

читать в свободное время. А мои глаза не функциональны, это просто декор, по

желанию моей предыдущей хозяйки. Считываю буквы ладонями.

- Ты испачкаешь книгу! Да и тебя что - надо кормить? В инструкции об этом

ничего не сказано!

Робот, помедлив, положил недоеденный бутерброд на журнальный столик.

- Нет. Просто я различаю вкусы и имею некие предпочтения. К примеру, люблю рыбу. Впрочем, вам, кажется, это не особенно интересно. Могу совсем не есть, если вам это окажется неприятным.

- Очень надеюсь. И вообще, ты слишком много болтаешь.

Корабль двигался за орбитой Марса.

Ночью я спал плохо. Мое приобретение таска-

лось по всему кораблю, курило, что-то доставало из холодильника, жрало, включало музыку... На замечания робот не реагировал, скупо повторив только, что пока у него нет карты потенциалов мозга, он не может серьезно относиться к моим словам. Законы роботехники, этот старомодный суровый домострой, всегда представлялись мне единственно правильными и надежными. Я вообще консерватор по натуре. Измучившись вконец, я заснул. Во сне мне казалось, что робот подкрадывается к кровати с целью сделать мне трепанацию.

Утром меня разбудил восхитительный запах кофе и жареных тостов. На чисто вымытой кухне молча и деловито сновал приятно преобразившийся робот - небольшой, размером с кота, аппаратик со множеством ручек и ножек. На его груди транслировались последние новости с Земли, модулированные от запаздывания.

- Как тебя зовут? - несколько запоздало поинтересовался я.

- Модели, принимающие женский облик, имеют заводское имя ИММА - сокращение от "интерфейс мозг-машина". Мужскому облику присвоено заводское имя ПРЯНИк - сокращение от "прямой нейрональный интерфейс", - хрип-

лым баритоном сообщил робот.

- "Пряник"? - поморщился я. - Как тебя звала предыдущая хозяйка? - Эллаонилиэль.

- Ох, черт! Будешь зваться Барт, ясно?

- Да.

Для полета через всю Вселенную необходимо много фотонных двигателей, достать которые можно только на Ио. Чтобы двигаться быстрее расширяющейся Вселенной, "Фотонному мотыльку" нужно развить скорость во много раз больше световой. Как известно из теории сложения скоростей, каждый фотонный двигатель дает кораблю дополнительную скорость света.

Фотонные двигатели изготовляются в научном бункере, плавающем в метановом океане этого большого спутника Юпитера. Теоретическая основа для их производства - это петлевая квантовая гравитация. Двигатели выходят удобными и миниатюрными, как колокольчики, а все потому что, согласно этой теории, наш мир обладает дискретностью на самом мельчайшем уровне. Мир - суть реализация различных конфигураций элементарных кусочков пространства-времени. Умело переставляя их, можно добиваться таких результатов, по сравнению с которыми нанотехнология - это попытка слона ковыряться в

муравьином ухе.

Мрачный разработчик фотонных двигателей отсчитывал мне последнюю их дюжину, а я, не теряя времени, привинчивал двигатели к специально просверленным дырам корпуса "Фотонного мотылька". Наконец, корабль стал напоминать праздничную градирню, увешанную рождественскими колокольчиками. Не питай я безграничное уважение к петлевой квантовой гравитации, я бы сильно усомнился в аэродинамических свойствах такой конструкции.

- А теперь вам лучше уносить отсюда дюзы, господин Мирный! И чем скорее, тем лучше.

- Что случилось? - удивился я.

- Да лучше б мы все не дожили до того дня, когда наука претерпевает такие надругательства!

Вот что рассказал мне ученый. Научный процесс, как известно, дело деликатное, а уж в петлевой квантовой гравитации тем более. Сотни моделей, тысячи формул, разочарования, изнурительный подгон параметров - и долгожданный успех, воплощенный в реальном приборе, - вот тернистый и благородный путь настоящего служителя науки. Но нашлись в суровой научной братии отщепенцы по прозвищу гуги.

Гуги были родившимися на Ио детьми научных

сотрудников. Они обладали врожденным чутьем к структуре мира и могли шутя управлять ею, меняя и пространство, и время, и даже мысли, которые, как известно, тоже материальны, ибо суть частицы-переносчики от нейрона к нейрону. Но самое ужасное заключалось в том, что гуги напрочь отказывались использовать свои таланты на благо науки и занимались исключительно баловством, трансформируя помидоры в тампоны или даже превращая людей в поросят.

- Берегитесь их, господин Мирный. Для этих тварей нет ничего святого!

Посочувствовав напуганному жителю Ио, я поспешил продолжить свое путешествие. Честно говоря, от проблем ученых я был далек.

Пересечение границы Солнечной системы я любил отмечать торжественно. Барт, по обыкновению, чутко отреагировав на мое настроение, приготовил праздничный ужин. Насладившись белой рыбой в мятном соусе и превосходным белым вином, я пошел спать. Краем глаза заметил, как Барт с вилкой пристроился к остаткам рыбы. Ох уж мне эти выверты сложных систем! Но хотя бы перестал гладить моего Мопассана.

- Брысь к розетке! - прикрикнул я на него, кинув справочником навигатора "Гироскопы для всех".

Барт был приучен не увертываться от ударов и, получив тяжелой книгой по тому месту, где могла быть голова, молча отправился мыть посуду.

Основной разгон завершался, и корабль выходил за пределы Млечного Пути.

Как-то утром, скромно позавтракав в постели телячьей отбивной и шоколадными пирожными, я собрался немного поработать.

- Что будет кушать ваша дочь? - вдруг спросил Барт.

- Кто?! - я чуть не опрокинул на себя чашку с кофе.

Барт плавно указал мне за спину одной из своих ручек.

Я обернулся и увидел маленькую девочку. От изумления я потерял дар речи. - Дядь, - сказала девочка, - дай конфеточку, у тебя пижама в клеточку.

И улыбнулась, обнажив десну с двумя выпавшими передними зубами. - Ты... кто?

- Я маленькая гуга. Можно звать просто Гу. А тебя как зовут, дядя? - Гуга... - только и вымолвил я.

- Не, это я гуга. А куда мы летим, дядя? Хочу далеко. И конфету тоже хочу. Это твой робот? Он умеет мыльные пузыри? Мои портятся, вот смотри. - Гуга что-то неуловимо сделала, и внутренняя

переборка корабля растеклась у меня под ногами мыльной лужей. - Во какая фигня! - печально шмыгнула носом маленькая гуга. - Сейчас я еще попробую...

- Ты сейчас же отправишься домой! - слабо вскрикнул я, непонятно зачем бросаясь к девочке. Все-таки я всегда был героем, героем и умру. Но все же интересно, что я почувствую, когда гуга изменит мою атомарную структуру?

- Не, - сказала она.

Потолок спальни вдруг стал пористым и из него полезли большие дождевые черви.

- Проедят или не проедят все стенки, как думаешь? - Прекрати! Мы же погибнем!

- Так я тогда там снаружи все поменяю. Ты, дядь, не бойся. Я, правда, не очень умею, но разберусь.

Я обреченно закрыл глаза. Герой должен встретить смерть достойно. Существу, способному менять структуру пространства-времени, мне нечего противопоставить. Кроме того, мне не разобраться сходу в детской психологии.

Мимо меня шмыгнул Барт. Я открыл глаза и впервые увидел, на что способен мой маленький тихий повар.

Началась битва, равной которой мне никогда не приходилось наблюдать. Гуга, играясь, ме-

няла структуру разных предметов, включая и мой корабль. Барт же, пользуясь способностью к личной трансформации, пытался ей помешать. Разумеется, он не мог остановить процесс распада переборки, взбреди такое в голову гуге, но он мог ее отвлекать, правильно распознав в ней всего лишь ребенка, не умеющего толком управлять своими желаниями. Своим же телом Барт владел виртуозно. Гуга пыталась делать дыры в корабле - Барт тут же трансформировался в какие-то удивительные игрушки-головоломки, отвлекая ее внимание. Так, конечно, он долго продержаться не мог: его быстрота и ограниченный набор функций не могли сравниться с рассеянной и детской, но безграничной мощью гуги. Еще немного, и атомарная структура корабля преобразовалась бы в охапку цветов или вазочку с мороженым...

- Хочешь трдло? - вдруг спросил Барт. - На реакторном стержне?

Гуга застыла и рьяно принялась рыться в мозгах Барта, отыскивая смысл неизвестного ей слова. Они замерли друг против друга. Тельце Барта шло рябью, раз за разом он восстанавливал свою структуру после атак гуги. А я с ужасом подумал, что было бы, окажись я на месте робота: гуга мгновенно превратила бы меня в никчемную

слизь. Я похвалил себя за удачное приобретение.

Гуга, наконец, разобралась с трудным словом.

- Надо тесто с сахаром и колечком печь на стержне? Не, ты гонишь! Это ж фотонная ракета!

- Так сделай реактор сама, можешь? - тут же озадачил ее новым предложением мой находчивый робот.

- Ну! А ты фартовая жестянка! Пошли играть. И пузыри сделаешь? - Спрашиваешь! - в тон гуге отозвался Барт.

Они резво умчались куда-то, взявшись за руки, а я залпом допил холодный кофе.

Барт, успевая выполнять ежедневные обязанности, прекрасно поладил с Гу. Она больше не досаждала мне. Я спокойно занимался вычерчиванием курса и мелким ремонтом.

Чем быстрее летела ракета, тем быстрее бежало снаружи время. Когда все знакомые галактики остались далеко позади, скорость "Фотонного мотылька" возросла настолько, что время стало меняться даже внутри. У меня, понятно, на такой случай давно была сделана прививка. А вот Гу начала стремительно взрослеть.

Роковая метаморфоза произошла с ней после ускорения вблизи одного далекого квазара. Точнее, вблизи того места, где он должен был

находиться. Квазар успел давным-давно исчезнуть, хоть его свет, сильно смещенный в красную область спектра, все еще регистрировался на Земле. Я как раз шел в рубку проверить показания приборов, и тут мимо меня продефилировала она, Гугиня. Прекрасная, как восходящая над Юпитером Ио. Мое лицо, должно быть, уподобилось красному пятну на этом самом Юпитере, а кровь забурлила с не меньшей скоростью, чем его ураганы.

В поведении Гугини произошли разительные перемены. Ее детская настырность и беспардонное любопытство сменились полным игнорированием меня, Радия Мирного. Смутное огорчение и беспокойство росли и мешали работе. Я смотрел на датчики метеоритных потоков, а видел ее гибкую фигурку в блестящем шелковом платье. Она была словно россыпь звезд ребра нашей Галактики...

Проклятье! Я для нее, видимо, был как вид Фобоса с Марса. Ее способности были направлены только на собственную внешность, корабль она оставила в покое, что не могло не радовать.

Барт больше не развлекал гугу радиоактивным трдлом. Он как-то вытянулся, вырос, подобрал все торчащие металлические жгутики, которые

так нравились мне в начале путешествия. Стал мягким, упитанным котом. И все больше предпочитал ходить на задних лапах, повязавшись передником. Он напоминал мне степенного английского дворецкого из старых любимых романов. Глаза Барта стали совсем человеческими. Умные, печальные, проницательные, они украшали его строгую кошачью морду.

Однажды Барт попытался подарить Гугине цветок кактуса из кашпо в спальне, но я кинул в него тяжелым справочником по сопромату. Сам не знаю почему, но такая его выходка меня возмутила несказанно.

Однако еще больше я был потрясен другим событием. Как-то корабельным утром меня разбудили звуки музыки, "Серенады Солнечной долины". В кают-компании стулья были отодвинуты к стене, а посередине под "Чаттануги-чучу" азартно отбивал чечетку Барт. На нем были лакированные ботинки с толстыми каблуками. И изящный кремовый костюм в полоску - я такой давно хотел купить в Париже. Гугиня скользила вокруг кота в легком танце. Она улыбалась! И кому!..

- Ах ты, морда кошачья! Какого дьявола здесь происходит?! - я поискал было, чем швырнуть в

Барта, но ничего не попалось под руку, и в сердцах выскочил вон, хлопнув дверью.

Вообще, отрывисто размышлял я, Барт уже мало походил на кота. Не в ботинках, конечно, дело... Явно не кошачьи пропорции тела, уверенный разворот плеч. И улыбка. И уши потеряли пушистую кошачью треугольность, спрятались за отросшими черными волосами.

Противоречивые чувства охватили меня. Неприятно, что она так ему улыбалась. Но одновременно я с приязнью думал, что теперь смогу сыграть с Бартом в шахматы и выпить с ним коньяку. Барт-кот в шахматы не играл и от коньяка виновато отказывался, не мог удержать в лапе пешки и рюмку - после драки с гугой-девочкой у него стала заедать трансформация конечностей. Да и потом - не пить же мне с котом, в конце концов!

"Фотонный мотылек" миновал последнее реденькое скопление очень старых галактик, напоминающих бордовые шары, состоящие словно из капель загустевшей крови.

Мрачные мысли одолевали меня. Источник сигнала, за которым я гнался, уводил все дальше и дальше в черную мертвую пустоту. Так далеко я еще никогда не забирался. Но я, Радий Мирный,

не мог повернуть назад.

Что-то плохое стало происходить со временем. Оно перестало течь равномерно. То и дело нарушалась причинность, следствия событий предшествовали самим событиям: я постоянно хотел есть после обеда, мучился бессонницей, а настенные часы с кукушкой иногда шли в обратную сторону. Однажды я стал свидетелем энтропийного чуда - разбитая Гугиней фарфоровая тарелка вновь собралась из осколков.

Гуга постарела. Она все больше сидела в моем плюшевом кресле и что-то тихонько вязала. А еще она молчаливо варила мне борщи и жарила треску с картошкой на старенькой титановой сковородке.

Барт тоже менялся. Он стал выглядеть моим ровесником. Лицо его, уже совершенно человеческое, смотрелось обрюзгшим, как от долгих лет перегрузок, болезни всех пилотов. Спина стала сутулой. Взгляд некогда блестящих зеленых глаз потускнел, выцвел. Носил Барт линялый свитер в серую полоску. Я не без удовольствия отметил, что на его фоне я еще очень даже ничего! Я теперь старался гладить рубашку каждый день и чистил ботинки до блеска. Как ни странно, эта нехитрая процедура не давала мне упасть духом.

Как-то после обеда Барт сел за стол и, положив голову на скрещенные пальцы рук, некоторое время рассматривал тарелки.

- Знаете, Радий, - вдруг улыбнулся он. - Я только сейчас заметил, что Гуга иногда меняет на сервизе узор - сегодня вот божьи коровки...

- Опять рыбы захотел, Барт? Сколько раз тебе говорить, что ее и так мало осталось. Она ведь не нужна тебе. Ты ж не кот, ты вообще не живой, - беззлобно пожурил я его, не отрываясь от чтения бортового журнала.

Барт промолчал. Слез со стула. Рассеянно потеребил руками уголок скатерти и потопал прочь. Я почему-то глянул ему вслед. На макушке Барта я заметил лысину. А у меня вот с волосами все в порядке, несмотря на возраст.

Мы приближались, наверное, к краю Вселенной. Гироскопы больше не работали. С утра, вглядываясь в беспросветную тьму, я включил последний фотонный двигатель. Теперь при всем желании мы не могли лететь быстрее. И только сигнал вел нас нитью Ариадны. Я чувствовал себя одиноким рыцарем, верным данному слову, принятому решению, я стремился к важной для себя цели, несмотря ни на какие препятствия.

Время разрушалось. Теперь мой "Фотонный

мотылек" был единственным островком упорядоченности посреди бесконечного хаоса, торжества энтропии, тепловой смерти Вселенной. Уж не ошибся ли мой приятель с координатами? Поворачивать было поздно. Иначе время станет сингулярным и мгновенно уничтожит даже гугу, властительницу атомарной структуры. Сингулярность могущественнее всего. Хотя кто ее, гугу, знает...

"Властительница" опять жарила рыбу. А я поймал себя на мысли, что за все время нашего знакомства так и не расспросил ее, как она меняет эту самую структуру. Впрочем, даже не это... А как она живет с этим, обладая безграничной мощью? Зачем она вообще здесь, на моем корабле, чего хочет? Раньше я как-то боялся спрашивать. Гуга была в потертом домашнем халатике, ее морщинистые полные руки были как всегда деловиты.

Барт, перебирая длинными пальцами струны гитары, тихо запел старинную английскую балладу. Его редкие волосы падали на худое опущенное лицо.

- Зло есть везде
В каждом городе.
Порой из-за туч

Упадет солнца луч.
Но не на Ноттингем.
Если бы мы могли,
Давно бы ушли.
Нам бы крылья,
Тогда бы мы улетели в небо
Ведь никто здесь счастлив не был.
Плачь, не плачь,
Тюрьма нам да палач.
Жестокий Ноттингем.[{3}]

У меня защемило сердце от непонятной тоски. Смерть меня не пугала - я много раз смотрел ей в лицо. Нет, тут что-то другое... Я снова погружался в беспокойный сон. Мне снилась старенькая гуга в этом ее халатике. Снилось, как она проходит мимо меня, тяжело шаркая стоптанными тапочками, согнутая трудами еще одного длинного дня. Я видел это так давно, кажется, сотню жизней назад.

Когда еще была жива мама.

Снился Барт-человек. Он тоже шел мимо. Молча собирал вещи. Укладывал в чемодан рубашки,

---

{3} Комментарии: 3
Песня "Жестокий Ноттингем", А. Иващенко.

кремовый костюм в полоску, электробритву, часы с кукушкой и томик Мопассана в покрытом рыбьей чешуей переплете. Он надел черные лакированные ботинки. Возле самой двери обернулся. Улыбнулся. Зеленые усталые глаза в сеточке морщин, набрякшие веки. Сказал, глядя мне в глаза: "Всего хорошего, и спасибо за рыбу". Он распахнул дверь - за ней виднелась шумная, радостная, яркая толпа. Мощеные улочки Кракова. Булочная, куда я с мамой ходил за сдобными сахарными колечками. Они, горячие, словно таяли во рту...

Разбудил меня негромкий голос Барта:

- Помилуй, Боже, стариков,

Их головы и руки.

Я слышу стук их башмаков

На мостовых разлуки...

...Их каблуки, их башмаки -

Как призраки надежды.

И пожелтевшие листы забытого романа,

И золотые корешки Мюссе и Мопасса-

на...[{4}]

- Заткнись, ты, паршивая кошачья морда! - я вскочил с дивана, на котором задремал, и с остервенением швырнул в голову Барта бронзовым подсвечником. Робот, по обыкновению, не двинулся места, острое навершие разорвало ему губу, обнажив холодный ровный металл.

- Меня зовут Барт, - медленно сказал он, глядя мне в глаза. А я вдруг вспомнил, что в инструкции ничего не было сказано о соблюдении трех законов роботехники, и не без брезгливой опаски дернулся в сторону.

С этого дня Барт больше не напоминал человека. Он перестал разговаривать и стал обычным полосатым котом. Любил спать на коленях Гуги, когда она заканчивала хлопоты с обедом.

"Наверное, в Барте что-то испортилось", - решил я. И решил отложить этот вопрос на потом. Если оно будет у меня, это "потом".

Хотелось, наконец, поговорить откровенно с гугой.

- Что вы можете делать с пространством-временем, Гуга?

{4} Комментарии: 4
Песня "Помилуй, Боже, стариков...", В. Долина.

Она некоторое время молчала, только стучали вязальные спицы.

- Была девочкой - хотелось баловства, - ее скрипучий голос звучал монотонно и невыразительно. - Была женщиной - хотелось удовольствий для себя. Стала старухой - не хочется ничего.

- Но вы обладаете такой мощью! - не выдержал я. - Вам подвластно пространство и время!

- Нет цели для моей мощи, - вздохнула Гуга, продолжая работать спицами. - У меня нет стремления к познанию мира, которое движет учеными. Нет страсти к разрушению, которая движет фанатиками, желающими заявить о себе всей Вселенной. Нет страсти к созиданию, потому что уже все давно создано, в бесконечном многообразии вселенных, устроенных всеми возможными способами, и циклических, и замкнутых, и плоских... Я просто хочу вязать, мне это нравится. А для этого мне достаточно мотка ниток и двух спиц.

- А можете вы вернуть меня назад? - вдруг спросил я. Сильно болела и кружилась голова.

- Куда назад? - пожевала губами гуга. - В прошлое? Захотите ли вы прошлого, Радий? Мало кто знает, как бывает безрадостно повторение прошлых радостей. Или вы хотите назад, на Землю?

Может, ее уж и нет давно... Довольствуйтесь тем, что есть. Баловство все эти ваши сиюминутные желания. С другой стороны, быть может, только они и имеют смысл, ведь бесконечность все равно сводит на нет все начинания, особенно те, что мудро рассчитаны на долгий срок.

- Как это, нет Земли?!

От усталости и бессонницы я снова начинал грезить наяву. Римский Колизей. Из века в век центр Рима, место скопление народа. Каждый камень вытерт бессчетным числом ног. Каждый камень - история. Каждый правитель считал своим долгом достраивать эту громаду, привносить что-то свое, потому что знал, что построенное здесь приобщается к вечности. К вечности человеческой цивилизации, как бы хрупка она ни была на фоне вечности вселенных. Наша Земля - такой же Колизей. Израненная, истоптанная, пропитанная кровью и насыщенная воплями жаждущих зрелища зрителей. И я был тут. Я, словно нищий, но гордый своей свободой римлянин, сидел в каком-то грязном закутке, жадно пожирая краюху хлеба. Пресыщенный зрелищем только что закончившихся игрищ, но ожидающий новых и новых. И ожидающий новых пиров. Я был тут свой, я был человек, как и все мы, несо-

вершенные, слабые, но так жаждущие жизни и так любящие свою планету, свой храм, свой хлев, свою бойню... Земля не может, не имеет права исчезнуть!

В иллюминаторе что-то блеснуло. Звезда? Я бросился к приборам. В черной бездне действи-

тельно зажглась утренняя звезда. Да, было утро, часы показывали шесть... И планета. Я срочно пошел на посадку.

На маленьком космодроме, напоминавшем старую железнодорожную станцию, никого не было. Я ворвался в диспетчерскую. За пыльным столом сидел человек.

- Снова вы? - блеснул он на меня стеклами очков.

- Могу я послать радиограмму на Землю? - выкрикнул я, с умилением глядя на настоящего, живого человека. - Она ведь есть, правда?

- Земля? Разумеется, есть, - человек деловито взял ручку. - Диктуйте.

- Я, величайший космопроходец и покоритель Вселенной, шлю сердечный привет всем людям, - последнее слово я произнес с глубокой нежностью. - И в особенности жителям планеты Земля.

Я выбежал из диспетчерской. Пора лететь домой! Если до Земли доходит радиосигнал, то долечу и я, Радий Мирный! Что же до цели моего путешествия... Думаю, отправитель того наглого послания уже достаточно наказан - он ведь прошел той же страшной черной дорогой, что и я. Бог с ним, с этим самовлюбленным дурачком. Может, хоть станет настоящим человеком, преодолев

такой тяжелый путь.

- Вы снова не подписались! - досадливо крикнул мне вслед диспетчер, но я уже не слышал его. "Фотонный мотылек" стартовал. Приглядевшись, я увидел в иллюминаторе гугу. Она стояла на стартовой площадке и махала мне рукой. К ее ноге прижимался полосатый кот.

Дарья Странник

Когда нас позовут

Коридор был просторным, сумрачным и казался бесконечным. Вдоль одной стены тянулся ряд белых дверей без номеров и надписей. У стены напротив стояли бесчисленные оранжевые стулья, большую часть которых занимали люди - очень разные, странные в своём разнообразии. В пижамах и уличной одежде, в купальниках и в зимних куртках, несколько человек в различных униформах и даже один голый. Впрочем, никого из присутствующих не смущал и не удивлял вид друг друга.

Всё это не походило ни на что знакомое, но немного напоминало очередь в поликлинике, и Сергей неуверенно спросил:

- Кто последний?

Никто даже не посмотрел в его сторону. Только один старик в пуховике и вязаной шапке усмехнулся себе под нос.

- Что смешного? - спросил Сергей беспомощно. На душе было тоскливо.

- Оно, может, и очередь. Да только такой ты не

видал ещё, - ответил старик. - Садись, дело долгое... а может и нет... Сложно сказать. Часов нет. Времени, кажется, тоже...

Сергей послушно присел между стариком и девушкой в толстом халате - просто понятия не имел, что ещё делать. В коридоре царила тишина. Никаких типично больничных звуков вроде кашля или стонов.

- Где мы? - спросил Сергей негромко.

Старик крякнул.

- Знаю только, где нас нет, - ответил он.

- И где? - не отставал Сергей.

Старик посмотрел на него добро, взгляд задержал надолго, и Сергей совсем смешался.

- Всё хорошо, ты посиди чуток. Все так - вопросы-расспросы, а потом успокаиваются.

- А может, я не хочу успокаиваться?! - заявил Сергей с таким бессмысленным упрямством, которого не испытывал с подросткового возраста.

- Леночка, - неожиданно обратился старик к девушке в халате. - А расскажи Серёже, как ты сюда попала.

Девушка закинула ногу на ногу, и Сергей уставился на толстые вязаные носки и потрёпанные домашние тапки. А потом спохватился: откуда старик узнал его имя? Но спросить не получилось

- заговорила Лена. Голос её звучал негромко и ровно, почти монотонно.

- Люблю тишину зимнюю, снежную, тяжёлую. Тяжёлую, как сугробы, погрёбшие под собой кусты и деревца. Тяжёлую, как ватное одеяло, под которым я проснулась, наслаждаясь тёмным уютным теплом, зная, что вокруг холодно. А одеяло, выветренное летом под яблоней, прогретое лучами солнца, всё ещё сохранило в себе частицу лета. До лета прошлого и лета будущего было одинаково далеко.

"Как книжку читает!" - подумал Сергей, не зная, как относиться к странному рассказу. А девушка продолжала:

- Я повернулась медленно, осторожно, чтобы не потревожить Мулю, свернувшуюся клубком в ногах. Зашуршало постельное бельё, мурлыкнула во сне кошка, и снова воцарилась тишина. Мне даже в мысли не пришло тратить время, отодвинуть штору, выглянуть из окна. Я была уверена: сегодня выпал снег. Об этом беззвучно рассказала мне снежная тишина.

- Я, кажется, знаю, о чём ты, - заметил Сергей, вспоминая детство и зимние каникулы в деревне у бабушки.

- Я набросила на пижаму халат, - продолжила

девушка. - Ноги сами нырнули в тапки. Волосы не расчесала - плевать, кто меня увидит? - она заправила прядь за ухо. - Я спешно открыла оба замка, и распахнула дверь, желая вдохнуть морозный воздух, ослепнуть на миг от белизны, а потом умыться свежим снегом. Как говаривала моя прабабушка: "Для красоты и здоровья".

Она не рассказала ничего особенного, но Сергею почему-то внезапно показалось, что это страшная история. И ещё он понял, что не хочет слышать её конец. Но не нашёлся, как поделикатней сказать об этом.

- В первую очередь меня ошеломила серость двора. Впервые в жизни меня обманула снежная тишина, и чувство это было пронзительно-тоскливым. И только потом я заметила его. Настолько чужеродного, что восприятие отказалось заметить сразу. Я успела подумать, что тишина как-то связана с этим существом. А вот испугаться не успела - так сильно овладела мной обида. А потом оно ринулось на меня, и я умерла, почти не почувствовав боли. А снег той зимой так и не выпал...

Непослушная прядь опять упала в лицо, и девушка снова заправила её за ухо.

- Писательница! - выдохнул старик с восхищением. - В какой раз слышу - и всё равно мурашки

по коже.

- И что это было? - спросил Сергей.

Лена равнодушно пожала плечами, встала и пошла в сумеречную глубь коридора, нервно кутаясь в несуразно большой халат.

- Как это понимать? - обратился Сергей к старику.

- Расскажу и свою историю... Правда, так складно, как у Леночки, не получится, не умею, я человек простой. Странно только: иногда почти забываю, а потом послушаю кого-то и снова вспоминаю.

- Нет, спасибо, не надо больше историй! - сказал Сергей. - Толком объясните, что за место?

Старик промолчал.

- Не молчите! Слышите? Неужели сложно объяснить нормально?

- Сложно, - сухо ответил старик.

Они посидели молча.

"Времени здесь действительно нет", - заметил Сергей и секунду или вечность спустя сдался.

- Ладно, рассказывайте вашу историю.

Старик хмыкнул. Они помолчали снова.

- Пожалуйста, - попросил Сергей.

- У меня тоже дело зимой было. Вот только снега навалило - на три зимы хватило бы. Я с Валькой

поругался. Валька - супружница и проклятье моё по совместительству, - объяснил старик. Из-за чего же? Помню, домой пришёл, она на меня набросилась, я завёлся... А причину не помню. Вот как: из-за ерундовины какой-то погиб. В общем, поорали мы, и чувствую - натворю дел, если не остановлюсь... Есть за мной такое, даже сидел в молодости. ТемперамЁнт от беса - так Валька говорила. А в прихожей у меня в углу всю зиму куртка тёплая да штаны на лямках висят. Там же снасть и стул-ящик. Я, значит, ноги - в сапоги, в одну руку -снасть и одёжу, в другую - ящик, и ушёл, дверью хлопнув. Оделся уже в подъезде. Там же и сомнения первые появились: ни тормозка, ни термоска, ни прикорма. Знаю, что нельзя на нервах что-то делать. Лёд - он капризный, чувствительный.

Но знать - это одно дело, а ноги уже понесли меня к реке, к протоке моей любимой. А вокруг безлюдно, и на льду тоже ни одного рыбака, ещё и смеркаться начало, а сумерки у нас короткие, раз-два и темно. По всему нехорошо, но я всё ещё не ясно думал, ступил на лёд, сделал несколько больших быстрых шагов - потом чуток опомнился. Нельзя так, я на льду не один десяток лет прорыбачил, знал - первым делом проверь лёд. И

тут только спохватился: пешню-то дома забыл.

И добавил, заметив вопросительный взгляд Сергея:

- Ломик такой. Лёд проверить, прорубь пробить... В общем - без неё никак. Ну я плюнул, выругался, но на душе даже как-то полегчало. Не судьба - подумал, надо возвращаться. Решил к товарищу зайти на судьбу и супругу пожаловаться, душу согреть, - старик щёлкнул по горлу. - Да только не суждено было тому сбыться. Послышался треск, а потом лёд под ногами покачнулся, и я плюхнулся на задницу, ящик упал рядом. Снасть я от испуга тоже выронил, она в воду плюхнулась.

А течение уже подхватило льдину со мной и потащило в направлении моста.

Я даже испугаться не успел. Голова работала ясно. Осмотрелся - на помощь звать некого. Доплыть до берега нереально, не выдержит моё сердце ледяной воды. Оставалось сидеть и не дёргаться, надеясь, что меня кто-то заметит, или льдину прибьёт к берегу ниже по течению. Только льдину качнуло раз, потом ещё. Слева плеснуло что-то крупное. Потом льдина подо мной снова задвигалась, словно кто-то снизу её раскачивал.

- Рыба? - спросил Сергей.

- Я сначала тоже так подумал, хоть и знал, что неоткуда в той реке взяться рыбе такого размера... Да и не стала бы рыбина льдину раскачивать. А та тварь то с одной стороны плеснётся, то с другой, то за спиной... И несколько раз мне казалось, что есть у неё лицо - почти человеческое, но и не человеческое. Но толком не рассмотреть: я и так из последних сил равновесие держал, головой особо не покрутить. Вода тёмная, вокруг сумерки... А оно плещется и ныряет, а потом льдина резко накренилась, и я соскользнул в воду. Почувствовал холод и боль - сердце остановилось почти мгновенно. К счастью. Я и не почувствовал, как та тварь меня сожрала... - старик замолчал.

- А откуда знаешь, что сожрала, раз умер раньше? - спросил Сергей. Сам факт смерти старика его почему-то не удивил.

- Откуда-то знаю, - ответил тот равнодушно.

- А что то было? Та тварь в реке?

- А вот чего не знаю, того не знаю...

- А я знаю - это, наверное, русалка была, - выпалила девочка с младенцем на руках. Сергей и не заметил, как она подошла. Скользнул взглядом по джинсовому комбинезону, светлым тугим косам и прикинул, что ей не больше двенадцати.

- Русалка? - хмыкнул старик. - Ну, может, и

русалка.

- А я - Марта, - затараторила девочка. - Умерла во время пожара. Только не от огня. Дымно было, я уже ничего не понимала и не видела. И думала странное: о фантике, который бросила на землю вчера... то есть за день до... до того, как умерла. А ещё, что вот умру ни разу не поцеловавшись. Только не смейтесь...

Старик и Сергей серьёзно помотали головами, показывая, что и не собирались смеяться.

- Вот... Вдруг из дыма ко мне шагнул мальчик - незнакомый, но очень красивый. Как ангел... То есть я-то ангелов никогда не видела - даже после смерти не видела... А вы видели ангелов?

Мужчины снова помотали головами.

- Вот и я не видела. Но мне показалось, тот мальчик похож на ангела. Только без крыльев. А ещё он был каким-то ненастоящим. Дымчатым, как всё вокруг. Мальчик подошёл ко мне совсем близко и поцеловал. Как будто мысли мои прочитал. И мне стало стыдно, но и очень хорошо. Только поцелуй вытянул из меня весь воздух, и я потеряла сознание. Вот теперь даже не знаю: это всегда так?

- Нет, малышка, не всегда, - сказал старик и погладил морщинистой рукой плечо девочки,

а потом кивнул на младенца: - А это твоя сестрёнка?

- Это мальчик, - поправила его Марта. - Видите: ленточка на одеяльце голубая. Я его на стуле нашла и взяла на руки. Нехорошо такому маленькому одному. Может, в следующий раз он и станет моим братиком...

- А откуда ты знаешь, что будет следующий раз? - спросил Сергей.

- А вы разве знаете что-то другое? - ответила Марта вопросом на вопрос.

- Нет, - сказал Сергей, - я вообще ничего не знаю...

- Вот видите! До тех пор, пока не узнаем точно, возможно всё! - заявила девочка. - Кем хочешь стать в следующей жизни?

- Не знаю, - растерялся Сергей. - Никогда об этом не думал.

- Так подумай, здесь никто не торопит, - дружелюбно посоветовала Марта.

- Я так думаю: никаких вторых жизней не будет. Дальше пойдём, - проговорил старик.

- Всё возможно, - повторила Марта, а потом спохватилась: - Ой, меня зовут! Пока!

Она развернулась и вошла в одну из дверей. Створка распахнулась всего на миг, пропуская

девочку, так что Сергей успел увидеть только яркий свет.

- Я ничего не слышал, - удивлённо проговорил он.

- Дык не тебя звали, - отмахнулся старик.

Они помолчали.

- Все здесь умерли... - прошептал Сергей. - Значит, и я... Нет. Бред какой-то.

Он подскочил.

- Вы, как хотите, а я пошёл искать выход.

Старик беззлобно рассмеялся, вставать он явно не собирался. Сергей быстрыми шагами направился вглубь коридора, стараясь не смотреть на других людей. Те, впрочем, тоже не обращали на него внимания.

Коридор несколько раз поворачивал, но ни разу не разветвлялся, освобождая Сергея от необходимости принимать решение. Он шёл так долго, как можно пройти в месте без времени. А потом остановился просто потому, что желание идти дальше внезапно пропало.

- Вы здесь недавно, - заметила женщина, сидевшая слева. Как будто всё время только и ждала Сергея.

- Не знаю. Здесь нет времени, - ответил, почти огрызнулся, он.

- Но вижу, что вы ещё не бывали в многоэтажках. После них люди спокойней.

- Каких многоэтажках? - не понял Сергей.

Женщина встала, сделала несколько шагов вдоль ряда стульев и подошла к окну. Сергей так и не понял: было ли оно там уже раньше или появилось внезапно. Не получалось и вспомнить, не проходил ли он уже мимо других окон.

- Здесь не только время, всё - неправильное! - вырвалось у него.

- Другое, - поправила его женщина. - Смотрите же, вон они - многоэтажки.

Сергей подошёл к ней и выглянул из окна. На сером голом пустыре стояли бесчисленные ряды серых небоскрёбов.

"Все люди здесь - мертвецы, а это: дома-мертвецы", - подумал Сергей.

- Выглядят нежилыми, - сказал он.

- В них и не живут. В них ждут, если приходится ждать долго, - объяснила женщина.

- Что значит "долго" в месте без времени? - спросил Сергей. Потом добавил неуверенно: - Может, мне туда надо?

Женщина пожала плечами.

- Если будет надо, вам сообщат.

- Как?

- Вы поймёте. Как вы умерли? - внезапно сменила она тему.

Сергей поморщился, мысль о собственной смерти казалась неправильной и чуждой.

- Не помню, - ответил он.

- А вот я умерла преинтересно, - заявила женщина оживлённо, словно рассказывая, как провела выходные. - Это случилось во время последней экспедиции. Мы с ребятами - моими студентами, разбили палатки в степи. В тот раз без особой цели, просто возможность для молодёжи поупражняться в изучении пород и минералов. Да и почувствовать на своей коже походную атмосферу. Дети сейчас чувствительные, избалованные. То что нам романтика - костёр, палатка, тушёнка, им скучно и невкусно. Видели бы вы несчастные морды этих горе-студентов, когда те узнали, что в степи нет сети.

Вот они все и побежали с моим коллегой в посёлок за припасами. С редкостным единодушием, чтобы "помочь нести", значит. А в глазах голодный огонь: "Интернет!" Я покивала, конечно, серьёзно, хотя было ужасно смешно. Если в посёлке сеть и была, то такая... - женщина пренебрежительно махнула рукой. - Но я всегда за движение, поход туда-сюда, да с нагрузкой - это

то, что молодёжи нужно, меньше сил на дурь всякую останется.

Она замолчала, задумалась о чём-то.

- Вот я не знаю: спас им тот поход жизнь, или те прилетели, увидев, что свидетелей, считай, нет?

Женщина снова замолчала. Сергею было не очень интересно, вопрос он задал больше из вежливости:

- И что было дальше?

- Дальше... Я занялась костром, хотела вскипятить воду для крупы. Ясное дело, это задание дежурных, но не поднялась рука оставить их в лагере. Вдруг... Я не смотрела вверх, не знаю, можно ли было бы заметить их приближение... Для меня они появились внезапно - огни в небе, да такие яркие, что я почти ослепла и тут же уставилась на землю, а она пошла пузырями, как кипящая вода. Тут-то я и поняла, что свет тех огней не только яркий, но и горячий... очень горячий! Палатки вспыхнули и обгорели вмиг как салфетки, поплыли скалы, земля кипела...

- А вы?.. - вырвалось у Сергея.

- И я... Больно было недолго.

- А потом?

- А потом я здесь оказалась. Что там дальше было - не знаю. И что вообще произошло - тоже

не знаю.

Кто-то подошёл сзади и попытался протиснуться к окну. Сергей отпрянул, он терпеть не мог, когда так беспардонно вторгались в личное пространство.

Наглецом оказался немолодой стриженный под машинку мужчина в светлой бесформенной пижаме и шлёпках на босу ногу.

И не думая извиняться, он спросил:

- А лес видно?

- Лес? - удивилась женщина, отходя от окна. - Нет, не видела.

- А я так хочу назад в лес, - вздохнул мужчина. Он отвернулся от окна. - Я Славик Лёгкий, - представился он неожиданно. И я живу в волшебном лесу.

Сергей и женщина обменялись удивлённым взглядом, а Славик продолжил:

- Большую часть дня я провожу на белой поляне, там живут мои самые лучшие друзья: синие и пушистые. Их шесть... нет - двадцать... нет... - Славик начал загибать пальцы и беззвучно шевеля губами считать. Он несколько раз сбивался и начинал сначала, а потом махнул рукой.

- В общем - неважно. Разве нужно считать друзей? Иногда я гуляю по чаще. Там много краси-

вого и интересного, но надо быть и осторожным. Косая кусается. Шаста кричит. А тот, что с бородой - плюётся. С синими-пушистыми веселей. А вечером я выхожу из леса. Там ждут серьёзные в белых халатах. Белый - вообще ужасно серьёзный, не то что синий. Серьёзные спрашивают, слушают и кивают. Потом говорят: "Ты же знаешь, это не больно" и колют. А я отлично помню, что это больно, но терплю, потому что потом снова можно вернуться в лес. Только однажды я вышел из леса и оказался здесь. Нет серьёзных, нет укола, нет леса... - Губы Славика задрожали, по бледному лицу потекли слёзы.

Женщина похлопала его по плечу.

- Всё будет хорошо, - пообещала она немного беспомощно.

- Вы уверены? - тихо спросил Сергей.

Она сердито посмотрела на него и едва заметно пожала плечами.

- Вообще, странные у людей здесь смерти. Чудеса какие-то. Что-то я за всю свою жизнь столько странного не видел, как услышал сегодня... - Сергей запнулся. Последнее слово звучало чужеродно в месте без времени. Неуверенно Сергей закончил: - ...здесь.

- Потому что смерть - не конец, - заявила жен-

щина. - Это переход. В какой-то момент ваше сознание расширяется, и вы способны увидеть то, что раньше считали чудом. И этот момент - завершение жизни прежней. Некоторые идут дальше уже в младенческом возрасте, а кто-то достигает глубокой старости. И, конечно, никто уже не может рассказать оставшимся, что видел в момент перехода.

- Откуда вы это так точно знаете? - спросил Сергей.

- Да вы это и сами знаете. Просто постарайтесь вспомнить, как умерли.

Она ушла, уводя с собой всхлипывающего Славика. А Сергей снова подошёл к окну и посмотрел на выглядевшие заброшенными дома, на их тёмные окна, кажется, даже незастеклённые... Стекло! Откуда-то вынырнуло воспоминание: сильный удар, звон разбитого стекла, скрип тормозов, гудки... Его "Фиат" зажало между двумя грузовиками, но справа откуда-то появился тёмный тоннель. Что-то белое метнулось и скрылось в нём, и Сергей мог поклясться, что это был кролик.

"Очень современная сказка, - успел тогда подумать Сергей, выворачивая руль вправо. - Алиса въезжает в кроличью нору на машине..."

Воспоминание было светлым и тёплым. Сергей почувствовал спокойствие и умиротворение. И понял, что женщина была права. Всё будет хорошо. Он присел на один из свободных стульев и стал ждать, когда его позовут.

Анна Самарина

Звёзды знают лучше

Олег Юрьевич поправил идеально повязанный галстук и внимательно посмотрел на часы. 08:58. Как истинная дева, он всё делал строго по графику, а как ещё? В его жизни не было ничего важнее порядка, а здесь, в районном Астроцентре No 23 каждая секунда и вовсе могла изменить судьбу. До обеда нужно было принять 12 человек, чьи прогнозы на эту неделю вызывали беспокойство. Олег Юрьевич подцепил верхнюю натальную карту из аккуратной стопки на краю стола и бегло пробежался по ней. Юркая Виола Львовна, 76 лет, знак зодиака Весы, асцендент - Водолей, типичный представитель гармоничной группы. Что там с ней опять не то? Юркая, словно стараясь соответствовать своей фамилии, появлялась у него на приеме стандартно раза три-четыре в месяц. Он перевел взгляд на экран с прогнозами и поморщился - среда, 01:42, смерть от естественных причин во сне, рекомендуется подготовка. Ну вот, он так и знал, снова от неё неприятности. Олег Юрьевич вздохнул, отогнал от себя эту

мысль, как непрофессиональную и неэтичную, и, нажав на кнопку вызова, по привычке снова посмотрел на циферблат. Девять ноль-ноль, пора начинать приём.

В кабинет впорхнула сухонькая пожилая женщина с растрёпанными волосами. Её тонкие худые руки напоминали высохшие ветки дерева, из-под шерстяной юбки торчали острые колени, локти выпирали, так что казалось будто вся она состоит из одних углов и прямых линий.

- Доброе утро, дорогой Олег Юрьевич, - пропела женщина, без разрешения присаживаясь напротив. По пути она задела два стула, ваза на краю стола опасно накренилась, и только чудом не грохнулась на пол. - И зачем вы меня снова вызвали? Признайтесь уже, вы ко мне просто неравнодушны и поэтому дергаете каждую неделю по поводу и без.

Олег Юрьевич побагровел от возмущения:

- Виола Львовна, - он осуждающе постучал ручкой по столу, - вы свой прогноз на неделю вообще читали?

- Да, и что? - женщина непонимающе посмотрела на него. - А, или вы про смерть? Так мне из-за этого пришлось тащиться сюда в такую рань? Я даже расчесаться не успела!

- Тащиться? Да вы в соседнем доме живете, время девять часов! Четыре минуты! - возмутился было Олег Юрьевич, но тут же взял себя в руки и сдержанно продолжил. - Я настоятельно рекомендую вам подготовиться. Доделать начатое, вернуть долги, посетить астропсихолога, я вас сейчас запишу, есть свободное время после обеда...

- Не надо ничего, - Виола Львовна беззаботно махнула рукой, - пусть всё идет как идёт.

Олег Юрьевич нахмурился. Легкомысленность Виолы Львовны выводила его из себя. Воздушный знак, что тут сделаешь!

- Завещание хотя бы составьте. Это избавит родственников от хлопот, - не сдавался он.

- А зачем? - Женщина похоже явно над ним издевалась. - Ввсё, что нужно, я уже сказала, а с остальным сами разберутся. Поверьте, мой милый, я абсолютно спокойна.

Олег Юрьевич хотел было возразить, но часы тихо щёлкнули, извещая об окончании времени приёма.

- Хорошо. Ваше право, - сухо сказал он, - но я всё же прошу быть повнимательнее.

Он подождал пока закроется дверь, снова тяжело вздохнул, ещё раз проверил прогноз. Все

точно, среда, 01:42, до смерти Виолы Львовны оставалось чуть больше суток. Чёткое, достойное завершение жизненного пути. Олег Юрьевич хотел уже перейти к следующему посетителю, но никак не мог успокоиться - впервые за долгое время ему казалось, что приём оказался напрасным. Надо же было так выстроиться планетам при рождении, что получилась такая непутевая женщина. Куда ведь проще идти по дороге, если точно знаешь, где и когда она свернет. Но эта пигалица, даром, что в почтенном возрасте, всё норовила бежать в темноте и без фонаря.

Олег Юрьевич встал, прошёлся по кабинету, после чего, немного поколебавшись, набрал номер секретаря.

- Марина, свяжитесь с Астропсихологическим центром. Пусть назначат Юркой дополнительную консультацию.

- Конечно, конечно, на завтра?

- Нет, на сегодня. Завтра она... может не успеть.

Секретарь замялась:

- А она согласилась?

- Какая разница, - раздраженно бросил Олег Юрьевич, - пусть психологи делают свою работу. Кто-то ведь должен?

Повесив трубку, он наконец переложил карту

Виолы Львовны в папку завершенных консультаций. Всё было под контролем. Как всегда. Как и должно было быть.

К четвергу ему наконец удалось выбросить Юркую из головы. Психологи подтвердили, что на консультацию она явилась, отсидела положенные сорок пять минут и покинула центр в стадии полного принятия. Вчера, сам не зная зачем, Олег Юрьевич обновил на экране её прогноз на день и, увидев там ровную линию, удовлетворенно хмыкнул. Всё, карту можно сдавать в архив. На секунду ему показалось, что в сердце кольнуло что-то вроде сожаления, но он быстро взял себя в руки. Все живут и умирают по плану, таков порядок, нечего тут рассусоливать. Да и хлопот с ней было невпроворот, даже легче так.

Разобравшись со всеми консультациями, Олег Юрьевич довольно откинулся на спинку кресла. День прошел прекрасно, люди приходили растерянными, а уходили с чётким планом в голове. Он чувствовал гордость за свою работу, хорошо всё-таки, когда человек на своём месте. Особенно если это место ему выбрали звёзды.

В дверь робко постучала Марина

- Олег Юрьевич, к вам тут...

- Кто ещё? Без записи?

- Да говорю вам, он точно захочет меня увидеть! - раздался знакомый голос, и в кабинет протиснулась Виола Львовна, ловко отодвигая Марину.

Олег Юрьевич побледнел, покраснел и вцепился в подлокотники кресла так, что кожаная обшивка затрещала. Не слушая, что там щебечет Виола Львовна, лихорадочно схватив мышь, он открыл реестр прогнозов. Данные грузились дольше обычного. Олег Юрьевич расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и ослабил галстук. Воздуха не хватало.

Щелчок. Среда, 01:42 - смерть во сне. Подтверждено.

По спине потек пот. Нет, такого не бывает. Звезды не ошибаются. Никогда. Он обновил страницу. Ещё раз. И ещё. Ничего не поменялось.

- Ну, что там? - поинтересовалась Виола Львовна. - Всё ещё мертва? Или передумала?

Олега Юрьевича словно обдало жаром. Да как она смеет. Шутить. О таких вещах!

- Что вы сделали? - Он внезапно сорвался на крик. - Признавайтесь! Что? Спать не ложились? Шлялись где-то всё ночь? Это вы назло, да? Говорите!

Виола Львовна вздрогнула и резко выпрямилась, так что все её углы стали ещё острее:

- Я, чтобы вы знали, ложусь спать в 10:30. Сразу как закончится вечернее шоу. И сплю ровно девять часов, как вы же мне сами и рекомендовали два года назад. А сейчас мне, простите, пора. Я без записи.

Олег Юрьевич сник и обхватив руками голову начал медленно раскачиваться из стороны в сторону. Плечи его так жалобно подрагивали, что Виола Львовна смягчилась и, присев рядом, похлопала по спине, как старого друга.

- Ну, милый мой, не надо так расстраиваться. Я и не знала, что вы так ждали моей смерти. Ну, подумаешь, выбрали мне звезды другую дорогу, не бывает такого, что ли?

- Не бывает... - простонал Олег Юрьевич, не поднимая головы.

- Ну я же всё-таки здесь. - Она мягко улыбнулась.

- Вы умерли! - он почти взвизгнул, резко разворачивая к ней монитор.

Смерть во сне. Подтверждено.

***

Виола Львовна давно ушла, а Олег Юрьевич, ссутулившись, всё мерил кабинет шагами. Что теперь? Сообщить в астробезопасность? И что АБ?

Приедет разбираться? А он как будет выглядеть? Хорош... И почему это должно было случилось именно в его районе? А может, нет? Может, у всех такое и все скрывают? Может, уже полгорода мертвы, а мы не знаем? Стоп, так и до паранойи недалеко... Нет, это точно Виола Львовна сама напортачила. Заснула, поди, глубоко, лежала, не шевелилась. А что, ей переворачиваться надо было, чтобы звезды заметили? Может, ещё и кувыркаться? Абсурд какой-то.

Олег Юрьевич остановился, вытянулся в полный рост и до хруста стиснул зубы. Так, всё, спокойно.

Он не мог позволить себе паниковать. В конце концов, он - руководитель Астроцентра, а не какой-нибудь там беспечный Стрелец. Логика и ничего, кроме логики. Кто виноват в случившемся? Звёзды? Олег Юрьевич резко обернулся, будто кто-то мог подслушать его внутренний диалог. Нет, такие мысли опасны. А может, это его вина? Недостаточно хорошо провел инструктаж? Ну нет, у него всё как положено... Остаётся одна переменная - Виола Львовна. Точно. Кто же ещё? Слишком непредсказуемая, слишком... юркая. Олег Юрьевич вытер ладонью пот со лба. Ладно. Сообщать в АБ не стоит, там разбираться

не станут, и его карьера рухнет вместе с репутацией. Вот тебе транзит Сатурна в оппозиции к Солнцу... Нет, нет, надо как-то самому. Глядишь, в ближайшие дни прогноз всё же сбудется. Да. Вот оно. Она просто не вовремя умерла. С задержкой. Так бывает. Бывает же? Олег Юрьевич медленно выдохнул. Вот и решение. У него всё под контролем. У него всегда всё под контролем.

Однако не успел Олег Юрьевич сесть, как дверь с грохотом распахнулась, и в кабинет ворвалась высокая женщина с перекошенным от злости лицом. Испуганная Марина выглядывала у неё из-за спины и жестами пыталась показать, что ничего не могла сделать.

- Ну и? - казалось, что женщина не говорит, а свистит, как закипающий чайник. - Где эта старая карга?

- Простите, а вы?.. - Олег Юрьевич всё ещё не пришел в себя от сегодняшних потрясений и несколько растерялся.

- Я наследница! - просвистела женщина. - Вернее, должна была ею быть! А знаете, почему была? Потому что вы не справились со своей работой!

- Простите... что? - Он снова извинился и мысленно отругал себя за это.

- То! - женщина подошла ближе, хлопнув ладо-

нью по столу. - Моя тётка должна была ещё вчера умереть! Обязана! Квартира в центре города! Я уже ремонтников заказала, обои дорогущие по акции выписала! И что мне теперь делать, скажите пожалуйста?

Олег Юрьевич на пару секунд потерял дар речи.

- Простите, но... - Он зачем-то извинился в третий раз. - У нас не предусмотрено... вмешательство в естественный ход событий.

- А мне что с того?! - Женщина сорвалась на визг. - Дальше ждать, пока она не окочурится?

Олег Юрьевич наконец вспомнил, кто он такой, и непроизвольно сжал руки в кулаки.

- Прекратите немедленно. Вы должны уважать свою тётю, - сказал он с плохо скрываемым гневом, - Она живой человек. И я не позволю вам так выражаться в моём кабинете.

-Живой?! - женщина злобно фыркнула. - А по прогнозу - нет! Она же мне еще в понедельник попрощаться позвонила. Так что пусть это, собирается!

Олег Юрьевич резко встал. Вот ведь, значит, всё-таки послушала его Виола, подготовилась... Он вышел из-за стола и открыл дверь:

- Ваша тётя пошутила. Сами знаете, какой у неё

характер. А если вы угрожаете человеку, который... скажем так, не вписывается в прогнозы, это уголовное преступление. И я вам настоятельно рекомендую этого не делать.

- Вы ещё пожалеете, - прошипела племянница, - я на вас жалобу напишу!

Она вылетела из кабинета, так хлопнув дверью, что та едва не сорвалась с петель. Олег Юрьевич снова сжал многострадальный подлокотник. Да что же это за день такой?

***

Следующий, впрочем, оказался ещё хуже.

Олег Юрьевич пытался, наконец, сосредоточиться на работе, когда из приёмной донеслось тревожное оханье Марины.

Он раздражённо нажал кнопку вызова.

- Потише нельзя? Что там у тебя случилось?

- Простите, Олег Юрьевич, а вы новости сегодня читали?

У него внезапно закололо где-то под рёбрами, липкое нехорошее предчувствие закопошилось в груди. Новостные заголовки буквально кричали с экрана:

Авария на газопроводе! Пожар в новом жилом комплексе! Обрушение перекрытий на стройпло-

щадке! И самое страшное - Третье происшествие за сутки! Сбой в астропрогнозах!

Всё это случилось на его территории. Всё это не должно было случиться. Такие вещи просто так не происходят, о них известно за месяц, ну, минимум, за неделю. Разве бывают такие совпадения? Нет, нет, явно что-то вмешалось в баланс. Что-то неожиданное, капризное, своенравное...

Не нужно было долго гадать, что, а вернее кто виноват.

***

Кутаясь в теплый полосатый шарф, Виола Львовна сидела на террасе уличной кофейни, когда перед ней вырос бледный, взъерошенный Олег Юрьевич.

- Нам нужно поговорить, - процедил он сквозь зубы.

- Олег Юрьевич, милый, что вы тут делаете? Вам нельзя кофе, у дев слишком чувствительный пищеварительный тракт, - заботливо проворковала женщина, - или вы всё же преследуете меня? Я так и знала!

- Перестаньте! - Он поджал губы, в очередной раз удивляясь этой её отвратительной беспечности. - Вы хоть понимаете, что происходит?

Аварии. Пожары. Разрушения!

Юркая пожала плечами.

- И что?

- Вы должны уйти, - выплюнул он безапелляционно и резко, - вы просто обязаны соблюдать порядок!

Виола Львовна, прищурившись, с удивительной для неё серьёзностью посмотрела ему прямо в глаза, так что Олег Юрьевич облегченно выдохнул - ну вот, не совсем она пропащая, что-то всё же понимает. Но тут женщина, не в силах больше сдерживаться, расхохоталась так, что проходивший мимо официант чуть не уронил поднос.

- А я-то думала, что вы бесчувственный сухарь, Олег Юрьевич! Но пошутили, так пошутили!

- Это не смешно! - Он шагнул ближе, и, как коршун, навис над Виолой Львовной. - Звезды не терпят, когда кто-то сворачивает с выбранного ими пути. И если по прогнозу вас не стало, значит, мир пытается вас добить.

- Да что вы такое говорите! - Она отодвинула чашку. - Похоже, не очень-то получается.

- Пока, - мрачно бросил Олег Юрьевич.

Между ними повисла тишина.

- Слушайте, такого я даже от вас не ожидала... - наконец спокойно сказала Виола Львовна. - Вы

что, пытаетесь меня уговорить или, я бы даже сказала, подтолкнуть....

Олег Юрьевич вздрогнул.

- Не говорите глупостей! - прошипел он, обводя взглядом полупустую террасу. - Я просто... прошу вас следовать плану.

- Да бросьте вы уже. - Она, кокетливо улыбаясь, встала и одернула юбку. - Планы - вещь хорошая. Просто у меня они немного другие. Вот сейчас, например - съесть пирожное. У них тут изумительные трюфеля. Пойду выберу. Вам взять?

Олег Юрьевич остался стоять на террасе, чувствуя, как у него подкашиваются ноги. Он не смог её убедить. И это значит, катастрофы будут продолжаться. Если он сейчас сообщит в АБ, ему конец. Слишком много ошибок. Такой бардак. Даже ему этого не простят. Да он и сам себе такое простить не сможет.

***

Олег Юрьевич не спал уже вторые сутки. Новости сыпались одна тревожнее другой: массовые ДТП, взрывы газа, аварии на сетях... Район лихорадило, а он ничего не мог сделать, кроме как без конца обновлять прогнозы и сверять карты пострадавших. Нити всех судеб были связаны,

все вели к одному событию - смерти Виолы Львовны. Той самой смерти, которая почему-то не произошла.

Коллеги поглядывали искоса, шептались за спиной, Марина виновато прятала глаза каждый раз, как он входил в приемную.

В конце концов один из аналитиков не выдержал и подошел к нему в столовой, отведя чуть в сторону.

- Олег Юрьевич, - он слегка замялся, - район уже неделю не выходит из новостей... На улицах черте что творится. Вы же понимаете, что если так дальше будет, нам весь центр расформируют... Может, стоит принять какие-то меры?

- И какие же? - холодно переспросил Олег Юрьевич.

Коллега пожал плечами, отвернулся к окну:

- Вы же руководитель. Вот и руководите.

Олег Юрьевич сухо кивнул и вернулся к себе в кабинет. Обедать расхотелось. Несколько раз он всё же порывался позвонить в АБ, но так и не решился. Слишком далеко всё зашло. Тут не только центр расформируют, тут и до суда дойти может...

Но что тогда? Олег Юрьевич был готов расплакаться от бессилия и обиды. Звезды всегда вели

его по карьерной лестнице, подсказывали как жить и работать. Почему же теперь они его так подвели? И эта Виола Львовна... Что ей стоило уйти как положено? Почему весь мир должен рушиться из-за какой-то одной эксцентричной дамочки?

На экране мигнул сигнал входящего сообщения. Личный гороскоп на завтра. Вовремя. Отчаянно надеясь на подсказку, Олег Юрьевич открыл почту и замер.

Не бойтесь решительных мер ради восстановления порядка.

Вот и звёзды тоже ждут от него решительных мер. Все ждут. Все надеются.

Мысль пришла внезапно, словно извне. Он отмахнулся от неё поначалу, но она упорно возвращалась снова и снова. Виола Львовна сама всё испортила, сломала ход судьбы... Сколько людей ещё должно пострадать пока до неё это дойдёт?

Нет, это неправильно, он не убийца, у него слабый Марс и вообще он боится крови. Он порядочный человек! Но аварии продолжаются, люди... Каждое новое происшествие - на его совести. Чувство вины становилось почти физически невыносимым. Разве он не обязан думать об общем благе? Разве одна жизнь не стоит десятков

других?

Всю ночь он метался в постели, периодически проваливаясь в прерывистые тревожные сны, в которых племянница Виолы Львовны язвительно хохотала и тыкала в него пальцем, а утром, совершенно измотанный и разбитый, кое-как сполз с кровати, накинул пальто, поднял воротник и отправился туда, куда порядочные люди предпочитали не ходить.

- Да, время сейчас непростое... Для защиты? - без особого интереса спросил продавец, даже не взглянув на Олега Юрьевича.

- Для защиты, - едва слышно выдавил он, - для защиты порядка.

Продавец только хмыкнул и отвернулся.

Весь вечер Олег Юрьевич просидел на кухне, молча глядя на оружие. Оно вызывало у него отвращение - такое же сильное, какое он испытывал к самому себе. Несколько раз он почти решался убрать пистолет, спрятать подальше, но перед глазами снова всплывал гороскоп. Не бойтесь решительных мер... Не бойтесь.

- Я вовсе не собираюсь её уб... - шептал он, словно пытаясь что-то доказать. - Я просто отправлю её туда, где она и должна быть. Ради всех жителей. Ради города. Ради звёзд.

К ночи он даже в это почти поверил.

***

Олег Юрьевич стоял у двери своего кабинета и никак не мог решиться выйти, в затылке покалывало от напряжения, внутренний карман пиджака оттягивал пистолет. Обеденный перерыв, самое подходящее время... Он глубоко вздохнул и потянулся к ручке, но тут дверь резко распахнулась.

На пороге стояли двое сотрудников АБ в строгой униформе, за ними маячила встревоженная Марина.

- Олег Юрьевич, у нас к вам срочный и серьезный разговор, - произнёс один из них.

У него перехватило дыхание. Всё пропало, он не успел. Руки задрожали, и Олег Юрьевич поспешно спрятал их в карманы, пытаясь оттянуть края пиджака так, чтобы не было видно выпирающий пистолет.

- Послушайте, я всё могу объяснить, - торопливо залепетал он в панике, - аварии скоро прекратятся. Я... я принял меры. Ситуация стабилизируется уже к вечеру.

Сотрудники переглянулись. Старший внимательно посмотрел на него, словно изучая, и

наконец совершенно бесстрастно произнес:

- Олег Юрьевич, успокойтесь. Мы не собираемся вас ни в чём обвинять. Мы здесь по другому поводу.

- Не собираетесь? По другому? - У Олега Юрьевича зажгло в груди. Ещё хуже, они знают про пистолет. Он судорожно прикидывал, как можно правдоподобно объяснить, зачем ему оружие на работе, но мысли предательски путались.

- Да. Мы выявили масштабную хакерскую атаку на общую сеть Астроцентров. На прошлой неделе злоумышленники взломали несколько серверов, пострадали три района, включая ваш. Люди пытались следовать чужим рекомендациями, что и вызвало массовые происшествия и беспорядки. Виновные уже задержаны, ваша задача - разобраться с последствиями.

Олег Юрьевич молчал. Голова кружилась.

- Группа активистов свободной воли, - добавил второй сотрудник, словно оправдываясь, - признаюсь, сработали ювелирно. Мы были готовы к попытке уничтожения или внедрению фальшивых данных, но не к тому, что прогнозы просто поменяют местами... Понимаете, ничего ведь не изменилось, ни объём данных, ни источник...

- Технические службы уже восстанавливают

подлинных адресатов прогнозов, - недовольно прервал его первый, - вы получите корректные данные в течение нескольких дней. Бюро ждёт от вас решительных действий. Успокойте людей, назначьте дополнительные консультации, привлеките психологов.

Олег Юрьевич медленно сел на стул для посетителей. Пистолет в кармане казался невыносимо тяжёлым.

- Мы надеемся на вас. - Оба сотрудника одновременно кивнули и вышли из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

Назойливый солнечный зайчик весело скакал по стенам, словно приглашая поиграть. Олег Юрьевич встал, плотно задернул шторы, вернулся к столу и опустился в кресло. Монитор моргнул - личный гороскоп на завтрашний день, как всегда, по расписанию...

- Вы на верном пути, доверьтесь звёздам и не сворачивайте. Ожидается...

Олег Юрьевич молча погасил экран, выдернул шнур из розетки и остался неподвижно сидеть в темноте. Часы громко тикали.

Елена Шагирова

По закону притяжения

Дорогу по коридору до каюты Яна не заметила. Будто движение век начисто стерло из памяти этот отрезок времени: она всего на секунду прикрыла глаза, уткнувшись лбом в холодную стену лифта, а очнулась уже перед дверью с табличкой "Cpt. A. Odintsov". Кажется, акулы так спят - на ходу. Или пингвины? Счастливые пингвины, им этого хватает...

- Проходи, - сказал Андрей. Он стоял у порога, отступив в сторону, чтобы не загораживать узкий дверной проем. Момент, когда дверь открылась, Яна тоже не отследила. Сознание работало в проблесковом режиме, отсекая все неважное. Как низкочастотный импульсный модулятор.

Она вошла и присела на край койки. Больше здесь негде было сидеть: откидной стол и кресло занимали почти все свободное пространство жилого модуля. Половину противоположной стены скрывал экран, где медленно вращался бирюзовый шестиугольник в рельефных арабесках зеленых и оранжевых завитков. Цвета были

условные: программа показывала уровни давления и температуры, а не реальную картину.

- Слушаю, - Андрей вернулся за стол. Кресло скрипнуло под его весом. Казалось, что эта крохотная каютка со стандартной обстановкой не была рассчитана на него - на его рост, на ширину его плеч и длину мощных рук, на его тяжелый шаг. Даже сидя, он выглядел тут медведем в слишком тесной клетке. Или атлантом, подпирающим головой низкий скошенный потолок.

Яна протянула ему планшет.

- Вот расчет. - Она сама удивилась тому, как хрипло прозвучал ее голос. В горле саднило, под веки будто толченое стекло насыпали. - Квадрат А - двадцать семь - восемнадцать. Они там.

Андрей молча водил пальцами по планшету, листая графики.

- Я все перепроверила. - Руки были пусты, и Яна зажала их между коленями, чтобы не тряслись. - Поля давлений взяла по замерам с пяти спутников. Составила модель. Восемь тысяч симуляций, совпадение очень хорошее. Это стабильный циклон, понимаешь?

- Яна...

- Зона низкого давления простирается на две трети сектора. Даже если они попали на самый

край, их все равно должно было снести к центру. То есть, не совсем к центру, но магнитный дрейф я тоже учла, и...

- Яна. Что ты предлагаешь?

Она проглотила конец фразы. Начиналось самое трудное.

- Отправь спасбот.

- Нет. Исключено.

"Дышать медленно. Не торопиться. Не взвинчивать голос".

- Всего один бросок, туда и обратно. Это реально. Мы можем спасти их.

- Нельзя спасти утопающих, бросив еще одного человека за борт.

- Я... - Яна сглотнула неприятную сухость во рту. - Никого не предлагаю... бросать. Я полечу сама.

- Глупости.

- Я могу пилотировать бот.

- Ты полтора года не подтверждала квалификацию.

- Сходим на тренажер? Я обставлю тебя на стыковке к Венере-семнадцать.

- Там, - Андрей указал взглядом в сторону экрана, - не тренажер.

- Конечно. Там мой сын.

- Я понимаю, но...

- Нет, не понимаешь. У тебя нет детей.

Он не разозлился. Он вообще никогда не злился, Андрей Одинцов, чертов атлант, статуя гранитная. Тронул контактную панель - шестиугольник на экране окутала радужная вуаль. Зеленым крошевом посыпались цифры: высота, давление, радиационный фон...

- Вот последнее известное положение "Гершеля". Пять часов назад, когда оборвалась связь. Сейчас они примерно на две тысячи километров ниже аммиачного слоя. И это - в лучшем случае, если им удалось затормозить падение. Допустим, твой расчет верен и их затянуло в циклон. Вот этот квадрат.

Изображение на экране приблизилось. Цветные завитки стянулись в кольцо, напоминающее глаз урагана. В кольце медленно пульсировали красные точки - точно далекие маяки разгорались и гасли в изумрудно-рыжем тумане.

- Три рентгеновских выброса за последний час, интенсивность в две тысячи раз выше фоновой. Это не случайность, как ты понимаешь. Циклон образовался именно там, где всплески внутреннего излучения подогревают атмосферу. Представь, какой там уровень ионизации. И какие газовые потоки. Идти туда на малотоннажном судне - са-

моубийство. Прости.

Она вцепилась руками в колени. Надо было что-то сказать, но правильные слова не находились. В ушах звенело, в затылке ртутной лужицей копилась боль.

- "Ши шэнь-фу" подойдет через восемнадцать часов. - Андрей погасил экран. - С кибер-роем для глубокой разведки.

Он не смотрел на Яну. Они оба знали, что за восемнадцать часов атмосферное давление и огромная гравитация Сатурна расплющат "Гершель", а его обломки погрузятся в гелиевый слой, куда не пробиться даже кибер-рою.

- Если бы это был твой сын...

- Не надо, - очень мягко сказал Андрей. - Яна, не надо так.

- Он мог быть твоим сыном, - с нажимом повторила Яна. И по его молчанию поняла, что удар пробил броню.

...Она долго сомневалась, стоит ли переводиться на "Алетейю". Опасалась, что воспоминания о неудачном студенческом романе помешают им с капитаном сработаться. Но уж слишком удачно подвернулась эта вакансия: "Алетейя" отправлялась исследовать метановые озера Титана как раз в то время, когда Майк получил первое

назначение на "Гершель" для разведки полярных регионов Сатурна.

Майк светился от радости, узнав результаты распределения. Его ждали три месяца трудной, кропотливой, невероятно интересной работы; его ждали плазменные штормы и ледяные облака, пылающие венцы полярных сияний и до сих пор не разгаданная тайна Гексагона, гигантского шестиугольного вихря над северной макушкой Сатурна. А у Яны не было дурных предчувствий, ничего такого. Только иррациональное, необоримое желание быть поближе к сыну в его первом дальнем рейсе.

Но в космосе "поближе" означает миллионы километров. И когда "Гершель", захваченный гравитационным полем Сатурна, бросил в пустоту сигнал бедствия, "Алетейю" от него отделяли три с половиной часа самого полного хода.

Сейчас расстояние между ними сократилось до каких-то тысяч километров. Но связь с "Гершелем" пропала, и "Алетейя" могла только кружить над кипящим морем облаков, словно кошка, мечущаяся по берегу пруда, где утонул ее котенок.

- Яна, - Андрей наконец-то поднял на нее глаза - красноватые от усталости, с чуть припухшими веками, но невыносимо спокойные. - Ты знаешь, почему супругам и родственникам нельзя служить в одном экипаже?

- "Во избежание эмоциональных связей, способных повлиять на принятие решений в критической ситуации", - процитировала Яна.

- Каждое назначение на "Алетейю" утверждаю я. Будь у меня хоть тень подозрения, что наши прошлые отношения могут как-то повлиять на меня, - я отклонил бы твою кандидатуру. Именно по этой причине.

Он говорил обстоятельно, ровно, не спеша. Он мог себе позволить не торопиться. У него впереди было восемнадцать часов ожидания спасательного судна. А у Майка времени уже не было. Совсем.

Яна судорожно выпрямила спину.

- Я понимаю. Я... приношу извинения.

- Ты устала. Иди к себе и постарайся отдохнуть.

Я сообщу, если будут новости.

- Подожди. - Яна перевела дыхание - невидимая петля стягивала горло. - Ты капитан, и ты отвечаешь за меня. За всех нас. Но и ты пойми меня, пожалуйста. Если Майк... если он не вернется - я не смогу. Знать, что я могла спасти его, что я была рядом и ничего не сделала... и жить с этим дальше... Я не смогу. Если ты позволишь мне попытаться - это хоть какой-то шанс. Для Майка. Для меня. Если нет... я лучше выйду в шлюз, чем буду сидеть и ждать, пока мой сын умирает там.

Ей казалось, что она видит его мысли, различает едва уловимую смену выражений на грубоватом рубленом лице - точно тени облаков, бегущие по асфальту в ветреный день. Потом его черты снова застыли, сделались каменными.

- Я проверю твои расчеты, - сказал он, и у Яны что-то разжалось внутри. - Мне нужен час. Пока я смотрю - ты спишь.

- Но...

- Ты не сменялась четыре вахты. Я не пущу тебя за штурвал в таком состоянии. Один час под "дельтой". Это приказ.

- А потом - пустишь?

Он смерил ее долгим взглядом. Утопил в стол клавишу внутренней связи.

- Ангар? Готовьте "пятерку". Полная заправка, тест-контроль, двойной антирад. Да. Да, второй док. Сорок минут, принято. - Отключил связь, тяжело сгорбился в кресле. - Довольна?

Яна сбросила ботинки, забралась на койку с ногами. Подтянула к себе обруч дельта-генератора, висящий в изголовье на гибкой проволочной дуге. Контакты захолодили виски. Она коснулась выключателя, и веки тут же налились свинцом, начали неудержимо слипаться.

Проваливаясь в глухой мрак, Яна ощутила - или это уже приснилось? - мягкую тяжесть одеяла на плечах и мимолетное прикосновение к щеке.

И тут же в уши впился мерзкий звон зуммера.

Она открыла глаза. Андрей сидел рядом, глядя на нее сверху вниз.

Вопрос замер у нее в горле. Андрей ничего не говорил, только смотрел, и взгляд у него был темный, теплый. Обволакивающий.

Как в тот день, когда они сидели в кафе, прячась от внезапно налетевшего ливня: Андрей в мокрой насквозь футболке, а Яна в его куртке поверх легкого платья - угораздило же ее одеться не по погоде. Над кофейными чашками клубился душистый пар, и Андрей смотрел на нее сквозь прозрачные завитки; смотрел и не отводил глаз,

и Яна уже знала, что скажет "да".

Тем вечером они не вернулись в общежитие, а бродили до темноты по старому заросшему парку. Почва под деревьями была сухой, но еще по-весеннему холодной, а куртка, которую Андрей расстелил на траве, - уютной, как одеяло; а Луна - яркой, розовой и такой близкой, будто они уже шагнули за пределы земного притяжения.

...Следующим летом их курс отправили на первые баллистические тренировки, и Яна была втайне разочарована: в жизни невесомость оказалась совсем не такой. Потом она привыкла, но ощущение обмана осталось - как будто ей всего однажды довелось летать по-настоящему.

Она тронула языком сухие, саднящие губы и задала совсем не тот вопрос, что собиралась.

- Ты сердишься, что я ушла?

Андрей молча качнул головой. Яна зажмурилась.

- Я не влюбилась в Ника, - сказала она темноте под веками. - Не настолько влюбилась. Просто ты... меня слишком сильно тянуло к тебе. Будто комету к Солнцу. Броситься навстречу и растаять. Сгореть.

Он слушал, не перебивая, и Яна была благодарна ему за это. Если бы она сбилась, то не нашла

бы в себе смелости повторить.

- Ты всегда был капитаном, даже в Академии. Центром притяжения. Упасть и сгореть - или всю жизнь кружиться рядом, следовать за тобой, дышать тобой... Я испугалась, что не смогу разорвать эту привязь, даже если захочу. Что если не уйду сейчас, мне не хватит сил уйти. Гравитационный капкан, понимаешь? Стоит сократить дистанцию - и останешься навечно прикованной к орбите. Может, я была бы счастлива с тобой, но не была бы свободна. Не смогла бы летать.

Ответа не было. Яна с трудом разлепила веки. Андрея не было; вместо косого потолка над ней нависал огромный экран с бирюзовым шестиугольником. Цифры летели многоцветной вьюгой поперек изображения, облачные завитки кружились в тошнотворном ритме, а Гексагон вдруг мигнул и треснул черной щелью зрачка, превращаясь в исполинский глаз.

Она вскрикнула и проснулась по-настоящему.

Каюта была пуста. Погасший экран чернел на стене - распахнутое окно в пустоту. Яна хлопнула себя по запястью и подняла трясущуюся руку к глазам. Вгляделась в мерцающие цифры на часах.

И закричала еще раз.

***

В рубке стояла напряженная тишина, если не считать звуков работающего оборудования - таких привычных, что сознание их отсекало. Яна переступила через порог и уцепилась за поручень, чтобы не упасть. Голова была тяжелой, а ноги ватными, как после наркоза.

Если все корабельные хронометры не сошли с ума, она проспала пятнадцать часов. И только один лживый сукин сын на этом корабле мог настроить дельта-генератор так, чтобы вырубить ее на пятнадцать часов вместо одного.

Но Андрея здесь не было. За командным пультом сидела Бланш Хименес, старший помощник.

- Где капитан? - Яне не задумывалась, насколько глупо звучит ее вопрос. Ей нужно было знать - немедленно.

- Там. - Не отрывая взгляда от приборной доски, Хименес указала в сторону обзорного экрана, где мерцал увеличенный в несколько раз, выпирающий вершинами за края кадра вихревой шестиугольник.

- Как? - У Яны сел голос, слово вылетело сдавленным писком. - Давно?

- На спасботе. Тринадцать с половиной часов

назад. - Хименес наконец-то посмотрела в ее сторону. - Займите свое место, Райли.

Не чуя под собой пола, будто на тренировке по невесомости, Яна шагнула к пульту. Боковым зрением уловила, что ее сменщик отодвинулся, освобождая место перед консолью, - но сама не могла оторвать взгляд от экрана.

Тринадцать с половиной часов.

Если он отправился туда тринадцать с половиной часов назад и до сих пор не вернулся...

Если никто до сих пор не вернулся...

Она ударилась боком о кресло и не почувствовала боли. Все было плоским и ненастоящим, звуки и ощущения доходили до сознания как сквозь толстый пластик. Кто-то помог ей отодвинуть кресло и сесть. Она вцепилась в консоль, как на первой тренировке по невесомости. Перед глазами плыли радужные кольца.

Проклятый Сатурн. Проклятый Кронос, старик-Время, пожирающий детей. Чужих детей, не своих.

И Андрей. Черт бы побрал его непрошеный, бессмысленный героизм. Как, ну как он мог бросить корабль?

Впрочем, он-то как раз мог. "Незаменимый капитан - плохой капитан", - часто говорил он

- и делал все, чтобы не быть незаменимым. Экипаж "Алетейи" работал как система с тройным запасом прочности и мог без труда пережить потерю любого звена, даже верхнего. Но Яна все равно не могла себе представить, как они будут обходиться без...

Она ведь не хотела, не собиралась втягивать его в эту авантюру, она все сделала бы сама. Зачем было вешать на нее еще и этот груз?

Уйти бы отсюда. К черту вахту. К черту все. Закрыться в каюте, включить дельта-генератор и спать, спать... Не думать, не помнить, не мучиться.

- Есть сигнал, - громко сказал связист.

Яне показалось, что стук ее сердца разносится эхом по всей рубке. Люди зашевелились, заоборачивались.

- Пеленг? - спросила Хименес.

- Три с половиной и двенадцать секунд от точки интереса. Передают стандартный сигнал бедствия. Позывных нет.

- Скорость?

- Вертикальная плюс сто пятнадцать, градиент отрицательный.

Яна дрожащими руками вывела себе на экран физическую сводку. Координаты сигнала почти

не менялись - объект поднимался отвесно над полюсом. График вертикальной скорости еще держался посреди шкалы, но понемногу сползал вниз, к красной линии минимума. Сатурн не желал отпускать вырванную из его пасти добычу. А спасботу по какой-то причине не хватало тяги, чтобы выиграть в этом смертельном перетягивании каната с планетой-гигантом.

- Курс на точку. - Голос Хименес звучал как натянутая стальная проволока. - Держать высоту.

- Коммандер Хименес! - не выдержала Яна. - У нас есть второй бот. Прошу разрешить перехват.

Та даже головы не повернула.

- Лейтенант Райли, займитесь своим делом.

Кривая скорости почти коснулась красного порога. Яна сжала кулаки. Господи, если ты есть...

Зеленая линия дотронулась до красной - и отпрыгнула, словно обожглась.

- Прошли границу аммиака, - отрапортовал связист. - Скорость увеличивается.

Яна украдкой погладила бегущую по монитору линию. Словно могла пальцами удержать ее над опасным рубежом.

"Еще немножко, - молча попросила она. - Ну, еще немножко".

***

Яне казалось, что настоящий страх настиг ее только сейчас. Пока тянулись бесконечные минуты и часы подъема. Пока светлячок радиосигнала, то замирая, то рывком сдвигаясь с места, полз к "Алетейе", одолевая километры водородной, ледяной, метановой пропасти. Пока ангар не доложил об удачной стыковке, пока медики не сообщили, что приняли девять человек, пока, наконец, Майк не вышел ей навстречу из двери медотсека, мокрый от дезактиватора и ужасно нелепый в этой дурацкой одноразовой пижаме, - все это время она боялась, как никогда в жизни. Надежда, висящая на волоске, обжигала сильнее отчаяния.

Она не смогла выпустить Майка - руки не разжимались, словно их током свело. Он был живой, теплый и настоящий. Он пах дезактиватором, гарью и железом, он смущался объятий и пытался отстраниться, дурачок, а потом только говорил тихонько: "Мам, ну, мам, ну ты чего..." - и с испугом гладил ее трясущиеся плечи. И усадил ее на скамейку в коридоре, не обращая внимания на снующих мимо людей, и смотрел виновато - как в детстве, когда извинялся после шалостей.

Яна слушала звук его голоса и не могла наслушаться, а Майк рассказывал, как полетел реактор, когда они обходили полюс, - "ты же знаешь, мам, там всегда на дополнительной тяге, а тут раз - и заглохло". Как гравитация Сатурна сдернула "Гершель" на ту роковую сотню километров, где атмосфера начинает съедать скорость, и как они боролись, пытаясь удержаться на слабеющих двигателях, и как страшно было ниже аммиачного слоя, где ураганные ветра Гексагона начали швырять корабль словно погремушку. Как они пытались запустить спасбот, но его двигатель тоже был поврежден, и ничего не вышло, только потратили лишнее топливо на перекачку. Как пропала связь, заглушенная ионизацией, как оглохший корабль медленно и неудержимо снижался к точке невозврата, и гравикомпенсаторы уже начали выходить из строя, когда сквозь статические разряды пробился сигнал с бота "Алетейи"...

- ...И мы хотели погрузиться на бот, но он не открыл переходник. У него была повреждена обшивка и антирад потек, и он по комму велел нам перейти на наш бот, ну, тот, у которого двигатель отказал. Мы погрузились, а он подвел свой бот впритык и взял наш на жесткую стыковку. Я

уж думал, с такой нагрузкой ему не разогнаться. Скорость набирали едва-едва. Потом плотность упала и стало легче, но все равно, это просто чудо, что топлива хватило... И ты тоже чудо, мам. Ты самая-самая лучшая. Капитан Одинцов сказал, это ты нас нашла.

- Капитан Одинцов? - машинально повторила Яна. Маленький уголок вселенной, где они были вдвоем с Майком, понемногу таял, и сквозь сверкающие радужные стены проступила реальность. - А где он?

Майк неловко оглянулся на закрытую дверь медотсека.

- Его пока оставили там. Я же говорил, у него антирад потек. Не знаю, насколько серьезно, он не пустил нас на борт... Мам?

Яна поднялась. Муторное чувство невесомости вернулось - будто в кошмаре, когда бежишь со всех ног и снова оказываешься на том же месте.

- Может, еще обойдется, - сказал Майк. Он комкал в пальцах край пижамной майки, голос у него простуженно звенел. - Он настоящий герой, мам. Он справится, ну что ты? Обязательно справится.

Она дернула рычаг двери. Дверь не открывалась, и Яна, рассвирепев, стала толкать ее, и тянуть, и колотить по ней ладонями и кулаками,

пока Майк не оттащил ее, взяв в охапку. И тогда она наконец заплакала.

***

За прозрачной стеной стерильного бокса его лицо казалось серым и неживым, будто вылепленным из пластика. Незнакомым. Яна не сразу решилась подойти ближе.

Врачи уже все объяснили и назвали срок: двое суток. Может быть, немного больше. Но Яна еще не могла поверить, что это конец.

Он услышал ее шаги, а может, заметил ее отражение на внутренней поверхности бокса. Перекатил голову по подушке. Глаза у него были опухшие, страшные, с круглыми лиловыми синяками.

Яна положила руку на стенку бокса. Надо было что-то сказать. Поблагодарить за Майка. Попросить прощения. Может быть, повторить то, что было сказано во сне.

Она не могла выдавить ни звука.

Андрей тронул рычажок встроенного микрофона. Даже через динамики его голос звучал глухо и невнятно, она едва сумела разобрать.

- Восемь, - сказал он. - Их было восемь.

Яна кивнула. Слезы стояли у самого горла, за-

пирая слова. Он снимал с нее вину, напоминая, что Майк был там не один, - но разве могла она сама простить себя?

Она вышла из медотсека через пять минут, когда Андрей задремал. Вышла, не попрощавшись, хотя понимала, что будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Майка оставили в стационаре еще на сутки - наблюдать. Можно было вернуться к себе, включить дельту и заснуть. Но ноги почему-то опять привели ее к двери капитана.

Каюта так и стояла незапертой. Яна поискала свой планшет, заглянула в стол и в стеллаж. Открыла дверь встроенного шкафа и замерла, глядя на старую, истрепанную курсантскую куртку, свисающую с крючка. А потом медленно сняла ее, обхватила двумя руками и села на пол.

В кармане куртки лежал желудь. И выцветший флаер из кафе.

Миниатюры

Евгений Добрушин

Таракан

В маленьком дворике на окраине Восточного Иерусалима толпился народ.

Как всегда по средам, сюда стекались любители тараканьих бегов - в основном, арабы, из местных.

В середине площадки было сооружено нехитрое "беговое поле", по которому хозяева этих жуков гоняли от старта к финишу своих питомцев. Тут же был тотализатор - ради него все и делалось! Ставки были разные, но, как правило, выше ста шекелей не поднимались. "Банк" держал старый уголовник Махмуд. Каждый раз, в конце бегов, он уносил с собой толстую пачку денег. Хотя, поговаривали, что это был у него не основной доход - бандюга, втихаря, приторговывал наркотой.

Состязания шли уже около часа, и постепенно начали вырисовываться фавориты - "Джек Николсон" Ибрагима и "Шумахер" Исы. Иса уже набил карманы деньгами, но, как известно, аппетит приходит во время еды.

И тут к группе игроков и зрителей подошли

двое израильтян. Два крепких молодых парня, лет тридцати, с провокационными в этом месте вязанными кипами на головах.

Палестинцы (а жители Восточного Иерусалима, как известно, принадлежат к этой группе населения), завидев религиозных евреев, недовольно загудели.

- Мир вам, люди! - сказали подошедшие на чистом арабском, и это сразу разрядило обстановку.

- Чего пришли? - зло спросил "главарь" Махмуд. Своим чутьем он заподозрил неладное.

- Мы хотим поучаствовать в бегах. У меня есть классный таракан! - сказал один из евреев.

- Как тебя зовут?

- Моше.

- А твоего таракана?

- Мухаммед.

- Что-о? Ты посмел назвать какого-то жука именем Великого Пророка?!

- А что в этом плохого? - как ни в чем не бывало, возразил Моше. - Прекрасное имя! Ни чем не хуже, чем Джек или Николя.

- Да. Это прекрасное имя! Но зачем ты дал его таракану?!

- Чтобы оно мне принесло удачу! Аллах будет

ему благоволить!

- Ты веришь в Аллаха?..

- Я верю в Бога. А как называть этого Бога - совсем не важно.

- И то верно. Бог он един для всех - и для евреев, и для арабов.

- Что правда, то правда.

- Ну, ладно. Ставь своего... гм... бегуна на старт!

Моше вынул из кармана небольшого коричневого "прусака" и поставил его в начало беговой дорожки. Таракан тихо сидел и шевелил усами.

- Твоя ставка? - спросил Махмуд.

- Десять тысяч шекелей!

- Ты сумасшедший?..

- Вот деньги! - Моше протянул пачку купюр "банкиру".

- Никогда не думал, что евреи могут быть такими дураками! - воскликнул Иса и поставил своего "бегуна" рядом. - Я ставлю тоже десять тысяч на своего! "Шумахер" его "сделает"!

Десять тысяч - это все, что Иса успел заработать к этому времени.

- Кто еще хочет поучаствовать? - Махмуд оглядел присутствующих.

- "Джека Николсона" выставишь? - спросил он Ибрагима.

- Нет. Джек устал и хочет отдохнуть. Посмотрим, как "Шумахер" сыграет, - Ибрагим был пожилым игроком и не хотел зря рисковать против "темной лошадки".

- Итак, сейчас будет два бегуна - "Мухаммед" еврея Моше, и "Шумахер" нашего Исы. Кто будет делать ставки?

В банк посыпались деньги. Кто-то ставил большие суммы, желая нажиться на "глупом еврее", но многие участвовали, чисто, из престижа, чтобы поддержать своего соплеменника, опасаясь подвоха со стороны "хитрых израильтян". Поэтому ставили небольшие суммы - от десяти до ста шекелей. "Банкир" все записывал на бумажку и аккуратно складывал деньги в коробку. Все ставили на победу "Шумахера". Все, кроме двух пришедших израильтян. Второй еврей тоже сделал ставку десять тысяч на "Мухаммеда".

Иса поставил своего таракана на старт и взял в руки палочку-погонялку. У Моше никакой палочки в руках не было. Он, явно, первый раз участвовал в подобном соревновании, и даже не знал, что таракан не всегда бежит туда, куда надо, и его надо направлять.

- Внимание! - скомандовал Махмуд. - Начали!

Он хлопнул в ладоши, и тараканы побежали.

"Мухаммед" моментально вырвался вперед и бежал точно по-прямой к финишу, ловко перебирая всеми шестью лапками. "Шумахер", тоже, сперва, побежал, а потом остановился и ринулся вбок. Иса стал его загонять обратно на дорожку, но, пока он возился со своей палочкой-погонялкой, таракан еврея уже был на финише.

Все замерли в гнетущей тишине.

- Мухаммед выиграл! - четко и громко сказал Моше.

- А ты уверен, глупый еврей, что уйдешь отсюда живым? - спросил Махмуд, доставая из-за пазухи большой нож.

- Безусловно! - ответил Моше, расстегнул куртку и вынул из кобуры подмышкой "Глок". То же самое сделал его приятель, до этого молча стоявший рядом.

Две "пушки" смотрели на толпу арабов, и те стали расходится, бормоча проклятия в адрес этих "подлых евреев". К Аллаху в гости никто не спешил.

- Давай наш выигрыш! - сказал Моше. - И положи нож в сторону, а то я очень хорошо стреляю!

Махмуд убрал нож, поднялся со скамейки, на которой сидел, и ушел, ни слова не говоря, оставив коробку с деньгами на земле. Вскоре, во дворе

остались только два израильтянина, их "таракан" и деньги. Впрочем, таракан вернулся в карман Моше, а коробка с деньгами перекочевала в рюкзачок его друга, который тот держал на спине.

- Ну, Серега, здорово мы их "сделали"? - спросил Моше своего напарника по-русски.

- Нормально. Хорошая машина. И это задание для нее было самым простым.

- Пошли, отнесем "Мухаммеда" обратно в лабораторию! Только не болтай никому о нашей проделке! Мы не для того создавали этих роботов, чтобы тупо выигрывать в тараканьих бегах...

Прошло полгода.

Махмуд только вошел в зал, где собрались боевики Хамаса, которым он должен был передать крупную сумму долларов, в качестве аванса за планируемый теракт. Махмуд давно был "связным" у террористов. Вдруг, на подоконнике он увидел своего давнего знакомого!

- Это он! - Заорал Махмуд. - Это тот самый "Мухаммед", который обогнал "Шумахера"! Я узнал его по белому пятнышку на спинке!

- Кого обогнал Мухаммед?.. - удивился один из бандитов.

И тут, ракета, влетевшая в окно, разнесла все в щепки, и только кровавые ошметки хамасовцев

разбрызгались по округе...

"Первые боевые испытания робота-разведчика "Тикан" прошли успешно!" - отрапортовал начальству Моше Дробин. Тот самый, который вместе со своим другом и коллегой Сергеем Шмидтом полгода назад играли на тараканьих бегах. Только, тогда они называли этого робота не "Тикан", а "Мухаммед". В шутку. Этот "таракан" умел не только выигрывать бега, но еще и летать, проползать в маленькие щели, или, притаившись на подоконнике, вести наблюдение за террористами, наводя на них ракеты и бомбы.

Честно говоря, Моше и Сергей играли в тараканьи бега незаконно - никто им не разрешил бы использовать опытный экземпляр уникальной машины в таких сомнительных мероприятиях. Но и серьезные инженеры могут себе иногда позволить мелкие авантюры... Совсем мелкие... Всего на какие-то жалкие двести тысяч в местной валюте.

Леонид Ашкинази

О случайности

Наташе К.

Двое моих добрых друзей обсуждали роль случайности в жизни. И она написала ему вот что.

"К примеру пустяк. Я пошла с подругой на выступление Вероники Долиной. Мелочь же. А там рядом с нами сидела женщина с девочкой и магнитофоном. Случайность и событие незначительное. Потом, через полгода или чуть больше мы с той же подругой и детьми отдыхали в Саулкрастах и встретили эту же пару (уже без магнитофона). Я их узнала и спросила, как запись получилась, напомнила, что рядом сидели. Так и познакомились. А потом муж этой женщины отвел меня в первую легальную еврейскую библиотеку в Москве [ее называли "библиотека Сокола" - по фамилии создателя, полковника Юрия Сокола - прим. авт.] и вообще пробудил еврейское самосознание. Не факт, что без этой "подготовки" я бы решилась на алию [эмиграцию в Израиль - прим. авт.]. То есть из двух случай-

ных, не зависящих от меня мелочей получилось нечто грандиозное - для моей жизни и жизни дочерей и внуков. Как ты понимаешь, этот выразительный пример просто был под рукой. А ведь их бессчетное количество в жизни каждого человека. Ну, как в песне когда-то: "... другой бы улицей прошел - тебя б не встретил, не нашел". Правда, тут о глобальном событии в жизни идет речь. А я как раз про мелкие, незначительные, которые оборачиваются чем-то серьезным".

Когда этот текст попал ко мне, я ответил следующее.

"А мелкие как правило влекут мелкие последствия - например, я в любом случае занимался бы прикладной физикой или физхимией (явно не математикой, не биологией) и ее же преподавал бы. Тут скорее субъективное - что важно, а что нет. Другая жена, другой ребенок, другая страна, другая работа - что из этого важно, а что нет? Не субъективны ли мы - игнорируем то, что не изменилось бы и драматизируем то, что действительно могло измениться?". Теперь мне хочется немного развить эту мысль, в частности потому, что о влиянии случайностей в жизни людей на их дальнейшую жизнь со вкусом написал мой

любимый Станислав Лем.

Предлагаю модель ситуации. Жизнь состоит из стабильного, спокойного, закономерного развития событий и точек переключения, в которых либо мы принимаем решения и делаем выбор, либо происходит случайное событие, которое могло и не произойти. Сами точки переключения люди в первом случае отмечают сразу, во втором случае - если вообще занимаются самонаблюдением. Причем самая потрясающая встреча, равно как и самая потрясающая не встреча (разминулись на три минуты, а могло быть такое!) может не иметь серьезных - по нашей собственной оценке - последствий. Последствия же могут наступить быстро или с задержкой, они могут быть существенны или нет, они могут оцениваться позитивно или негативно. Все это, и личная психология - кто-то склонен анализировать успехи, вспоминать, что к ним привело, кто-то наоборот - анализирует путь к неудачам - влияет на оценку важности, существенности переключения и даже на его заметность. Поэтому анализ - как и любой самоанализ! - труден и не надежен. Но даже не это главное.

Прежде всего, нам нужен критерий близости.

Что такое "близкие ситуации", "далекие ситуации"? Без хоть в какой-то мере объективного критерия мы будем трактовать близость совсем субъективно, подгоняя оценку под выбранный по психологическим причинам ответ. Я предлагаю достаточно очевидный критерий - дальнейшие последствия. Если, сунувшись на кафедру на третьем курсе, я бы встретил не А.Б., а Л.В., то занялся бы не электронно-вакуумными приборами, а лазерами. Изменило бы это что-либо в моей последующей жизни? Скорее всего, нет - даже с учетом событий 90-х в СССР, которые действительно увеличивали значимость области деятельности для ее сохранения. Конечно, есть некоторая вероятность того, что в 1995 году я, возможно, и не переключился бы с экспериментальной науки и преподавания на преподавание и редактирование. Но, во-первых, вероятность эта мала, а во-вторых, в пяти- или десятилетней перспективе это повлияло бы только на мою жизнь, да и то не радикально. Примерно такой анализ, с рассмотрением последствий на интервале в несколько лет, и надо делать всякий раз для оценки значимости.

Оценивая важность изменений в жизни, мы иногда делаем серьезную методологическую

ошибку. Переоценка важности изменений возрастает, если они затрагивают жизнь конкретных и не безразличных нам людей. Мысль о том, что вот этого, конкретного человека, могло бы не быть - немедленно повышает оценку важности на порядок. Но, с точки зрения методологии, это ошибка - сравнивать можно либо двух реально существующих людей, либо двух реально не существующих. Нельзя сравнивать, и тем более, нельзя оценивать разницу между существующим (и его исчезновением) и не существующим (и его возникновением). Например, человек рассматривает последствия принятия решения о том, в какой фирме работать. Когда-то из фирм B и C он выбрал B. Теперь он сравнивает свое положение в B - хорошее или плохое, но реальное, с положением в C, которого не существует. Его модель несуществующего и оценка этого несуществующего зависит от его психологии. Да и само различие вариантов может быть сильно переоценено. Скорее всего, различие между развитием ситуации при выборе B не сильно отличается от такового при выборе C. Умирающую фирму D он не выберет, в суперуспешную A не возьмут, B и C развиваются примерно одинаково, его личная служебная траектория была бы похожей.

Аналогична ситуация при выборе области деятельности - сильно далекую человек не выберет, а в относительно близкой ситуация сложится примерно так же, как она и сложилась. Способности человека одни и те же, ситуация на рынке одна и та же, страна одна и та же. Впрочем ...

... впрочем - да, если это другая страна, другое общество - тут средний уровень изменений повышается.

Конечно, только - средний. Конкретная ситуация может быть разной. В том числе и такой, с рассказа о которой мы начался этот маленький текстик.

Александр Каминский

КОШКА

Он уже допивал свой кофе, когда какое-то, едва уловимое, движение или чей-то взгляд заставили его инстинктивно обернуться. У входа в кафе стояла стройная голубоглазая девушка. Он с сожалением посмотрел на часы, - до начала лекции оставалось всего несколько минут. Отставив недопитую чашку, он торопливо направился к выходу, на ходу застегивая застревавшую молнию на куртке. Девушка все еще стояла у входа, рассеяно всматриваясь вглубь зала. На мгновение их взгляды пересеклись, и он узнал ее. Нет, конечно, это не могла быть она. Переутомление сыграло с ним злую шутку.

Он толкнул дверь и оказался на сырой прохладой улице. Стояла поздняя осень. Ветер трепал еще остававшиеся на ветках редкие листья. Пройдут зимние месяцы и, как обычно, наступит весна. Но эти пожелтевшие листья ее не увидят, - та весна будет не для них. В природе ничего не повторяется.

Так размышлял тридцатисемилетний препода-

ватель права, поднимаясь по узенькой улочке к корпусу юридического факультета. Он вспомнил свой первый день в школе, прогулку с отцом за город, почему-то запомнившуюся на всю жизнь, и, наконец, тот роковой день, когда незнакомый голос в телефонной трубке сообщил, что Юли больше нет.

Вот уже три года, как он снова и снова возвращается к тем трагическим событиям, шаг за шагом восстанавливая их в памяти. Почему он не поехал на опознание? Ведь сделать это мог только он. У нее никого не было в этом городе. Может, он хотел оставить хоть маленькую надежду? Сейчас трудно понять мотив его поступка.

Он вошел в аудиторию. Восемнадцать юношей и девушек затихли, ожидая, как стареющий юрист-неудачник начнет вешать им на уши лапшу из собственных туманных рассуждений об объективности правосудия. Сегодня он собирался изложить свои идеи в этой области, чтобы в дальнейшем оформить их в виде диссертации.

Он начал с сути без предисловия:

- Представим на минуту, что совершено преступление и есть свидетели, способные опознать личность преступника. Однако не было бы и предмета нашей беседы, если не задаться во-

просом о степени достоверности имеющихся свидетельств. Представьте, что свидетель ошибается. Тогда мы рискуем обвинить невиновного. Фемида бесстрастна, в руках у нее весы, но, как мы знаем из физики, любое измерение необратимым образом воздействует на предмет измерения, искажая результат. Совершая правосудие, мы порой не замечаем, как наказанным оказывается невиновный.

Оставив в стороне нравственную сторону проблемы, исследуем эту аналогию глубже. Допустим, мы располагаем материальными свидетельствами преступления, или, как говорят криминалисты, - уликами. Обычно встает вопрос о достаточности этих улик для обвинения. Действительно, улики часто подводят. Часто не имеющему отношения к делу предмету или событию по ошибке или из злого умысла приписывается статус улики. Так можно ли первого попавшегося под руку несчастного, на которого указывают факты, бросать за решетку?

Формулируя вопрос о принципиальной возможности объективного правосудия, сразу же ответим на него отрицательно, ибо судья, будучи субъектом в такой расстановке, о предполагаемом преступнике, как объекте, может иметь

лишь субъективное знание, за исключением того редкого случая, когда преступник и судья - одно и то же лицо, как, например Иуда, а совесть - высший обвинитель. Ведь сказано, что только тому дано судить, кто видит наши сердца до дна. Повышая постановку вопроса, следует заметить, что любое свершившееся событие или исторический факт можно считать достоверными лишь с определенной степенью этой достоверности.

Тут ему вспомнилась девушка из кафе, как две капли воды похожая на Юлю. Странная мысль пришла ему в голову. Он потряс головой и, поправив очки, продолжал:

- Принципиально важно не то, что мы не имеем достаточной информации о том или ином недоказанном событии. Важно принципиальное отсутствие до поры этой информации. В этом случае событие принимает характер незавершенности или, можно даже сказать, вневременности. Событие вроде уже имеет место, но еще не свершилось, оно изменчиво и зыбко. И лишь дополнительные знания, проливающие свет на это событие, найденные порой много лет спустя, кристаллизуют его в реальный факт.

Он закончил. Рыжеволосый парень, слушавший особенно внимательно, развил его мысль,

сравнив состояние недоказанного факта со Шредингеровской кошкой из одноименного парадокса, изобретенного основателем квантовой механики. Смысл этого парадокса заключается в том, что до тех пор, пока мы не знаем, жива ли кошка, заключенная в черный ящик вместе с хитроумным механизмом, который в результате случайного срабатывания может лишить кошку жизни, мы должны описывать ее суперпозицией состояний жизни и смерти.

По дороге домой он все думал о девушке из кафе.

Их роман длился недолго. Вспыхнув, как сверхновая, любовь ослепила их, затмив все вокруг, но, быстро растратив энергию, превратилась в черную дыру, в которую они стремительно падали, не находя выхода.

Первая же ссора, произошедшая через неделю со дня их знакомства, оказалась роковой. Автомобиль, взятый напрокат, мчался по заснеженной трассе в направлении, противоположном городу, в котором она обрела счастье и без которого уже не мыслила свою жизнь. Что произошло дальше, неизвестно никому. Очевидцев аварии нет. Возможно, отказали тормоза или свет фар встречной машины ослепил водителя. В результате теле-

фонный звонок и голос в трубке, который до сих пор звучит в ушах, как будто впечатался в мозг. И еще записная книжка с его адресом, чудом сохранившаяся в огне. По ней и определили личность погибшей женщины.

В этой книжке она вела нечто вроде дневника и никогда не расставалась с ней. Из нее он понял, что Юля собиралась вернуться, дав им обоим возможность осмотреться и сделать правильные оценки. Знал бы он это раньше - остановил бы ее. Но в тот момент эмоции торжествовали над здравым смыслом.

Он открыл ящик письменного стола, пытаясь привычным движением руки нащупать Юлин блокнот. Он не раз просматривал ее записи, в надежде найти пропущенную, но не находил. Он почти наизусть помнил каждую запись. Одна из них гласила: "Я, как Киплинговская кошка, которая гуляет сама по себе". Она всегда стремилась к свободе и получила ее...

Он полностью выдвинул ящик, но блокнота не было. Он перекладывал папки из одной стопки в другую уже десятый раз. В это трудно было поверить, - он так ценил эту реликвию, единственное напоминание о Юле. Два дня назад он, по-видимому, выбросил ее вместе с ворохом ненужных

бумаг, утратив нечто большее, чем просто единственную вещь, напоминавшую ему о любимом человеке.

Он закрыл глаза, и перед его взором возник рыжий парень с третьего курса. На коленях он держал эфемерную Шредингеровскую кошку. Она мурлыкала и, спрыгнув с колен, отправилась гулять сама по себе, ожидая своей участи.

Сергей Сухоруков

Неправильный чёрный кот

Чёрный кот опаздывал на летучку. Так Председатель называл еженедельное собрание по понедельникам чёрных котов Первой улицы Третьего квартала города.

Пересекая по диагонали двор, он увидел осторожно ступающего по утоптанному скользкому снегу полного невысокого мужчину в старой чёрной куртке и таких же старых синих джинсах. Такой случай нельзя упускать! Чёрный кот обогнал мужчину и затаился за углом девятиэтажного дома. Человек поравнялся с котом, и тот выскочил из своей засады и перебежал ему дорогу. Коричневые ботинки со стёртыми до бела носами мужчины пересекли Линию Судьбы, как её пафосно называет Полумохнатый, коллега чёрного кота по работе.

Мужчина рассеяно глянул на чёрного кота, потом вдруг улыбнулся и, присев, пригладил его шерсть на голове. Кот от неожиданности даже не успел убежать. Сразу не успел, а потом уже и не захотел. Касание человека оказалось неожидан-

но приятным, и чёрный кот сидел и щурился от удовольствия, думая, как это приятно. "Кто и зачем заставил их вредить этим славным двуногим существам?" - удивлялся кот. Впрочем, у него это не очень-то и получалось.

Потрепав напоследок кота за ухо, человек встал и пошёл дальше своей дорогой. Посмотрев ему вслед, чёрный кот, вспомнив о своей работе, с тревогой подумал: "Он хоть поплевал через левое плечо, чтобы смягчить проклятье? Или хотя бы отошёл три шага назад?" Нет, ничего такого человек не делал. Кот лихорадочно думал, как теперь освободить человека от собственного проклятья. "Стоп! Я же в отпуске!" - радостно вспомнил он. - "Не считается!"

Кот ещё раз обогнал мужчину и потёрся об его ногу. Штанина пахла неисправным утюгом, какие бывают только у холостяков.

Пробежав ещё пару дворов, чёрный кот юркнул в узкое подвальное окно хрущёвки. Спрыгнул на пол и, слившись с темнотой, устремился вглубь подвала. Чтобы избежать разлившуюся на пути лужу, он прыгнул к стене на доски. Дремавшие на них мыши шарахнулись в разные стороны. И всё-таки кот не успел. Когда он вбежал в комнату, на него уставились три пары горящих глаз.

- Опаздываем! - недовольно глянул на него Председатель. И подождав пока опоздавший займёт своё любимое место у старой ржавой трубы, продолжил заседание. - Итак, сколько у тебя проклятий, Полулохматый, за указанный период?

- Одно, Ваше Кис-кишество!

- Маловато, - нахмурился Председатель.

- Но зато оно очень серьёзное, - стал оправдываться Полулохматый. - Клиент после моей работы написал завещание!

- Пятнистый? - обратился Председатель ко второму коту. Тот сморщился, услышав своё прозвище. Оно ему не нравилось. Пятнистый родился с изъяном. Он не был полностью чёрным. На его голове было небольшое белое пятнышко, почти незаметное, но всё же. И Пятнистому приходилось каждый день доказывать, что он чёрный кот. Доказывать своим усердием. Он старался быть передовиком в проклятье человеческих судеб.

- Сколько?

- Шесть - отозвался Пятнистый, преданно смотря на Председателя.

- Результат?

- Два весьма...

Чёрным котам было дано видеть последствия своих проклятий. И они у Пятнистого были не

так сильны, поэтому ему приходилось брать количеством. На десяток попыток у него редко выходило хотя бы одно стоящее. Если проклятье закончится лишь занозой в пальце - стоило ли вообще стараться?

- А зачем мы вообще это делаем? - вдруг спросил опоздавший чёрный кот.

- Что? - не понял Председатель.

- Проклинаем людей?

- Ну...не знаю... - Председатель, собственно, никогда об этом не задумывался. Для него это была просто работа. - Я думаю...

- Неприятности закаляют характер! - подсказал своему начальнику Пятнистый.

- Правильно, - обрадовался Председатель и хмуро покосился на свернувшегося клубком возле трубы чёрного кота. Председатель уважал его за черноту шерсти, чистую кровь и славу предков. Но как работник он был никудышный. - Хватит философствовать. Из-за тебя мы отстаём от месячного плана. Даю тебе срок один день на три проклятья! Марш на работу! Летучка закончена!

Покинув подвал, чёрный кот с тоской оглянулся вокруг. Почти час он бесцельно бродил по улице, не обращая внимания на людей, спешащих по своим делам. Ну не лежала его душа

к этой работе. Мысленно махнув на всё лапой, он прилёг под лавкой с облупившейся краской на боках. Хотел было задремать, как увидел уже знакомого ему полного мужчину, который шёл по своему ежедневному маршруту, возвращаясь из магазина домой.

"Ну и пусть себе идёт" - лениво подумал чёрный кот и закрыл глаза. Но тут же их открыл и, словно рентгеном пронзив человека взглядом жёлтых глаз, резко вскочил, едва не ударившись головой об лавку.

"Будут вам проклятья!" - принял решение чёрный кот, невольно оглянувшись в сторону дома, где Председатель проводил заседания.

Быстро нагнав человека, чёрный кот перебежал ему дорогу и спрятался за мусорными контейнерами, четырьмя чёрными квадратами, украшавшими двор. Как и утром, мужчина не обратил внимания, что его прокляли, и продолжил свой путь. Чёрный кот побежал за ним следом, чуть приотстав, чтобы увидеть результат своей работы.

Долго ждать не пришлось. На той самой скользкой дорожке возле девятиэтажного дома мужчина поскользнулся и упал. Вскрикнув, человек схватился за ногу.

"Перелом", - оценил свою работу чёрный кот. Он наблюдал за мужчиной, пока его не увезла карета скорой помощи.

Следующую жертву чёрный кот высмотрел тут же, неподалёку от дома на автомобильной стоянке. Это была женщина, сидящая в старенькой серой машине с рыжими от ржавчины пятнами на дверцах. Жертва была весьма подходящая. Накануне её бросил муж. Весь мир женщины рухнул, и вряд ли ей было дело до всех чёрных котов планеты. Она звенела ключами, пытаясь завести машину, но та только глухо урчала.

"Шла бы ты лучше пешком", - сочувственно наблюдая за ней подумал чёрный кот. Автомобиль всё же завёлся. Кот демонстративно, медленно, стал переходить ему дорогу. Остановился возле номера машины и даже мяукнул, строго смотря на женщину. Но та словно его не видела. Чёрный кот, если бы умел пожимать плечами, так бы и сделал. Но он просто нервно махнул хвостом и дочертил линию проклятья.

Женщина только выехала на перекрёсток, как ударилась носом своей серой машины в блестящую чёрную. Разгневанный водитель, мужчина лет сорока, выскочил из побитого автомобиля и бросился к женщине, размахивая руками и что-

то крича. Чёрный кот не стал слушать гневный монолог мужчины. В этой ситуации все слова пострадавших водителей примерно одинаковые.

И кот побежал дальше в поисках третьей жертвы. Искал он долго и нужную ему нашёл лишь под вечер. Ею оказался щербатый мальчишка с непричёсанными спутанными волосами. Мать отобрала у него телефон и отправила играть на улицу. Но тот так усердно поиграл, что разбил снежком окно пенсионера. Убежать не успел: проходивший мимо милиционер подхватил хулигана под руку и повёл к его матери на расправу.

- Вот! Можем же, когда хотим! - сказал на следующий день Председатель, указывая лапой на скромно потупившего взгляд триумфатора. - Три проклятия за один день! Пусть это станет примером для всех вас!

Обласканный начальством и приобретя уважение и зависть товарищей, чёрный кот возвращался домой. Он думал о том, что вчера всё сделал правильно, но его мучало угрызение совести. Он обманул коллег. Чёрный кот тщательно выбирал жертвы. И да, он проклял их. Но был один нюанс.

Полного мужчину привезли в больницу с переломом. Ему, конечно, было очень больно. Но

в больнице у него случайно обнаружили рак на ранней стадии. И мужчине в будущем удалось победить болезнь - чёрный кот отчётливо это видел.

Да, женщина разбила машину. Но когда пострадавший мужчина отвлёкся от своего четырёхколёсного железа, он вдруг увидел перед собой ту единственную, которую, как ему показалось, искал всю жизнь. Перед глазами чёрного кота на мгновение мелькнули лица их будущих детей.

Ну а мальчик... Милиционер оказался его отцом, с которым мать давно порвала отношения. Ребёнок даже не знал о его существовании. Через много лет этот уличный хулиган именно этому милиционеру первому покажет свой юридический диплом.

- Неплохая работа, - вслух похвалил сам себя чёрный кот. Ему вдруг стало как-то спокойно. Похоже, он нашёл своё призвание: помогать людям. Потому что они - слабые. Жаль, что не все люди и чёрные коты знают об этом.

Когда он пришёл домой, первым его увидела, засияв глазами, белая красавица кошка. А потом навстречу чёрному коту быстро и радостно бросились два белых котёнка. Третий, чёрненький, - копия отца - стеснительно подбежал послед-

ним.

Переводы

Мюррей Лейнстер

Боги галерки[{5}]

Белый фруктовый пароход проплыл мимо порта и повернул на юг. Он зашел в Байя-дель-Торо только для того, чтобы сбросить почту, а по пути на север пароход задерживался, чтобы принять часть груза. Звездно-полосатые флаги на его мачте ярко развевались в золотистом солнечном свете полудня. Лучи солнца делали море более синим, а пальмы более зелеными и яркими. Полдюжины небольших катеров, толпившихся вокруг белого парохода, разбрелись и направились в разные стороны вдоль городской набережной.

Сеньор Беквит сидел в большом плетеном кресле на веранде белого дома, расположившегося на склоне холма. Он посмотрел на корабль и тяжело вздохнул. Это не был тоскливый вздох, и в нем не было скрытого пафоса. Вздох был знаком удовлетворения, которое переполняло Беквита. Он

{5} Комментарии: 5
"Argosy - All Story Weekly", 21 августа 1920 г.
Перевод с английского: Павел Амнуэль

сидел непринужденно, попыхивая длинной черной сигарой. У его локтя мелодично позвякивал стакан, когда он менял позу.

Его огромное тело, одетое в безупречный белый парусиновый костюм, красноречиво говорило о довольстве. Только забинтованный большой палец левой руки выдавал небольшой признак дискомфорта, и Беквит улыбнулся, почувствовав тяжесть повязки.

Это была память об инциденте, вызывавшем у него чувство полного удовлетворения. Конвей вывихнул Беквиту большой палец в их последней схватке, две недели назад, в Нью-Йорке. Теперь Конвей был мертв.

Раздался стук копыт маленького ослика, на котором мальчик-слуга спустился на пристань, чтобы получить для хозяина нью-йоркские газеты. В них должны были быть подробности смерти Конвея, и Беквит с удовольствием вздохнул при мысли о том, что прочтет их.

Маленький ослик быстро поднял на холм мальчика с его легкой ношей, смуглокожий слуга вошел к Беквиту и положил перед ним доставленные газеты со всеми их "журнальными разделами", "ротогравюрными" иллюстрациями и всеми другими мелкими особенностями,

которыми гордились журналисты. Беквит даже заметил ярко раскрашенный раздел комиксов. Он небрежно отбросил ненужные листы. Газеты проделали из Нью-Йорка путь в четыре тысячи миль, чтобы Беквит мог насладиться одним-единственным сообщением на первых полосах: он прочтет о смерти Хью Конвея, мультимиллионера-филантропа, покровителя искусств и обладателя многих других достоинств, которые так любят репортеры. Конвей был убит самым открытым и дерзким образом, и убил его он, Уильям Беквит, наслаждающийся теперь свободой в белом доме над гаванью.

В газетах он прочитает о письме, приколотом к груди мультимиллионера, в котором тот же Уильям Беквит изложил свои причины для убийства и описал способ, которым он намеревался избежать наказания.

Беквит весело улыбнулся про себя, представляя возбужденное негодование, с которым редакционный комментарий укажет на лазейку, которой он воспользовался. В течение нескольких недель весь Нью-Йорк будет изливать негодование и гнев на его спокойное неповиновение закону и власти Соединенных Штатов, а он в это время здесь, в Байя-дель-Торо, будет жить открыто и

счастливо, откровенно прославляя совершенное им преступление, - уважаемый и проклинаемый всеми.

Вот газеты - перед ним. Убийство Хью Конвея - хорошее пугало на первых полосах.

Беквит развернул одну из газет здоровой рукой и пробежал взглядом по заголовкам. Хью Конвей... Хью Конвей... Где он? Не на первой странице. Беквит, нахмурившись, взглянул на дату. Это была дата следующего дня после убийства, и, несомненно, новость о преступлении должна была стать сенсацией.

Беквит посмотрел на вторую страницу. И там ничего. Он пробежал взглядом третью и четвертую страницы. Нетерпеливо отбросил тонкий лист и взял второй. Дата была той же, а название газеты совпадало с названием одного из самых сенсационных журналов Нью-Йорка. Уж эта газета, по крайней мере, отлично обыграла бы убийство.

Новый авиационный рекорд... Кризис в Европе... Громкое дело о разводе... Ни слова о Хью Конвее.

Вторая страница... Беквит скомкал газету и выбросил. Он сердито откусил кончик сигары.

Он убил Конвея, задушил его двумя руками!

Беквит взял третью газету, затем четвертую. Ни слова о Конвее. Беквит гортанно зарычал, затем его осенила идея. Полиция могла скрывать преступление в течение дня или больше, надеясь поймать убийцу прежде, чем тот сбежит. Более поздняя газета расскажет об этом.

Конечно, это так и было. Беквит слегка улыбнулся, осознав, что подобное поведение полиции было вполне предсказуемым. Полиция хотела бы объявить о преступлении и одновременно - об аресте убийцы. Уэллс, комиссар полиции, любил такие трюки. Уэллс, Беквит и Конвей вместе ходили в школу, и Беквит знал комиссара как облупленного.

Неторопливым жестом он выбрал газету следующего дня и развернул ее, только чтобы убедиться в своей догадке.

Первая страница все еще была посвящена обыденным событиям, и вторая тоже. Ни одна газета даже на второй день после убийства не написала ничего о том, что было крайне важно для Беквита.

Он нетерпеливо просмотрел газеты следующего, третьего дня. И следующего, четвертого. Когда последняя из газет присоединилась к скомканной стопке у ног Беквита, он сидел с озадаченным

видом.

Он был одновременно озадачен и раздражен. Его левый большой палец был забинтован, напоминая о том, что Конвей вывихнул его в борьбе за жизнь. Громоздкая повязка все еще напоминала об этом событии. Конвей был мертв. Он был мертв уже три недели, но, по крайней мере, в течение недели после его смерти ни одного упоминания о нем не появлялось ни в одной нью-йоркской газете. Почему? Конвей был хорошо известен и являлся важной фигурой в финансовом мире. Его убийство, несомненно, должно было стать новостью первостепенной важности. Но ни один абзац не был посвящен ему. Беквит задушил Конвея в его собственном автомобиле и скрылся на ожидавшей яхте.

Одной этой мелодрамы было достаточно, чтобы сделать преступление сенсацией для всех Соединенных Штатов, не говоря уже о Нью-Йорке. Но все нью-йоркские газеты проигнорировали его, как проигнорировали и презрительное письмо Беквита в адрес полиции.

Вечер перешел в сумерки, а сумерки в усыпанную бриллиантами ночь. Внизу, в городе, на площади слабо играл оркестр, и темноглазые сеньориты чопорно прогуливались в кругу,

охраняемые дуэньями, чинно слушая музыку, но бросая жадные взгляды на молодых людей с оливковой кожей, которые менее чопорно прогуливались в другом направлении, покручивая пробивавшиеся усики и рассчитывая на восхищение прекрасного пола. Время от времени приглушенные аккорды гитары звенели в воздухе и взрывы более шумного любовного празднества доносились из части города, посвященной кантинам и их менее откровенным копиям.

Беквит надел шляпу и вышел на мощеную улицу. Он собирался пойти в Американский клуб и мрачно осознавал, что ему запретят там появляться, если, конечно, его важность при правительстве Гарриоса не превзойдет обычную неприязнь англосаксов к убийце. Беквит в любом случае отправится туда сегодня вечером. Газеты могли не напечатать подробности убийства Конвея, но Мелтон, американский консул, наверняка получил из Нью-Йорка телеграмму.

В своей саркастической записке Беквит написал Уэллсу, что направится в Байя-дель-Торо, и комиссар, конечно, телеграфировал в консульство, чтобы узнать, явился ли он на самом деле. Беквит усмехнулся, думая о трогательной вере

американцев в действенность требования консульского представителя. Уэллс будет настаивать, чтобы правительство Новой Боливии предало преступника правосудию. Беквит знал об отсутствии договора об экстрадиции.

Внутри клуба было мучительно жарко, и многие сидели на террасе над входом, потягивая напитки из музыкально звеневших стаканов. Две или три сигары мерцали в темноте, и белая фигура официанта, перемещавшегося от столика к столику, была похожа на призрак.

Перед тем, как войти, Беквит минуту постоял в дверях. Оркестр был хорош - один из лучших военных оркестров этого музыкального народа. Сейчас он играл мягкий и мечтательный вальс, под звуки которого на площадке внизу кружились молодые люди и благопристойные чопорные женщины, которыми мужчины сдержанно восхищались. Полдюжины мигавших огней отвлекали от романтики сцены, но позволяли время от времени мельком разглядеть чье-нибудь мрачно-прекрасное лицо, очерченное в резком свете дуговой лампы.

Беквит не обратил внимания на эту часть сцены, он искал среди сидевших фигур Мелтона, консула. Мелтон придвинул свое кресло к перилам

и смотрел вниз, на площадь с необычайно задумчивым выражением. Беквит заметил Мелтона, когда красный огонек его сигары на мгновение осветил лицо. С напускным безразличием Беквит опустился в кресло рядом с консулом. Мелтон повернулся к нему и прищуривался, пока не узнал.

- О, привет, Беквит, - небрежно сказал он. - Жарко, не правда ли?

Не дожидаясь подтверждения своих слов, Мелтон стал разглядывать чопорную толпу. Помолчав, он сказал:

- Знаете, Беквит, что мне это напоминает? Это напоминает мне Спрингфилд, Массачусетс, в ноябре. Это так необычно...

Он улыбнулся в темноте.

- Помню, как я в это время ходил к девушке с коробкой конфет под мышкой.

- Официант! - позвал Беквит.

Мальчик подошел и принял заказ.

- Вы здесь уже десять лет, - продолжал консул, вспоминая. - А я пять лет не был в Штатах, но все еще могу представить толпы людей, идущих смотреть водевили, и других, взволнованно забирающихся в трамваи. Я бы многое отдал, чтобы услышать сейчас звон трамвая...

- Я был в Нью-Йорке две недели назад, - сказал

Беквит, почти уже готовый выпалить причину своей внезапной поездки на север и рассказать, что он там делал. - Ездил туда, но все было так странно... Я не чувствовал себя комфортно, пока не вернулся.

- Надеюсь, я не буду чувствовать себя странно в Нью-Йорке, - мечтательно сказал консул. - Я вернусь в следующем году. Знаете, я думаю о жареной рыбе. У них здесь нет таких видов рыбы, и они не готовят ее так, как мы. Первое, что я собираюсь сделать, когда приземлюсь в Нью-Йорке, - это поесть в ресторане. Заказажу жареную рыбу и лепешки с кленовым сиропом. Не знаю, почему жареная рыба так мне нравится, - задумчиво добавил он, - я ведь никогда не любил ее, когда мог заказать.

Беквит беспокойно пошевелился.

- Есть какие-нибудь новости в последнее время? - спросил он, сохраняя непринужденный тон.

- Ничего, кроме бумаг, - рассеянно ответил Мелтон. - Ваш мальчик-слуга был на пристани и получил партию. Я говорю, Беквит...

И он пустился в яркое описание радостей жизни в Спрингфилде, Массачусетс, которое Беквит слушал без интереса, время от времени потягивая гренадиновый рикки.

Когда Мелтон ушел, Беквит был озадачен, но убежден, что не было никакого сообщения или запроса консулу из Штатов относительно него. Он медленно поднялся к своему белому дому на склоне холма, недоумевая, почему нет сообщений. Когда он входил в дом, ему пришло в голову очевидное объяснение. Уэллс, естественно, попытался сохранить убийство в тайне в течение двадцати четырех часов. Это был один из его любимых трюков: сохранить преступления в тайне на время расследования, чтобы история преступления и поимка преступника могли быть объявлены одновременно. Обычно его лимитом были двадцать четыре часа.

Очевидно, однако, в этом случае он смог продлить время. Он, должно быть, обладал невероятным влиянием на газеты, чтобы удерживать журналистов в течение семи дней от эксплуатации такого сочного куска мелодрамы.

Беквит усмехнулся. Уэллс пытался спасти свое лицо. Он скрывал от публики свою неудачу в течение недели, но не сможет поддерживать тайну слишком долго. Когда придет следующая почта, еще через семь дней, газеты распространят новость о смерти Конвея и унижении Уэллса, и триумф Беквита станет их главной темой. Чело-

век, который дерзко нарушал закон, насмехался над полицией до такой степени, что сообщил свой адрес, наверняка будет высоко оценен прессой, даже если его разоблачат.

Следующая почта расскажет историю, и унижение Уэллса будет еще более полным из-за задержки. Газеты будут ругать его за попытку скрыть преступление.

Беквит заснул с чувством глубокого удовлетворения, несмотря на недавнее разочарование.

***

Пароход обычно приходил в порт Байя-дель-Торо около полудня раз в неделю, но через неделю уже в девять часов утра Беквит смотрел в сторону берега, где дымовое пятно должно было предупредить о прибытии судна. Время от времени рассматривал в бинокль горизонт с возраставшим нетерпением. Однако белый корпус не появлялся до четырех, и было пять часов, прежде чем судно показалось между фортами.

Беквит вышел в море на одном из катеров, чтобы встретить пароход, улыбаясь в предвкушении триумфа. Он весело помахал пассажирам, собравшимся на корме. Они, конечно, уже о смерти Конвея, и один из офицеров корабля, несомнен-

но, укажет на него как на человека, бросившего вызов закону.

Связка газет упала в катер с тяжелым стуком, и казначей, который их сбросил, дружески помахал Беквиту рукой. Катер отошел от парохода и помчался к берегу, в то время как Беквит перерезал бечевку на пакете бумаг и начал быстро их просматривать, бросая взгляд только на заголовки на первых страницах. Первый - нет. Второй - нет. Третий...

Странное чувство охватило его. Смятение и беспричинное подозрение, затем острое разочарование и наконец настойчивая надежда. Он не мог все газеты тщательно изучить в катере. Ветер грозил унести листы за борт, он сложил их в пакет и нетерпеливо ждал минуты, когда сможет подробно рассмотреть газеты у себя дома.

Он поспешил в свою курительную комнату и бросил газеты на стол. Снова и снова их просмотрел, каждый раз более подробно, каждый раз с растущим недоверием. Ни одна газета, выпущенная в любой день второй недели после убийства Хью Конвея, не содержала ни одного намека на это событие. Ни одно слово, строка или абзац не упоминали об убийстве Конвея Уильямом Беквитом. Ни одного, даже самого слабого намека на

дерзкую записку, написанную убийцей комиссару полиции, не появилось ни в одном выпуске какого-либо периодического издания в течение второй недели после убийства. Не было ничего, что могло бы заставить кого-либо подозревать, что какой-либо вред был нанесен одной из ведущих фигур в американском финансовом мире.

Беквит потер лоб в изумлении и недоумении. Его вывихнутый большой палец все еще болел и напоминал о том, как Конвей боролся за свою жизнь. Память Беквита о событии была ясной и полной. Он ЗНАЛ, что убил Конвея.

***

В течение следующей недели Беквит почти непрерывно размышлял о своей проблеме. Он отправил конфиденциальное письмо консулу Новой Боливии в Нью-Йорке, который достаточно хорошо знал его влияние на Гарриоса, чтобы прислушаться к его просьбе предоставить информацию о Конвее. Консульство ответило кратким списком офисов Конвея как главы той или иной корпорации и добавило, что его настоящее местонахождение неизвестно.

Сообщение очень воодушевило Беквита. Он решил подождать еще одну неделю. Если и тогда

не будет никаких публичных новостей о смерти Конвея, он напишет в нью-йоркские газеты и предоставит им факты. Он, Уильям Беквит, убил Конвея голыми руками и теперь открыто проживает в городе Байя-дель-Торо.

Он бросит вызов полиции и разоблачит двуличие комиссара Уэллса, скрывавшего преступление не менее двух недель.

***

Прошла еще неделя, но теперь Беквит больше не терял терпения. Он был уверен, что в газетах и на этой неделе не будет никаких упоминаний о преступлении. Уэллс может помешать новостям вообще когда-либо стать публичными. Беквит так долго находился в странах Латинской Америки, где цензура беспощадна и абсолютна, что не осознавал неосуществимости такого плана.

Он наблюдал, как пароход прибыл и сбросил почтовые мешки за борт. Наблюдал без эмоций, разве что с абстрактным интересом. Когда пароход снова вернется на север, он повезет письма, которые нарушат самодовольное существование Нью-Йорка.

***

Лил проливной дождь, когда пароход вошел в порт и был едва виден из дома на холме из-за пелены падающей воды. Беквит на минуту вышел на веранду и напряг зрение, вглядываясь в туманную тьму. Трава под дождем источала свежие ароматные запахи. Пальмовые листья блестели от влаги. По булыжникам улицы потоки воды стекали в сточную канаву.

Беквит удобно устроился у окна и курил одну из своих тонких черных сигар, спокойно ожидая, когда мальчик, которого он послал в порт, вернется с бумагами.

Сквозь рокот дождя на крыше и улице он услышал стук копыт ослика. Дверь открылась. Мальчик что-то сказал на испанском, и затем один из слуг принес ему промокшую от дождя пачку печатных листов. Беквит совершенно спокойно перерезал бечевку. Бумаги внутри были сухими, и он развернул одну, глядя на нее с интересом в поисках подтверждения уже сделанного вывода. Уэллс скрыл преступление.

"Хью Конвей..."

Имя в заголовке бросилось ему в глаза. Беквит был так взволнован, что на мгновение не смог

больше читать. Руки тряслись. Триумф захлестнул его сердце. Он рассмеялся и уперся руками в стол, устремив взгляд на печатную страницу.

Мгновение спустя его всегда напуганная жена-полукровка в ужасе отпрянула от двери комнаты, куда собиралась войти. Ее муж был там. Он уставился на лист бумаги и изрыгал проклятия на двух языках. Беквит выглядел таким разъяренным, что его гнев граничил с паникой.

"Хью Конвей объявляет о пожертвовании городским беднякам!" - гласил заголовок на первой полосе одной из крупных газет, неизменно превозносившей благодеяния богатых. Под заголовком улыбался портрет Хью Конвея, нарисованный пером и чернилами - Хью Конвея, которого Беквит убил месяц назад!

С чувством нереальности, которое испытываешь в кошмаре, Беквит прочитал хвалебную речь покойнику. Но покойник не был здесь описан как мертвый. Обычные фразы газетного репортера: "Мистер Конвей отказался от интервью". "Домашние сказали, что мистер Конвей не хочет ничего добавлять к заявлению своих адвокатов, которые завершили подготовку к дарению".

Журналисты использовали все уловки, но так и не смогли увидеть Конвея. Сквозь туман

недоверчивого изумления Беквит смог понять только одно: Конвея не видели. Никто не видел его живым в последнее время, чтобы написать о нем. Беквит, конечно, знал, почему. Конвей был мертв. Но почему, почему о пожертвовании было объявлено так, будто жертвователь был живым человеком?

Дрожавшими пальцами Беквит разложил оставшиеся листы. Тут и там он увидел ссылки на дар. Огромная сумма должна была пожертвована на то, чтобы дети из трущоб могли гулять на свежем воздухе. Журналисты писали о частых благодеяниях человека, о котором Беквит точно знал, что он мертв, но ни одно слово или строка не упоминали о его убийстве.

Не было ни одного интервью с Конвеем, но, с другой стороны, не было ни малейшего намека на то, что он был убит, и что его убийца открыто отправился в страну, из которой его не могли выдать, и где он жил в комфорте, бросая вызов закону, который должен был его наказать.

Когда Беквит просмотрел последние газеты, он пришел в исступление. Он убил Конвея, а газеты не упоминали об этом! Он чувствовал себя так, будто его обманули, как, в некотором смысле, и было. Значительная часть его триумфа

заключалась в том, что общественность должна была узнать о его превосходстве и над Конвеем, и над Уэллсом. Лишение этой радости приводило Беквита ярость и пугало.

Беквит встал и вышел из дома под проливной дождь. Он бродил по улицам, пытаясь догадаться, что могло случиться, чтобы нарушить его планы. Немногие местные, видевшие Беквита, пожимали плечами и тихонько перешептывались. "Этот янки выглядит сумасшедшим, вы только посмотрите на него, идущего под ливнем!"

Когда Беквит, наконец, снова ввалился в дом, он был истощен и умственно, и физически. Мокрый, он пробрался в комнату, где оставил газеты. Когда он появился, его жена встала и выбежала из комнаты, оставив на столе газетные листы с фотографиями, на которые она смотрела. Она не читала по-английски и лишь немного по-испански, но картинки доставляли ей детское удовольствие.

Беквит не обратил внимания на поспешное бегство женя. Он рухнул в кресло и мрачно уставился в пол. Затем взгляд его упал на одну из фотографий. На ней был Хью Конвей, находившийся на поле для гольфа и готовый ударить по мячу. Подпись под изображением гласила: "Хью

Конвей, известный мультимиллионер, отдыхает от деловых забот в Ньюпорте".

Уставившись на фотографию человека, которого он задушил месяц назад, Конвей начал истерично ругаться, будто увидел привидение.

***

Когда фруктовый пароход остановился в порту, возвращаясь на север, Беквит занял каюту. Он не совсем понимал, зачем едет в Нью-Йорк, но с нетерпением ждал, когда судно отплывет из Байя дель-Торо. В кармане у Беквита лежало письмо с аккредитацией, и он был полон решимости раз и навсегда выяснить, что произошло. Если Конвей сбежал от него раньше, он не сбежит снова.

В своей каюте Беквит вскрыл последнюю пачку бумаг, которую он получил, и провел много времени, читая и перечитывая статьи, касавшиеся Конвея. Он снова и снова взвешивал каждую фразу в отчетах о щедром пожертвовании Конвея на благотворительность, надеясь найти какой-нибудь намек на его смерть. Он знал, что Конвей мертв. Он задушил Конвея собственными руками. Но почему, почему, почему газеты не объявили об убийстве?

***

Корабль шел вдоль побережья с невероятной медлительностью. В порт Гаваны он вошел с нервирующей неторопливостью. Там Беквит получил новые бумаги, но ни в одной из них по-прежнему не говорилось об убийстве.

Когда пароход приближался к Нью-Йорку, Беквит вышел на палубу, ходил взад-вперед и беспрестанно курил, терзая мозг в поисках объяснения молчания газет.

Его нервы были в клочьях, когда пароход наконец достиг Нью-Йорка. Беквит наблюдал, как порт проплывал слева от него, а высокие здания нижнего Манхэттена поднимались из воды. Застывшая бесстрастность Статуи Свободы раздражала Беквита. Он с нетерпением ждал момента, когда окажется на берегу и свободно проведет свое последнее расследование. Что случилось, что помешало прессе узнать о смерти Конвея? И почему они не напечатали ни слова об убийце?

Неторопливость таможенных инспекторов сводила Беквита с ума. Когда он, наконец, смог сойти на берег, он дрожал от нервного напряжения. Он спустился по трапу, смуглокожий стюард нес

его сумки. Он грубо проталкивался сквозь толпу, собравшуюся на пристани, чтобы встретить путешественников, и закрыл уши, не желая слышать испанские приветствия.

Он не увидел, как деловито крутит ручку кинооператор. Наконец он вырвался из толпы и нетерпеливо повернулся к стюарду, шедшему позади него.

- Прошу вас пройти со мной, сэр, - раздался тихий голос у его локтя.

По обе стороны стояли две невыразительные фигуры в гражданской одежде. Рука каждого была в кармане пальто, где многозначительная выпуклость предупреждала о наличии оружия.

- Какого черта! - яростно начал Беквит и замолчал. Перед ним, саркастически улыбаясь, стоял Уэллс, комиссар полиции.

- Вы арестованы за убийство Хью Конвея, Беквит, - язвительно сказал он.

Дюжина или больше восторженных мужчин наблюдали за происходившим. Камеры снимали, а блокноты журналистов быстро заполнялись. Среди репортеров оказались даже две женщины: "сопливые сестры", как их называли.

- Мы могли бы сделать это не так драматично, Беквит, - сухо сказал Уэллс. - Я получил ваше пись-

мо, приколотое к груди Конвея. Как мило с вашей стороны рассказать, куда вы направляетесь, и что экстрадировать вас невозможно. Я бы вас не поймал, если бы не это обстоятельство. Я знал, что вы будете искать в газетах новости о своем подвиге. Вы упомянули об этом в своем письме, и потому я доверился этим ребятам. - Он кивнул на группу газетчиков. - И они согласились помочь. Их владельцы одобрили схему, и убийство держалось в абсолютной тайне от общественности и прессы. Мы дали вам две недели, чтобы поволноваться, а затем объявили о завещании Конвея благотворительным организациям - кстати, этот пункт действительно есть в его завещании - и напечатали его фотографию. Вы попался на приманку, все верно. Мы не могли тронуть вас в Новой Боливии, но как только вы сели на пароход, вы оказались в наших руках. Мы позволили вам приехать в Нью-Йорк одному, чтобы избежать неприятностей. Мы очень обязаны вам, мистер Беквит.

К своему ужасу, Беквит все понял. Он не добился ни мести, ни свободы. Он не показал себя умнее Уэллса. Он проиграл, полностью и непоправимо. Его заманили во власть закона ничем иным, как молчанием. Но глубже всего затронуло его сердце и заставило переполниться чашу унижения

последнее замечание Уэллса.

Репортеры внимательно слушали.

- Полагаю, это все, ребята, - снисходительно сказал Уэллс. - Больше нечего сказать. У вас будет хорошая история для вечерних выпусков. Беквит не смог устоять перед соблазном сыграть для богов галерки.

Эссе

Петр Люкимсон

Последний мушкетер

3 апреля не стало выдающегося еврейского - это слово принципиально важно - прозаика, поэта, литературоведа и историка Даниэля Клугера.

Определить его как писателя одним словом трудно, поскольку Клугер брался почти за все литературные жанры и в каждом работал блестяще, оставив настолько яркий след, что стереть его невозможно.

Даниэль Клугер был для меня, безусловно, кем-то большим, чем писателем. Он был дру-

гом, одним из тех, с кем у меня было полное понимание почти во всех вопросах, связанных с литературой, подходом к еврейской истории, отношением к жизни. Заставить себя написать слово "умер" по отношению к нему я не могу - как минимум, половину его "Еврейских баллад" помню наизусть, время от времени переслушиваю их и проговариваю про себя. Думаю, не только я, а тысячи и тысячи евреев в самых разных уголках мира. Его книги стоят в первом ряду на полке моих самых любимых и многие читаны-перечитаны и будут еще не раз читаться...

Так кем же он на самом деле был, Даниэль Клугер?

Физик по образованию, талантливый ученый, он, отслужив на флоте, начал писать научно-фантастические рассказы и очень быстро вошел в круг тех молодых писателей конца 1970-х годов, которые и определили все последующее направление развития как российской фантастики и фэнтези, так и серьезной прозы (уместно вспомнить, что в этот круг входил и тогда еще совсем юный Виктор Пелевин).

Впервые я познакомился с творчеством Даниэля еще мальчишкой, прочитав в 1979 году его трогательный фантастический рассказ в журнале

"Химия и жизнь". А в 1994 году Клугер появился в наших палестинах и почти сразу опубликовал серию детективов, объединенных фигурой сыщика Натаниэля Розовски, расследовавшего совершенные в Израиле странные преступления. Позже эти детективы были изданы одной книгой "Убийство в Кесарии", которая не раз переиздавалась в серии "Библиотека приключений" и отлично читается и сегодня. Уже в этих повестях чувствовалось тяготение Клугера к еврейской мистике и истории, но в полную силу проявилось оно гораздо позже.

В начале 2000-х годов он начинает активно сотрудничать с ныне, к сожалению, тоже покойным писателем и каббалистом Александром Рыбалка, и вместе они создают первое подлинно еврейское фэнтези "Тысяча лет в долг", построенное по всем законам жанра, но основанное на талмудических преданиях.

Мое личное знакомство с Даниэлем Клугером состоялось в начале 2000-х годов, когда я стал редактором газеты "Русский израильтянин". Я пригласил его вести рубрику "Еврейская страница" и ни разу об этом не пожалел. Тогда же, помнится, Клугер зазвал меня в какой-то ангар и рассказал, что в молодости начинал как рок-

музыкант и автор песен, на многие годы от этого отошел, но вдруг неожиданно для самого себя снова начал писать стихи, класть их на музыку и хотел бы, чтобы я послушал и оценил. Песни были из тех, что сразу врезаются в память. Помню, как меня потрясла его песня о близком друге, бандите и поэте, погибшем во время очередной разборки:

...Слова легли цветным узором,
Покрыли листьями настил.
Он был поэтом или вором,
Но главным стало слово "был".
Его продали с потрохами,
Перепродали ни за грош.
Он изводил себя стихами,
Поставил точку, выбрав нож.
Мы были все на этой карте,
Но оказались ни при чем.
Лишь женщина в осенней Ялте
Вдруг зябко повела плечом.

Была в том цикле и еще одна великолепная баллада - о Мефистофеле:

Она мила, какого ж черта

Тебе понадобилось, Черт?!
Мешает шпага иль ботфорта,
Иль просто старый посох стерт?

А спустя несколько месяцев Даниэль собрал в Тель-Авиве небольшую компанию друзей и исполнил "Балладу о Прекрасной Даме", "Шахматную балладу" и балладу о знаменитом еврейском пирате, а позже раввине-каббалисте Яакове де Куриэле. Все эти баллады, построенные на реальной исторической основе, поразили захватывающим сюжетом, глубокой психологичностью образов и очень естественными, живыми диалогами. К примеру, "Баллада о Прекрасной Даме", в которой красавица Сюзанна яростно доказывает фра Томазо Торкведмаде, что ее отец никакой не тайный иудей, а оклеветанный христианин. В финале она соглашается на требование Великого Инквизитора стоять рядом с ним на казни отца. И вот последние аккорды:

Нерадостны воскресные парады
Осенним утром в пасмурной Севилье.
Стояла одесную Торквемады
Сеньора в черной кружевной мантилье.
Произнесла легко слова пустые,

И улыбнулась раннему лучу.
Но накануне - может быть, впервые -
Она зажгла субботнюю свечу...

Помню состояние шока, в которое меня повергли эти баллады. Сразу захотелось напечатать их в газете, хотя я не раз, чтобы отбить наседавшие толпы графоманов, громогласно объявлял, что никаких стихов в нашей газете никогда не будет. Но это было событие экстраординарное: в еврейской литературе на глазах рождался новый поэтический жанр! Клугер переплавлял еврейскую историю в поэзию, каждая баллада была наполнена высоким поэтическим напряжением и нередко совершенно неожиданным финалом, глубина которого осознавалась далеко не сразу.

Так, в "Балладе об Эрвине Блохе" рассказывается, как немецкий солдат после короткого отпуска домой возвращается на Восточный фронт и на Варшавском вокзале видит толпу евреев, которых отправляют в Освенцим. Он помогает старому раввину поднять упавшую тетрадку с переписанными для него любимым учеником псалмами. Раввин поясняет солдату вермахта, чем ему дорога эта тетрадь, но этим, оказывается, все только начинается:

...И, помолчав, добавил раввин
(Был неподвижен взгляд):
Он из Варшавы уехал в Берлин
Лет двадцать пять назад.
Слышал, в Берлине он стал отцом,
Но взял его рано Бог.
Был на тебя он похож лицом,
А звался он Хаим Блох...

Разговор со старым раввином становится поворотным для выросшего в берлинском сиротском приюте Эрвина Блоха. Он возвращается на фронт другим человеком - и остается им до самой своей гибели. А хоронят его, как и положено, под солдатским крестом. Возникает странное ощущение, что автор тебе что-то не дорассказал, но последние строфы все расставляют по своим местам:

Но перед смертью, в горячем бреду
Видел он тот вокзал.
"Стойте! - вскричал он. - Я с вами иду!"
-
И за раввином встал.
"В ад вместе с вами дорогу избрал,
Не поверну назад!"

Но рабби сказал: "А с чего ты взял,
Что эта дорога - в ад?"

Потом баллады стали множиться и, как правило, одна была лучше другой: трагическая баллада о любви вдовы и коэна; о еврейке, которая хитроумно обманула решившего на ней жениться казачьего атамана и предпочла смерть крещению в дни резни Богдана Хмельницкого; очаровательный, то смешной, то грустный, но необычайно мудрый цикл баллад о придуманном им еврейском местечке Яворицы, построенный на еврейском фольклоре; "Хасидский вальс", представляющий собой переплавку известной истории о Шестом Любавичском ребе, и многие, многие другие - всего Даниэль написал больше семидесяти баллад.

Помнится, он не раз говорил, что с их написанием связано немало мистики. Например, когда он писал "Шахматную балладу", то назвал ее героя рабби Шимоном просто для рифмы и уже потом узнал, что раввина, игравшего в шахматы со своим сыном, ставшим Римским папой, действительно звали рабби Шимон. То же произошло и с героем баллады о любви Сендер-коэна и вдовы Рейзл, во время своей свадьбы в Кракове

провалившихся под землю: раввина, с которым связано это предание, звали рабби Ицхак, но во время написания баллады Клугер этого не знал...

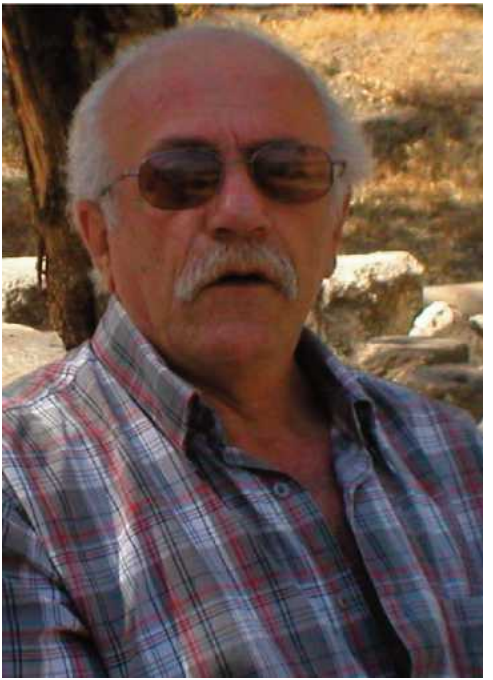
Писательская фантазия и кругозор Даниэля Клугера были поистине безграничны, он продолжал активно работать и в других жанрах. В 2003 году вышла его книга "Дела магические", составленная из рассказов в жанре юмористических детективов-фэнтези, действие которых происходит в мире, где карфагеняне-семиты победили ариев-римлян, место науки заняла магия, и частный сыщик, маг и по совместительству хронический алкоголик Ницан ведет расследования вместе со своим ручным демоном в облике крысы, старательно снабжающей его спиртным.

Тогда книг в этом жанре в России выходило не так много, и можно сказать, что Даниэль Клугер в значительной степени определил пути его развития.

В повести "Мушкетер" Клугер тщательно обосновывает свою версию о том, что один из трех мушкетеров - Портос - был марраном, бежавшим из Португалии (отсюда и прозвище), а также осторожно намекает, что из марранов вполне мог быть и д'Артаньян, постоянно подчеркивающий свое происхождение из Гаскони - гнезда бежав-

ших от испанской инквизиции евреев.

Сам Даниэль и внешне, и внутренне тоже, безусловно, был мушкетером. Не из тех мушкетеров, которые, как это понимаешь со временем, были не очень симпатичными забияками из романов Дюма, а в том смысле слова, который обычно в него вкладывается романтиками и идеалистами.



Во всяком случае, по внутреннему благородству, порядочности, уровню образованности, широте интересов и уму мне трудно сравнить его с кем-либо другим среди моих знакомых. А ведь они в большинстве своем тоже очень порядочные, умные и интеллигентные люди.

Кстати, у Клугера есть еще немало книг, посвященных и другим литературным героям - например, "Новые приключения Гулливера", где герой великой книги Свифта расследует преступления, оставшиеся по воле его создателя нераскрытыми; "Тайна капитана Немо" - о прототипах героев других великих книг, сборник беллетризированных биографий великих сыщиков "Гении сыска" и великое множество сборников детективов, фантастических повестей и рассказов, включая блистательную "Академию Шекли".

Еще одна бесконечно любимая мною книга Клугера - "Летающая в темных покоях", сборник написанных в лучших традициях Эдгара По и, одновременно, Башевиса-Зингера мистических рассказов, основанных на хасидских преданиях, но при этом предельно реалистичных.

Я знаю, что в этом жанре работали многие, но Клугер - один из лучших, и пишу я это отнюдь не потому, что так принято в некрологах.

В последние десятилетия вышло и немало его блестящих литературоведческих и исторических исследований, посвященных прототипам героев великих книг и содержащимся в них загадках. И, само собой, нельзя не вспомнить среди его наследия книгу "Баскервильская мистерия" - вот

уж точно лучшее на сегодняшний день исследование законов детектива и корней этого жанра.

Как все это умещалось в одной личности, понять просто невозможно.

В последние годы Даниэль тяжело болел, но до последнего дня продолжал напряженно работать, писал и выступал с концертами и все больше погружался в изучение Торы и соблюдение ее заповедей. В Бога он, кстати говоря, верил всегда и в интервью, которое я брал у него на пятидесятилетие, на вопрос о вере ответил: "Конечно, верю! Обе мои бабушки были глубоко религиозными еврейками, обе были очень умны, а я их обеих безумно любил и допустить, что они в чем-то ошибались, попросту не могу". Но в последние два года это все же было нечто совсем иное, куда более глубокое. Помню, как он прислал мне на WhatsApp свою фотографию в тфилин и талите и написал: "Никогда не думал, что это такое счастье - накладывать тфилин".

Всего пару недель назад я прочитал в свежем номере журнала "Артикль" его новую повесть "Парижский исполнитель" - о знаменитом Видоке и начале карьеры выдающегося русского сыщика, близкого друга Пушкина Ивана Лапранди, имевшего еврейские корни. Собирался позвонить

Даниэлю, чтобы выразить свое восхищение, но, как обычно, замотался и не успел. Теперь уже не позвонишь...

Но его "Еврейские баллады", детективы и остальные произведения, слава Богу, остаются с нами и еще долго будут востребованы еврейскими, да и не только еврейскими читателями. И это, поверьте, тоже не просто слова...

Даниэль Клугер

РЕАЛЬНОСТЬ ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ
Книжная серия "ЖЗЛ": Жизнь Забытых Людей (из книги "Наглухо закрытые премьеры")

Доктор философии Эдгар Лепеллье долгое время рассматривался коллегами как типичный "enfant terrible", "несносный ребенок". И дело тут не столько в тяжелом характере и даже не в относительно молодом возрасте. Докторскую степень по философии и параллельно по биологии он получил в двадцативосьмилетнем возрасте, в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году. Тогда же начал работать экстраординарным профессором на кафедре не где-нибудь, а в старейшем университете Европы - Сорбонне. Еще свежи были воспоминания о бурной "парижской весне", о студенческой революции шестьдесят восьмого. К слову сказать, какое-то участие Лепеллье в тогдашних беспорядках принимал, во всяком случае, его видели на баррикадах. Правда, знакомые утверждали, что профессор, будучи человеком

до крайности рассеянным, попросту шел домой и на перегородившую улицу баррикаду влез исключительно потому, что не хотел делать крюк по боковым улочкам.

Так или иначе, полиция завела на Эдгара Лепеллье досье именно после студенческой революции, но никаких связей с левацкими и экстремистскими организациями выявить не смогла.

За полтора года он успел войти конфликт со всеми, с кем только можно было (и с кем было нельзя ни в коем случае), опубликовал ряд статей, повергших в шок добрую половину философов и социологов. Потом вдруг уехал из "столицы мира" за океан, в Америку. Работал в частном колледже. Неуживчивый характер и тут сыграл свою роль. Он скитался по университетским кампусам, выступал, срывал овации студентов и шквал возмущенной критики коллег (которые его отказывались признавать коллегой). По ходу дела написал и издал семь научно-фантастических романов, получивших высокую оценку среди читателей и критиков (отчасти, возможно, из-за того, что Э. Лепеллье публиковал свои художественные произведения под псевдонимом, да к тому же, женским - "Мэри С. Найт").

К американскому периоду относятся и неожи-

данные эксперименты бывшего парижского профессора с галлюциногенным препаратом ЛСД. Оказавшись в американской университетской среде на излете популярности движения хиппи, Лепеллье провел немало времени в их коммунах, где и попробовал впервые это сильнодействующее средство. Тут следует сказать, что ЛСД пытались использовать психиатры, занимавшиеся исследованием механизма возникновения галлюцинаций при параноидальной форме шизофрении. Мы обращаем внимание читателя на этот момент, поскольку, как станет ясно из дальнейшего, увлечение психоделическим образом жизни и экспериментальными формами самовыражения своеобразным образом преломились в его научной практике.

В конце концов, вернулся в Европу, в Гейдельберг. И здесь, не успев приступить к преподаванию на кафедре истории философии, погиб в автокатастрофе. Это произошло первого февраля тысяча девятьсот семьдесят шестого года.

Сама автокатастрофа вызвала недоумение как у полицейских, так и у немногочисленных друзей (если можно назвать таковыми людей, с которыми он встречался не чаще раза в месяц и на головы которых не обрушивал ни своей

знаменитой язвительности, ни взрывного гнева): во-первых, автомобиля у него не было, а "опель", в котором обнаружили тело "несносного профессора", принадлежал хозяину маленького магазина и оказался угнанным с автостоянки накануне. Так и не удалось выяснить поначалу, сделал ли это сам профессор по эксцентричности характера, или за этим угоном и катастрофой скрывалось нечто более серьезное.

Несмотря на столь бурную, хотя и короткую жизнь, умение оказываться в центре скандала, несмотря на изданные книги - художественные и научные, - несмотря, наконец, на загадочность жизненного финала, Эдгар Лепеллье был благополучно забыт почти сразу же после смерти. Разве что чокнутые любители научной фантастики ныне в состоянии припомнить романы "Чернильный цветок" или "Пресыщение" некоей Мэри С. Найт, почему-то пользовавшиеся популярностью в начале семидесятых. Они даже рассматривались некой полемикой с книгами знаменитого Филиппа Дика, да какой-нибудь педантичный библиотекарь после часового раздумья назовет вам, скажем, "Философию жизни и смерти" - студенческую работу о Ф. Ницше и, возможно, "Утонченный вампиризм" - о религиоведческих

работах М. Элиаде, с которым Лепеллье пытался вести полемику (неудачно), будучи аспирантом.

Впрочем, мы несколько погрешили против истины, говоря о всеобщем забвении имени Лепеллье. Один человек все-таки продолжал хранить память о нем, продолжал тормошить полицию, требуя все новых и новых расследований по факту гибели четвертьвековой давности. Этого человека звали Джейн Мюриэл, она познакомилась с "безумным Эдгаром" (так назвали Лепеллье его первые американские студенты) в Штатах, во время короткого периода работы последнего в технологическом колледже городка Грин Спейс (штат Висконсин). Джейн стала его верной подругой, повсюду сопровождала его. В трагический день семьдесят шестого года, по ее уверению, они должны были встретиться.

У нее осталась часть работ погибшего философа, в том числе и те, которые он, возможно, вовсе не предназначал к публикации.

Именно благодаря мисс Джейн Мюриэл - или, вернее сказать, уже миссис Джейн Мюриэл-Коэн - наследие философа и социолога Эдгара Лепеллье увидело свет - в конце прошлого года. И вновь, как при жизни, "enfant terrible" подтвердил свою репутацию и вызвал в академических кругах

бурную полемику. В него направляли стрелы язвительной критики так, будто он был жив и мог ответить. Разумеется, такая ситуация выглядит сомнительной с точки зрения этики, но, думается, оппонентов до известной степени можно понять - столь шокирующими выглядят взгляды Эдгара Лепеллье.

Мы предприняли столь длинное вступление биографического характера, чтобы читателю яснее представилась та обстановка, в которой создавалась безумная теория. А теперь - собственно о его теории и о книге "Реальность галлюцинаций", являющейся основным трудом Э. Лепеллье, увидевшим свет спустя двадцать три года после его смерти.

***

На протяжении десятилетий со страниц газет и журналов, с экранов телевидения на человечество обрушивается бесконечный поток сообщений о так называемых "неопознанных летающих объектах" (НЛО). Существует целая наука - уфология (от английской аббревиатуры UFO - то же, что НЛО). Правда, серьезные ученые категорически отказывают уфологии в праве называться наукой. По мнению большинства,

все эти истории - не более, чем шарлатанство, охватившее большое количество людей, среди которых есть и откровенные аферисты, и экзальтированные мечтатели, и просто ненормальные. Некоторые социологи усматривают в уфологии зародыш новой религии, которая не вызывает отталкивания у людей, склонных к атеизму, считающих существующие религии пережитком и в то же время испытывающих потребность в реализации религиозного чувства.

Как известно, НЛО впервые обратили на себя внимание в США в годы, последовавшие непосредственно после окончания второй мировой войны. Об этих находках, о знаменитом "Ангаре 18" на одной из баз ВВС США, где, по утверждению многих, хранятся остатки инопланетного космического корабля и тела его экипажа, читатели наверняка знают. Как знают они и то, что американское правительство категорически отрицает факт существования всех этих и им подобных экспонатов и что разъяснениям правительства никто из уфологов не верит и верить не собирается.

Менее известно, что и в секретных архивах второй супердержавы тех лет - СССР - тоже собрано немало сведений, до сих пор не ставших

достоянием гласности. До сих пор, например, "Петрозаводское чудо", о котором официальные инстанции заявили, что странные и необъяснимые атмосферные явления появились в результате аварии на космодроме Плесецка, рассматривается уфологами как крупнейшее проявление НЛО в России.

И объяснениям официальным тоже не верят.

О популярности темы НЛО, темы вмешательства неких разумных форм внеземной жизни в наши дела, свидетельствует появление бесконечных телесериалов типа "Х-файлов", "Пси-фактора" и тому подобного. Во всех случаях авторы старательно подчеркивают документальность основы сериалов и тем самым окончательно создают мешанину в головах зрителей.

Нужно сказать, что многие сенсации со временем получали вполне приемлемое и отнюдь не сенсационное объяснение.

Так вот, отправной точкой в работах Э. Лепеллье стало изучение именно проблемы НЛО. Понятно, что одного этого было достаточно, чтобы французскому профессору было отказано в праве называться ученым. Прибавьте к тому абсолютно недопустимый, ернический тон его статей.

Но если даже опустить литературные особен-

ности, все равно остается достаточно, чтобы имя покойного философа заставляло почтенных ученых разражаться бранью в его адрес. Содержание, смысл его теории, парадоксальные выводы во много раз превосходили скандальностью, например, теории Иммануила Великовского.

***

Итак, прежде всего: Лепеллье расширил временные рамки появлений того, что принято называть неопознанными объектами. Он приводит целый ряд случаев, имевших место за много лет и даже веков до того, как этот термин появился в газетных публикациях. Некоторые факты действительно поражают воображение.

Например, в годы Второй мировой войны в знаменитой воздушной "Битве за Англию", если верить документальным свидетельствам, участвовало в несколько раз больше самолетов и ракет, чем реально существовало в мире в тот период. Лепеллье приводит в своей книге эти свидетельства. Он утверждает, что никто ни разу просто не удосужился элементарно просуммировать числа, имеющиеся в сводках британской противовоздушной обороны и в документах вермахта. А если бы удосужился, то действительно

обнаружил поистине необъяснимую вещь: ни Англия, ни Германия не располагали таким количеством боевых самолетов. И речь идет не об ошибке в несколько десятков, а о расхождении, по меньшей мере, на порядок!

Другими явлениями, описываемыми Лепеллье, стали случаи, известные из средневековья: массовые нашествия то бесов, то ангелов в периоды мощных социально-политических потрясений. Эти факты объяснялись по-разному - массовыми галлюцинациями, фантазией хронистов и тому подобным. Проявлением сил зла, например.

Кстати говоря, и поныне некоторые христианские богословы объясняют НЛО и некоторые другие необъяснимые с точки зрения современной науки явления проявлением демонических сил, вмешательством в земную жизнь дьявола. Можно напомнить многократно описываемое С. Нилусом видение пришествия бесов в канун века двадцатого - бесов, кричавших: "Наше время! Наше время!"

Ну, это так, к слову.

Принцип подхода французского доктора философии состоит в том, что он изначально не делает никакой разницы между теми явлениями, которые можно объяснить уже упоминавшимися

массовыми галлюцинациями, массовыми психозами, и теми, которые могут иметь все-таки естественно-научную природу - например, редкие атмосферные явления, нехарактерные для данной местности.

Даже энтузиасты-уфологи на сегодняшний день тратят много времени на то, чтобы классифицировать НЛО: откровенные выдумки, показания психически нездоровых людей, явления, имеющие объяснения в рамках сегодняшней науки, явления, не имеющие таких объяснений, возможные проявления внеземных цивилизаций и так далее. Лепеллье высмеивает такую классификацию. Тем новым, что привнес французский ученый, было то, что он не нуждался ни в какой классификации. Он, по сути, не видит разницы между поисками инопланетян и бесов (или ангелов). Для него все НЛО равно реальны.

И равно нереальны.

В этом и заключается суть его теории.

***

К каким же выводам пришел Лепеллье? В центральной своей работе "Реальность галлюцинаций" он предложил рассматривать человечество не как совокупность разумных существ, а как

системы взаимодействующих клеток некоего сверхорганизма - или, вернее сказать, сверхразума. Упрощенным аналогом он считает что-то вроде гигантского мозга, в котором роль нервных клеток - нейронов - выполняют отдельные люди и связи между ними. Точно так же общества, государства и тому подобное являются аналогами различных отделов головного мозга.

Не будем излагать подробностей его взглядов на механизм мышления человека. Скажем лишь, что он говорит об этом на двухстах пятидесяти страницах и при этом погружается в такие специфические категории, которые рядовому читателю (или рядовой клетке) просто недоступны и, главное, неинтересны. Непонятные большинству термины, которыми оперирует при этом Лепеллье, могут свести на нет всю систему его доказательств. Так что оставим это в стороне (желающие могут ознакомиться со всеми подробностями, прочитав книгу "Реальность галлюцинаций", издательство "Wissenschaft und Gesellschaft", Франкфурт-на-Одере, 1998 год).

Гораздо интереснее другое. По мнению "безумного Эдгара" многое из того, что принято относить к неопознанным летающим объектам и - шире - к необъяснимым явлениям следует рассматривать

как... симптомы серьезного заболевания сверхразума, каковым, как уже было сказано, он считает человечество в целом. А чем может болеть разум? Конечно же, расстройством рассудка. Психическим расстройством. Иными словами, тот самый коллективный разум человечества (еще один термин, весьма вольно используемый Лепеллье) является разумом патологическим.

При чем здесь НЛО?

А при том, заявляет Лепеллье, что это - галлюцинации. Характерные для больного параноидальной формой шизофрении в определенные периоды времени.

Только страдающим этим расстройством является не тот, кто видит эти "объекты", а тот, кто их, так сказать, продуцирует. Человечество в целом.

Хорошо, возразим мы, но, если это галлюцинации, пусть даже чужие, почему мы их видим? Почему на них реагируют наши приборы? Почему черные ящики самолетов регистрируют появление неопознанных объектов, почему корабли иной раз гибнут от столкновения с ними?

Ну, во-первых, говорит Лепеллье, именно потому, что это не просто чужие галлюцинации. Это галлюцинирует суперсознание, частью которого является сознание каждого из нас. Иными сло-

вами, галлюцинации эти являются частично и нашими. Мы тоже продуцируем частичку их.

А во-вторых, по его мнению, общая патология неизбежно влечет за собой и патологические изменения в отдельных клетках, составляющих пораженный орган.

Разумеется, оговаривается он неоднократно, речь может идти лишь об очень приблизительной аналогии.

Но зато очень наглядной.

И еще один вопрос, весьма важный, по мнению Лепеллье, следующий из предыдущих его рассуждений. Что тут было первичным, а что вторичным? Пошла ли болезнь - "шизофрения" - от общего к частному, или наоборот? Возросло ли число психических расстройств в мире оттого, что болезнь сверхразума начала все шире поражать его "клетки", в том числе и отделов, не связанных непосредственно с течением "болезни"? Или же, наоборот, после того, как число пораженных "клеток" достигло критического уровня, проявились макросимптомы заболевания? В последнем случае следует считать, что это произошло где-то накануне эпохи крестовых походов - как уже было сказано, первые наблюдения в небе то ли ангелов, то ли демонов, короче,

неопознанных объектов одновременно большим количеством людей имели место именно тогда. Если учесть, что человечество в целом переживало в ту пору колоссальный стресс, закончившийся безумием крестовых походов, то можно предположить, что именно тогда и начал давать "сбои" коллективный разум. Особенно в свете вскользь брошенного, но весьма многозначительного замечания героя нашего очерка: "В конце IX века суперразум демонстрирует первые симптомы раздвоения "личности". Позже, на протяжении тысячелетий это происходило всего несколько раз".

Ссылаясь на свой опыт в экспериментах с ЛСД, Лепеллье утверждает: той же особенностью, что и данный галлюциноген (по отношению к "суперразуму"), возможно, обладает какой-то космический фактор - например, какая-то часть спектра солнечного излучения. К сожалению, исследования, которые "безумный Эдгар" собирался провести в дальнейшем - сопоставить уровни солнечной активности на протяжении долгого времени с периодами "обострения болезни", то есть появления НЛО в большом количестве, он провести не успел в связи с внезапной кончиной.

Чтобы завершить разговор об обстоятельствах гибели Лепеллье, скажем: полиция так и не нашла никаких следов предумышленного убийства или самоубийства. Единственным сомнительным моментом в этой нелепой катастрофе было большое содержание алкоголя и сильнодействующих наркотических веществ в крови погибшего.

Честно говоря, я далек от мысли принимать всерьез выводы, сделанные на страницах книги "Реальность галлюцинаций". Не исключено, что в качестве философского эссе преданной подругой погибшего ученого миссис Джейн Мюрриэл-Коэн были опубликованы подготовительные тексты очередного научно-фантастического романа.

Как кажутся сегодня сомнительными некоторые детали его яркой, но несколько буффонадной жизни. Возможно, миф о чрезмерной эксцентричности "безумного Эдгара" (кстати, даже это прозвище - элемент мифотворчества: ведь так называли в Европе великого американского поэта Э. А. По) поддерживался немногими его почитателями для вызова дополнительного интереса к фигуре безусловно талантливого, но все-таки порядком забытого ученого.

Но, как бы то ни было, я в последнее время все

чаще задумываюсь: может быть, действительно вся наша цивилизация - цепь последовательных галлюцинаций психически больного сознания? Может быть, мы действительно живем внутри чьих-то маний и фобий?

И какие лекарственные средства можно применить, чтобы вылечить больного?

Вообще - возможно ли излечение?

Дмитрий Аникин

КОЦЕБЯТИНА, или путевые заметки классициста

Чувствительный дурак лучше хладнокровного умника.
Август фон Коцебу "Ненависть к людям и раскаяние"

Я заражён нормальным классицизмом,
А вы, мой друг, заражены сарказмом.
Иосиф Бродский

В 1819 году в Мангейме был убит Август фон Коцебу, писатель, невольно обогативший русский язык словом "коцебятина". Так называли бездарную, назидательную драматургию, заполонившую российскую театральную сцену.

Аэропорт Франкфурта принимает самолёты практически со всего мира. "Практически" означает, что за исключением России. Добираться приходится на чёрт-те каких перекладных. Дорога из Москвы выматывает всю душу, и прилетаешь, как с того света на этот. Ну или наоборот.

Ташкент - город хлебный. Кормят в аэропорту

плохо. Провести пару часов в капсульном отеле стоит 40 евро с человека. Но переправляют русских в Европу - и на том спасибо.

Зачастую бездарность идёт рука об руку с графоманией, писатель как будто надеется на гегелевский переход количества в качество. Но Коцебу не был графоманом, он был профессиональным драматургом, писал потому, что это приносило солидный доход и давало возможность доносить до публики нужные мысли.

Во Франкфурте есть совершенный в своей неаутентичности музей Гёте. Здание, отстроенное на месте разрушенного во время Второй Мировой.

Несколько лет назад я заходил туда, чтобы както скоротать время до отлёта. Потом вспомнил, что так же, не зная куда себя девать до отправления дилижанса, посещал этот музей Дмитрий Санин. Побродил, скучая, по комнатам и отправился, чтобы повстречать свою прекрасную итальянку и остаться печальным до конца жизни. См. "Вешние воды".

Пьесы Гете на русской сцене не пользовались таким успехом, как пьесы Коцебу. Наверное, это должно служить каким-то утешением Коцебу в его посмертном существовании.

Из Франкфурта до Мангейма меньше часа на

машине. Такси в Германии дорого. Очень дорого. Родина Uber отказалась от удобства пассажиров ради доходов водителей. Такая вот социальная политика. Две сотни евро - как с куста. Опять-таки вспоминаю "Вешние воды", где упоминался сезон завышенных, сумасшедших, "русских" цен.

Сейчас русские ездят в Европу меньше прежнего, а при нынешнем курсе и деньгами не слишком посоришь, но недобрая память среди туземцев осталась. Трудно снижать цены. Все боги торговли восстают против дешевизны.

Коцебу ведь тоже платил в Германии русскими деньгами - с сумасшедших петербургских доходов, театральных и служебных.

Машина, на которой мы едем - добротный мерседес. На одной из центральных аллей Мангейма установлен памятник его допотопному предку.

История Мангейма накрепко связана с фирмой "Даймлер Бенц". Именно здесь Карл Бенц спроектировал свой первый автомобиль.

Но для меня Мангейм - это, прежде всего, город, где погиб Август фон Коцебу. Драматург, мемуарист, мыслитель, политик и, судя по всему, не очень приятный человек.

Я решил, что надо возложить цветы ему на могилу. Вряд ли кто-то, кроме меня, этим оза-

ботится.

Что такое пьесы Коцебу? Торжество нежизнеспособной схемы. Я, с риском вывернуть челюсть от скуки, прочитал одну "Ненависть к людям и раскаяние", мне хватило. Дурному такие пьесы не научат, но от должного отвратят.

Неправ был Плиний Старший, говоривший, что нет такой плохой книги, из которой нельзя извлечь хорошего урока.

Я знал, где находится мангеймское кладбище. Это в Москве торгуют цветами круглосуточно и на каждом перекрестке, в Германии цветочных магазинов я не видел, так что когда в одну из предыдущих поездок мне понадобился букет, пришлось отправляться на кладбище. Разумеется, в магазин при кладбище, а не воровать с могил.

Коцебу - не первый писатель, чья прижизненная слава не выдержала испытания временем. Стоит ли расстраиваться, если это была дурная слава?

В Википедии написано, что могила Коцебу - прямо перед воротами кладбища. Но прямо перед воротами могил нет вообще. Я больше часа бродил по кладбищу и ничего не нашел. В этом есть символизм, который мне пока неохота

придумывать.

Русская сцена была в его безраздельной собственности. Публика хотела Коцебу, критика выла от Коцебу. Но сборы делает публика, и Шекспиру пришлось потесниться.

Посреди Мангейма стоит Вассертурм - водонапорная башня. "Кто купил билетов пачку, тот получит водокачку". Никуда в Мангейме не деться от навязчивого голоса Мордюковой.

Никуда не деться от навязчивых мыслей об Августе фон Коцебу.

К чести отечественной литературы надо заметить, что наш худший драматург писал по-немецки. Но недостатка в переводчиках у него не было.

Факты таковы: Коцебу зарезали здесь, в городе Мангейме, в его собственной квартире. Зарезали по ошибке. Наделало шуму сочинение "Записки о нынешнем положении Германии". Выпущено оно было анонимно и приписали его Коцебу. Автором текста был Стурдза, тоже ничего себе писатель.

Пушкин написал эпиграмму на Стурдзу:

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:

Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу.

Конечно, Стурдза стоил смерти погибшего из-него Коцебу. Круг замкнулся.

Убийцу, студента Карла Занда, долгое время считали героем. Пушкин писал о нём:

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казнённом прахе.

Суд над Зандом превратился в пошлый и слезливый спектакль, в зал суда ломились, как на хорошую премьеру. Такое ощущение, что перед тем, как умереть, Коцебу всё-таки успел написать сценарий. Чувствуется рука мастера - хуже не придумаешь!

Добродетели Занда сочувствовали все - и зрители, и судьи. Но правосудие есть правосудие, и тут ничего не поделаешь. Казнить нельзя помиловать. И понятно, где надо ставить запятую.

Дамы макали свои платки в свежую кровь героя.

Палач рыдал, но догадался изготовить для героя индивидуальный эшафот, который потом, после

дела, разобрал, и тут есть две версии дальнейшего. По первой версии палач построил из казённых досок себе дом, чтобы в нём жить и предаваться размышлениям о несчастном герое, по второй версии - распродал эшафот по дощечке: чувствительная публика готова была щедро платить за реликвии.

В Мангейме разбит знаменитый на всю Европу Луизен-парк.

В ноябре парк пустынен и прекрасен. Листья опали, и можно видеть пространство из конца в конец.

Россия далеко, и можно думать о ней спокойно. Я не Коцебу, и мне не платят за идейно выверенные тексты.

Кем только не был Коцебу в России - помещиком, надворным советником, переводчиком, директором театра, даже политическим ссыльным. В Германии он стал платным агентом влияния России.

Когда, убивая, Занд кричал: "Шпион! Шпион!", то это было совершенной глупостью. Коцебу вовсе не скрывал свою связь с Санкт-Петербургом и даже официально числился по министерству иностранных дел. Как в анекдоте: ничто не выдавало в Штирлице советского разведчика, кроме

будёновки и волочившегося парашюта.

Мы в России привыкли, что писателю его литература только мешает жить. С Коцебу всё не так. Павел I, прочитав пьесу "Лейб-кучер Петра III", вернул автора из ссылки, наградил имением и присвоил классный чин. Наверное, между ними было какое-то родство: Павел был так же нелеп на русском престоле, как Коцебу на сцене.

Да... Коцебу отправился в ссылку не за свои пьесы, а просто как иностранец был заподозрен в якобинстве.

Коцебу - это всегда про деньги. Получить должность, гонорар, агентское вознаграждение, купить, продать. Всё учтено и сосчитано. Истинный капиталист. Бессребреничество тоже пошло в ход, оно пригодилось в пьесах, приносящих автору солидный доход.

Император Павел, последний рыцарь Европы, хотел раз и навсегда прекратить кровопролитные войны. Пусть государи сходятся сами в смертельных поединках. Разумное решение. Чем содержать армии, лучше потратиться на один комплект доспехов и оружия. Как говорится: "государство - это я!" Ну и вперёд, если хотите воевать, а людей оставьте в покое.

Короткий вызов иль картель Павла перевёл на

немецкий Коцебу.

Когда Павла I убили, то уже никто не мог спасти Европу от наполеоновских войн.

Коцебу было поручено составить описание новой резиденции императора - Михайловского замка, но то, что должно было стать скучной дидактической прозой, стало историей убийства. Это был единственный раз, когда Коцебу не смог сопротивляться духу времени.

Что такое классицизм - это творчество в узких рамках плана, формы, закона. Попытка впихнуть невпихуемое! Но как описывать насущное торжество добродетели в мире, где лучшего из монархов предательски убивают, а убийцы наслаждаются безнаказанностью?

Романтизм - это своеволие в жизни и, как следствие, новаторство в творчестве. Буря и натиск.

В мире классицизма жить скучно, а в мире романтизма - страшно.

Город Мангейм называют квадратным потому, что так было начерчено в архитектурном плане и так было построено. Типичный классицизм - есть четкий план, по нему и действуем. Потом романтики из авиации союзников равняют Мангейм с землёй. Но город восстанавливают по старым чертежам, таким же квадратным.

Симонид Киосский писал:

Трудно стать человеком, который хорош -

Безупречен, как квадрат,

И рукою, и ногою, и мыслью...

Городу не легче, но только в таких умышленных городах и бывает сносная жизнь...

После окончания наполеоновских войн возникло понимание, что надо как-то прекращать с делами смертоубийства такой интенсивности, а то действительно останутся одни государи без народов. Вот тогда им и придётся по заветам покойного императора Павла самим ополчаться друг на друга.

Был организован Священный Союз - прообраз Лиги Наций и нынешней ООН, только куда зубастей и действенней. Задачей Союза было не допустить кровавого хаоса в Европе. Международный полицейский, любить которого не за что, но со своими обязанностями он кое-как справляется и без него будет только хуже.

История, как известно, никого ничему не учит. Не успевшая как следует повоевать немецкая студенческая молодежь волновалась, хотела великих потрясений, подозревала, что кру-

гом враги, готовилась распевать Deutschland, Deutschland über alles. Студенты ненавидели Священный Союз и его вдохновительницу Россию, которые мешали освежить Германию революцией и гражданской войной. Мир и процветание - это ведь филистерство. Коцебу был голосом мира, процветания и филистерства.

Коцебу был зарезан в 1819 году. Примерно в это время начала формироваться немецкая традиция сжигать на площадях неугодные книги.

Патриотизм в его нынешнем национальном виде - это романтическое изобретение.

А где начинаться политическому романтизму, как не там, где текут, сливаясь будто две сестры, струи Рейна и Некара?

Занд был патриотом, следовательно, был немецким националистом, следовательно, был романтиком. Можно и по-другому составить последовательность, невелика разница.

А век с лишним спустя ходить бы студенту Занду в коричневой форме, быть бы ему штурмовиком. И зарезали бы его самого в ночь длинных ножей.

Так первой жертвой немецкого фашизма задолго до фашизма, даже итальянского, стал Август фон Коцебу.

Вся эта история про две страны: Германию и Россию. Есть гениальная формула Мандельштама: "и в колыбели проарийской славянский и германский лён". Формула эта тем более важна, что выведена евреем. И лён наш общий, и беды тоже общие.

Здоровые начала классицизма отстаиваются проходимцами и бездарями. Коцебу был чужд России по языку, а Германии - по гражданству. А свои кто? Их студенты, наши декабристы, молодчики без страха и упрёка, чьи потомки беспощадно карали за слова и за мысли, уничтожали писателей не чета Коцебу. Вот и сам Мандельштам не уберёгся.

Коцебу был так бездарен, что любая рассказанная им истина сразу же становилась глупостью и пошлятиной. То ли дело лорд Байрон, который умел так написать любую глупость и пошлятину, что восхищённая публика обмирала от восторга и верила в истинность и святость любой национально-освободительной борьбы. Всё это сейчас называют левым дискурсом.

С русской театральной сцены Коцебу сошёл на сцену общественную, общественно-политическую. Коцебятина попёрла у нас изо всех щелей. Отвлечённые рассуждения о добродетели, пере-

сказанные громко и высокопарно религиозные и философские максимы. И всё это с удручающей, умопомрачающей сериозностью.

Здесь когда-то была истина, но над нею так поработали, что уже не признать, она что-то блеет как не по-русски. Перевели с немецкого, и плохо перевели.

Советские фильмы о борьбе хорошего с ещё лучшим - это коцебятина в беспримесном виде.

Если бы мировая литература 19 века пошла по пути классицизма, то, может быть, история 20 века была бы не такой страшной. Если бы Коцебу хоть немного таланта. Если бы талантливые писатели дружно взялись за защиту того, что, казалось, обречено историей. Если бы у бабушки были яйца...

Когда перо бессильно, за дело принимается штык. В 1945 году закончилась зандовская Германия и началась Германия Коцебу - спокойная, бездарная страна, на время раздробленная и, кажется, навсегда лишившаяся части территории. Теперь по ней бродят исламистские ибн-Занды.

На мангеймском кладбище у Коцебу хорошее место: писателю так и надо лежать, чтобы его не могли найти.

Проведя неделю в Германии, я возвращаюсь

в Россию. Долгая обратная дорога. Маркиз де Кюстин писал, что русские смеются, выезжая из своего отечества, и плачут, возвращаясь в него. Нынешние дороги такие, что и выезжая, и въезжая можно только материться.

Пора менять репертуар. И главное, чтобы не таким способом, как студент Занд.

Хватит нам коцебятины.

И зандовщины тоже не надо.

У любой самой скучной, самой бездарной пьесы должен же быть конец.

Только не убивайте писателей.

Кирилл Берендеев

ПСЕВДОНИМ КАК СИМВОЛ ВОЛЬНИЦЫ

...но под этой наружностью грубой
Гений высокий сокрыт.
Гораций

Многие люди считают свое имя не просто обозначением индивида, но уготованной судьбой. Это тысячелетнее суеверие проистекает из времен настолько давнопрошедших, что может считаться одним из первых в истории нашего вида. Неудивительно, что иные, мечтая переменить его, опасаются это проделать, памятуя о вышнем предназначении уготованного пути и гневе богов за подобную вольность. Как тут ни вспомнить судьбу Геракла, первого человека, обретшего псевдоним и жестоко за это, да и не только за это, поплатившегося. Мать новорожденного Алкида назвала его Геркулесом, то есть, угодным Гере, что ни в коей мере не спасло юного героя от гнева мстительной супруги Зевса. Как не остановило других, переменяющих свое поименование, а с ним, возможно, жизненный путь. Об исто-

рии псевдонимов написаны тома, но есть один интересный момент, как-то упускаемый исследователями. В одни времена прозвания известных писателей становились удивительно разнообразными, расцветая пышным цветом; как тут не вспомнить такие как Человек без селезенки или Ветер с гор, в другие же, напротив, оказывались банальными и невыразительными. В причинах подобного мы сейчас и попробуем разобраться.

Для начала посмотрим, откуда есть пошли псевдонимы. Наверное, первым, кто применил его в литературе, стал величайший ученик Сократа Платон. Подлинное его имя нам достоверно не известно, но Диоген Лаэртский утверждает, что его звали Аристокл (впрочем, он так же сообщал, будто Платон был зачат непорочно), а свое прозвище философ получил от наставника по панкратиону, древнегреческой борьбе без правил, входившей в корпус тогдашних Олимпиад, и означает оно "широкоплечий", попросту "здоровяк". Немудрено так именоваться олимпионику в самой престижной после поэтической дисциплине.

Однако, особой нужды в то время в псевдонимах не сыскивалось, имен в Древней Греции существовало множество, а за их придумывание никого не наказывали. Впрочем, предположе-

ние, что за всяким именем стоит своя судьба, человеком самостоятельно не выбираемая, но снисходящая от мойр, появилась именно тогда. Это в соседнем Риме с поименованиями дела обстояли скверно, шутка сказать, на все про все у гражданина республики имелось лишь пятнадцать дозволенных имен. Неудивительно, что при этом Марков, Луциев, Гнеев, Гаев и иже с ними жило превеликое множество, не спасали даже фамилии, ибо и их, особенно, родовитых, насчитывалось немного. От путаницы избавляли лишь прозвища, те самые псевдонимы, которые или родители давали детям или те сами себе придумывали в момент совершеннолетия, когда становились гражданами. Можно сказать, жизнь римлянам спасала их родная бюрократия.

Все переменилось с расширением империи и приходом христианства. Дозволенных имен стало заметно больше, добавились греческие и иудейские, а еще провинциальные, из завоеванных и романизированных территорий. Тогда проще всего было варварам, с их богатым фольклором и воображением, ибо, в отличие от обычных римлян, новым гражданам выходило послабление, пиши любой. Там мир обрел Иосифа Флавия, например, который изначально

звался Иосеф бен Матитьяху, тоже, можно сказать, псевдоним, но полученный волею судеб, проигранной Иудейской войны, в которой писатель был полководцем и фарисеем, и императора Тита, помиловавшего военачальника. Тем более, большинству новых граждан фамилию как раз придумывать не приходилось, давали императорскую, а потому Флавиев в Риме проживало миллионы.

В то время появился и так называемый коммерческий псевдоним, когда ученики известного писателя, философа или ученого публиковали свои первые труды под его именем - чтоб сделать первые шаги, а заодно отдать неоплатный долг учителю, теперь сидящего на их шее. Самым известным примером подобного является пифагорейская школа, вокруг которой до сих пор ведутся споры, что именно из работ принадлежало великому ученому, а что его менее прославленным ученикам. Можно помянуть и опусы последователей Гипатии, только недавно отделенные от прославленной александрийки. Что говорить о других трудах, особенно, апокрифических религиозных, их множество появлялось после каждого значимого трактата. Написание новых корпусов Библии естественным образом рождало подража-

ния и продолжения, да и сами книги, вошедшие в завет, переписывались, уточнялись и подправлялись по мере надобности. Достаточно сказать, что последние два абзаца Евангелия от Марка дописаны во времена императора Константина, возможно, даже самим самодержцем-язычником, а без них книга приобретает совершенно иной смысл и темп.

Те литературные псевдонимы, которые мы так хорошо знаем, пришли с времен Средневековья, когда литература естественным для религиозного мракобесия образом разделилась на дозволенную богоугодную и всю остальную, включая, разумеется, научные трактаты. Неудивительно, что первыми, кто стал брать себе новые имена для "неправедных" сочинений, становились как раз монахи, тем самым охотно расшатывающие основы догматов. Пример Эразма Роттердамского, обычно именовавшегося Герхардом Герхардсом перед нами. Можно помянуть о трубадурах и скоморохах, для которых разглашение собственно имени подчас означало немедленную казнь. Ведь их стихи много по кому из власть предержащих прошлись недоброй рифмой, как тут ни вспомнить знаменитую аквитанскую песню 11 в. "Видел я волка, лису и зайца", в которой под име-

нем этих животных высмеивались рыцарство, духовенство и сам король. Вот и прятались люди за прозвищами Рютбёф или Конон Бетюнский. А нам от них остались артистические псевдонимы, почти не изменившиеся с той далекой поры.

В дальнейшем в литературу стали просачиваться и женщины, начиная с времен Просвещения. Неудивительно, что для начала им приходилось обзаводиться мужскими псевдонимами, ну какой мужик вдруг станет читать слабый умом пол, не доросший даже до получения образования? Так появились писатели Жорж Санд и Джордж Элиот.

Но век девятнадцатый, коли о нем пошла речь, характерен не только этим. Литература постепенно вошла в журналистику, а газеты перестали быть только салонными и новостными изданиями, охватив куда большие слои населения, постепенно, по мере индустриализации, приучавшегося не только читать, но и думать. Неудивительно, что теперь писатели стали происходить из самых низших слоев. Первое многоцветье псевдонимов пришлось как раз на этот период, что неудивительно, журналистика тогда еще почиталась самым низшим из возможных жанров, а потому расположением общества не

пользовалась. Писателям, пришедшим в профессию, приходилось выкручиваться, а их фантазия ничем не была стеснена. В конце века публика любила все новое, ведь жизнь именно и по большей части именно новинками человечество и баловала. Фактически, все открытия, которыми мы по сей день пользуемся, все сколь-нибудь заметные изобретения были сделаны именно в то время, от скрепки до клавиатуры, от стиральной машины до фотоаппарата. Помогли подобному развитию и частые революции, освобождая не только тело от цепей, но и сознание от застарелых догм. Общество оказалось открыто новому, чем не преминули воспользоваться писатели, особенно, живущие в Российской империи. Впрочем, для них как раз все, освоенное Европой за прошедшие пару веков, являлось удивительным, тем больше имелось причин для полета безудержной фантазии.

Но прежде давайте разберемся, какими бывают псевдонимы, чтоб понять, какое перед нами раскрылось их множество. Приблизимся снова к родным палестинам, так будет привычней и наглядней. Литераторы брали себе новые имена сразу по нескольким причинам. О коммерческой я уже поминал, она как появилась две с поло-

виной тысячи лет назад, так и жива по сю пору. Труд литературных негров ни в те века, ни сейчас никто не отменял, ну а самым прославленным "помещиком" в этом смысле является Дюма-отец, на которого работали десятки журналистов, писателей и поденщиков. Он же стал едва ли не самым плодовитым и коммерчески успешным автором. Уступать может только другому титану - Вергилию, получившему поместье только за сообщение императору Августу о начале работы над "Энеидой". Еще бы когда так ценили нашего брата!

Следует помянуть еще и национальную причину, особенно для писателей из евреев, погромами которых славился 19-ый и особо начало 20-ого века. Впрочем, некоторые свою идентичность только подчеркивали: так никому не известный Соломон Рабинович стал самим Шолом-Алейхемом. Однако, чаще происходило обратное, осторожность, она превыше всего. Марк Ландау стал Марком Алдановым, Илья Файнзильберг - Ильей Ильфом, а журналист Абрам Борухович прославленным Гр. Адамовым, чьими произведениями зачитывался и автор этих строк. Имеются и обратные перемены, как ни покажется странным. Сын дворянина-эсера Даниэль Синявский

всегда подписывал литературные труды именем Абрама Терца - явный вызов системе, при которой декларация о равных правах народов СССР, если и соблюдалась, то далеко не для всех и всегда.

Но псевдоним - это, прежде всего, характеристика автора, внутренняя или внешняя, даже если он дается другим. Достаточно снова помянуть Платона или хоть Боттичелли - это тоже псевдоним, означающий "Бочонок". Чаще всего новое имя берется для замены менее благозвучного или слишком распространенного, сами знаете, как много у нас Ивановых, Петровых, Федоровых и Алексеевых, даже писателей. Или брат Катаева стал Петровым, дабы отличаться от старшего, в чем, безусловно, преуспел. Борис Стругацкий решил писать под псевдонимом С. Витицкий после смерти Аркадия. Случалось, что автор разделял сферы деятельности псевдонимом: историк Можейко оказался Киром Булычовым, а математик Венцель стала И. Грековой, что вполне логично. Или автор сих строк подписывал произведения именем Воронцов, ибо решил прославиться корнями.

В конце 19 века в Россию пришла вольница: после отмены крепостного права появилось много свободных людей, в том числе, желающих

проявить себя на литературной ниве. Количество читателей увеличилось в разы с начала века и продолжало стремительно расти. Журналы и газеты расходились на ура, но только не все хотели светить свое настоящее имя, - ну что за слава в издании под названием "Копейка", распространяемым среди бедноты, а вот заработок лишним не бывает. Многие уже состоявшиеся литераторы не чуждались строчить для подобных средств массовой информации и их приложений. Подобные материалы проходили часто без подписи, но некоторые изощрялись, и тому имелась причины: материалы были злободневные, острые, языкастые, так что общаться с цензорами оставалось главным редакторам и издателям. Вот и появлялись на свет фельетоны, подписанные то Фомой Опискиным, то Медузой-Горгоной, а на деле созданные Аверченко. Человеком без селезенки и Дяденькой - это уже Чехов. Перечислять можно бесконечно.

С течением лет цензура то ослабевала, то снова сгущалась, а публика, привычная к подобным подписям, едва ли не требовала продолжения. Немудрено, что к десятым годам 20 века под такими занятными прозвищами работали многие журналисты и писатели. Отчасти это позволяло

писать спустя рукава. Кто станет докапываться до какого-то Скитальца или Щена? Но прежде всего подобная подпись открывала перед читателем какую-то новую, порой, необычную особенность автора. Она могла быть одноразовой, только на данную статью, фельетон или их цикл, сами знаете, сколько у того же Чехова или Аверченко имелось поименований. Однако, обычно это еще и своего рода продолжение данной темы, эдакий изящный вензель, вишенка на торте, как обычно говорят в таких случаях. Чтоб человек, прочитавший забавный, острый фельетон, посмеялся еще и над подписью.

Подобная практика сохранилась и дальше, несмотря на смену власти в стране, а может, и благодаря ей. После военного коммунизма, когда все оказалось под запретом, пришел нэп, во время которого потрепанная боями с врагами внешними и внутренними Советская власть, разрешила еще одну свободу - печати - не шибко, правда, большую. Но многие воспользовались и этой отдушиной. Так появились Эмма Бовари (один из псевдонимов Булгакова), Старик Саббакин (Катаева), Назар Синебрюхов (Зощенко) и многие другие прочие. Конечно, теперь они могли появляться лишь в юмористических изданиях, и это

не только вольница бичевания, но еще и традиция, которой на тот момент уже насчитывалось больше сорока лет. Но как и всякий обычай, она быстро сошла на нет, уже в тридцатые все вышеперечисленные, кто еще оставался на свободе, писали строго под утвержденными псевдонимами или вовсе без них. Да, читать газеты тогда, верно, было чертовски интересно, столько маститых авторов писало для всех известных "Правд" и "Известий" - но только последнюю страницу, где они могли появиться с новым рассказом.

Власть укрепилась, цензура снова лютовала, а традиция, она отжила свое. Новый шанс у авторов сказать свое, а не дозволенное слово, появился к концу Советской власти, в 80-ые, когда гайки снова раскрутились, на сей раз безвозвратно. В редких малотиражных изданиях, чаще порнографических или эротико-фантастических еще можно было повстречать занятные псевдонимы, но это было исключение, подтвердившее окончательную смерть правила. Газетная и журнальная публикация обрела свою историю, а потому, если у кого поднимется рука подписаться чем-то остроумным, это приведет нас не к улыбке над потешной подписью, но к исторической аллюзии. Вот впечатление и окажется смазанным.

Уже в 90-ых это выглядело несуразным, ведь для налоговой все равно придется расшифровать псевдоним, заполнив кучу полей и столбцов, приложив справки и доверенности с подписями и печатями. Легкий слог не терпит казенности, а она, раз придя, если отступится от завоеванной ей области, то лишь на самое краткое время. Кроме того, сами издания ввели негласный запрет на особо воздушные псевдонимы, почитая их недостаточно солидными для их журнала, уповая на историю и былое прошлое, в котором подобное как раз дозволялось, но кто на это сейчас обращает внимание? Автор, помыкавшись по таким изданиям, начинает цензурировать подпись. Единожды был замечен писатель под именем Ветер с гор, но и он вскорости исчез с полок.

Тогда же на короткое время начали появляться женщины, пишущие под мужскими псевдонимами, произошел своего рода откат к маскулинным позициям в литературе, ибо как слабый пол может писать детективы или фантастику? Тут стоит вспомнить первые повести Светланы Тулиной, печатавшиеся под именем Пол Пауэрс, - разумеется, зарубежным, ведь это дань даже не моде, но необходимости почитать (в обоих смыслах) хорошую западную литературу, строжайше

запрещенную на долгие десятилетия. Даже главный редактор альманаха "Полдень" Светлана Васильева, что далеко ходить, в начале этого века писала романы, именуясь Кайли Брайт, еще тогда не схлынула эта потребность во всем иноязычном, не насытился ей рынок.

Но веяние технического прогресса вернуло псевдонимам их былую свободу. Я говорю об интернете, ставшим не просто средой неподцензурного общения, но площадкой для высказываний и публикаций: речь, конечно, о тогдашних форумах, недаром у них оказалось такое название.

В девяностые всемирная паутина еще не могла всерьез носить такого громкого прозвища, далеко не все слои общества, даже не все государства подключились к ней. Но дух свободы и вольный стиль изложения наличествовал. Можно было без страха перед вирусами ходить по сайтам, читать сообщения и статьи, оставляя послания состоящие не только из букв, но и символов, к ним прилагающиеся. Еще одно неожиданное достижение того времени - эмодзи, невербальные характеристики предложений, часто придающим их особую окраску или меняющим начисто суть. Они столь прочно вошли в наш быт, что даже в обычном тексте хочется поставить улыба-

ющийся или грустящий смайлик. Но пока автор себя пересиливает. Станет ли это традицией - посмотрим, а пока вернемся к псевдонимам.

Как и любая другая, сетевая свобода подарила возможность писать что угодно, и подписываться как угодно. Тем более, среда позволяла выкладывать не только и не столько новости, вести дневники, но и публиковать свои произведения любой длины. И тут проявился тот особый мир писателя, который может быть передан только через физический термин: его корпускулярно-волновой дуализм. С одной стороны, человеку всегда хотелось, чтоб о его талантах говорило как можно большее число людей, а с другой хочется отгородиться от подобного. А еще донести тот осколок внутреннего мира, который особенно подчеркнет произведения, придав им дополнительную окраску. Пожалуй, лучше всего это удалось блогам, с одной стороны это дневник наблюдателя, а с другой, кузница автора: только успевай читать новые поделки, соотнося их с происшествиями самого литератора. Как никто другой этим смог воспользоваться Сергей Лукьяненко, чей блог под именем Доктора Ливси не просто жив по сей день, но привлекает массу читателей и почитателей. И вроде бы автор

знакомый и знаковый, а дневник, ведущийся от лица псевдонима, безусловно, добавляет нотку обобществленной интимности, делая читателя едва не соучастником всего с автором происходящего. Ведь потребность делиться ежедневными переживаниями, она такая заразительная. И всегда похожа на написание нового рассказа, а порой едва не отделима от творчества.

С течением времени интернет-вольницу, конечно, начали обрезать, но она продолжала существовать и в первые два десятка лет этого века. Больше того, солидные новостные издания оказались вынуждены конкурировать с сетевыми, более верткими и подвижными, а после, перейдя в их формат, с явной мукой цитировать очередного "пользователя под псевдонимом", который обладал куда большими познаниями в данной области, нежели они сами. Вот и литературные журналы немедля обрели новый формат сетевого издания, став теми самыми "Копейками" былого, не всегда платящими гонорары, но активно распространявшими новую прозу. С ними вернулось и то многообразие псевдонимов, канувшее было в Лету двадцатыми годами. Чаще всего авторы публиковались в них под никами, которые завели прежде на форумах или своих

страничках блогов, а они выдумывались престранными. Издания того времени полнились самыми удивительными персонажами. Они и сейчас еще сохранились на порталах, открытых в конце 20 - начале 21 века, вроде приснопамятной "Прозы.ру" или "Самиздата", неудобные, арахичные, эти динозавры своего времени, видимо, уже доживают свои дни, а их авторы: всевозможные Енот-Пупырка, Иномерник, Ариосто - где они теперь?

Ныне мы наблюдаем закат этой пестроты, почти неизбежный. За три прошедших десятилетия с зарождения в кириллическом сегменте интернета сетевой литературы, она взошла, заколосилась и ныне приносит плоды, но уже совсем иным людям. За прошедшие годы цензура добралась и сюда, внимание государства стало необоримым, а с ним, с введением порядка, учета и налогообложения да всей прочей бюрократией, уходят старые традиции и былое разнообразие почти столь же естественно, как это случилось столетием ранее, и ровно по той же причине. Сетевое сообщество обрело свои традиции, свой устав, теперь уже официально закрепленный множеством документов, которые необходимо заполнить при регистрации, а значит та мно-

гоголосая ярмарка закрылась, уступив место привычному супермаркету с типовым набором, серьезным отношением, прописанным бюджетом и строками деклараций, обязательных к заполнению. Собственно, это можно заметить по знакомому сюжету, когда редакции сетевых изданий начинают цензурировать псевдонимы авторов, намекая на особое свое положение уважаемого журнала, на традиции и все прочее, через что мы уже проходили. И Гриборий Богданов, остроумно поменявший букву в имени, тем отметивший свою особость и неуловимую черту характера, снова оказывается банальным Григорием, неотличимый от прочих иных.

А ведь у любого человека есть множество имен, и официальное среди них далеко не единственное и порой не самое главное. Кого-то особенным образом зовут в детстве, он потом бережно сохраняет это имя, как прозвище Щен у Маяковского, кто-то придумывает себе псевдоним по имени, полученным от друзей или любимой. Кто-то выбирает его сам, сообразно мироощущению и осознанному месту во вселенной. Как бы то ни было, это всегда уникальное издание для того исключительного "я", которое существует лишь в данный момент времени и нигде более. Это и есть

то подлинное прозвание человека, на которое он и способен по-настоящему откликнуться, все иные, лишь костюмы, надеваемые по случаю, в которых принято ходить на работу, вечеринку, встречать и провожать. Наслоения луковой шелухи, за которой не видно самого главного. И это главное, прожив на свету недолго, снова от нас прячется в самой сердцевине человека. Надолго ли? Кто знает. Где появится? И это пока загадка. Но то, что явится миру, в том трудно сомневаться. Человек всегда найдет способ заявить о себе, каким бы экстравагантным и неожиданным он не был. Будем на это надеяться, и технологии нам в помощь.

Наталия НОВАШ

ЭССЕ О ПРИРОДЕ ПАМЯТИ

Память. Наша память. Она до сих пор остаётся загадкой — как для тех, кто с успехом изучает работу мозга и создаёт искусственный интеллект, так и для всех остальных. Нам ясно, что она есть. Но где? В мозгу? В мифической душе? Или в ещё более мифической ноосфере, витающей где-то за облаками в информационном поле космоса?

Нет, давайте без эзотерики! Каждый знает, что именно в нём самом живёт его собственная память. Правда, иногда кажется, что… не только его собственная… Откуда берутся прозренческие догадки, казалось бы, вовсе не основанные на той информации, которой мы обладаем сознательно? А основанные на какой-то другой, неизвестной нам информации, о которой мы только догадываемся? Откуда берутся сны, показывающие нам реальность, которую мы никогда не видели наяву? Или почему вдруг такие «сны» или фрагменты «снов», какие-нибудь яркие цветные картинки вдруг сами собой, помимо нашей воли возникают где-то в глубине сознания, на втором

плане, как бы параллельно нашему сознанию, и совершенно не мешая работе сознания в эту минуту. То есть мы находимся в здравом уме и совершенно осознанно включены в реальность, занимаясь какой-то работой или умственной проблемой, но при этом наше сознание словно хулиганит, занимаясь по своей воле ещё и таким «художественным творчеством», рисуя эти картинки?! Я называю это «сознанию захотелось порисовать».

Похоже, что наш мозг, как испорченный телевизор, начинает принимать трансляцию видеофильмов, тогда как его и не думали включать.

Но всё же это скорей не загадки нашей памяти, а загадки нашего творчества, наших творческих способностей. Хотя, казалось бы, как отделить одно от другого, как отделить творчество и мышление от собственно памяти?

Как отделить память от сознания?.. Впрочем, это уже совсем другая тема. Хотя в ней-то и самая суть!

Наша память не перестаёт нас удивлять — иногда шокирует и восхищает, показывая нам во сне что-то с такими потрясающими деталями, о чём мы, казалось, и думать забыли. А порой она

нас и по-настоящему пугает, если при встрече старого знакомого вдруг вылетает из головы его фамилия… Или если в разговоре о книгах автора, сто раз нами прочитанного, все сюжеты и герои которого вместе с его известной всем биографией давно у нас в голове, мы вдруг забываем имя самого автора.

Другими словами, бывает так, что комплексное видение всех запечатлённых в коре контекстов какого-то явления наш мозг прекрасно воспроизводит, визуализация многовариантного восприятия этого явления отнюдь не нарушена, а при этом название (определение) самого явления не всплывает в памяти…

Так в памяти могут жить яркие краски картин известнейшего художника, а само его имя вы вспомнить не можете. Но потом оно постепенно опять всплывёт в услужливой памяти… через какое-то время. Будто для этого что-то прокручивается в мозгу.

Порой забытое слово возникает само собой через час или день, словно подсознательная работа мозга поднесёт без всяких наших усилий нужную информацию на блюдечке.

В памяти что-то срабатывает! И тогда — слово всплывёт.

Или — не всплывёт… И не всплывёт ещё много раз.

И тогда — Альцгеймер?

Человек забывает всё больше слов и названий окружающих его предметов. Забывает свой дом и улицу и перестаёт узнавать даже самых близких людей.

Постепенно исчезает память. Потом исчезает разум, сознание. И наконец — сама жизнь. И не от того, что кирпич на голову упал или сосуд разорвался в мозгу. Или тромб в сердце.

И тут с очевидностью выстраивается цепочка.

Память. Разум. Жизнь. Три вещи, связанные в одно целое.

Но существует ещё и «четвёртое» — ещё один фактор, без которого не могут существовать все три. Не память, не разум, не жизнь.

О существовании этого фактора мне стало известно ещё в дошкольном возрасте.

В нашем саду, в моём далёком-предалёком детстве, стояла бочка с водой. Не железная или из пластика, где сейчас на дачах хранят водопроводную воду для полива и где вода портится, и в ней могут жить только комариные личинки.

Вода в той бочке из детства была дождевая, стекавшая с крыши в оцинкованные корыта во

время ливней. А потом её вёдрами заливали в бочку.

И воду в ней не меняли, потому что в моём далёком-предалёком детстве не требовалось ничего поливать в саду, климат был совсем другой. Вместо теперешних летних засух шли местные почти ежедневные дождички и нередко — проливные, дошедшие с моря ливни.

А сама бочка была настоящая — из дубового дерева, огромная и пузатая, выше меня и с железными обручами, опоясывающими её в нескольких местах, как делалось в таких настоящих, давно ушедших в прошлое, бочках. А ещё вокруг дома и сада росли огромные дубы, и осенью их пожухшую листву заносило в сад и на дно бочки. Возможно, дубильные вещества дубовых листьев делали воду целебной, экологически пригодной для жизни.

И в этой бочке у меня годами жили рыбки и маленькие рачки. Рачки были из забракованных по размеру и подаренных мне рыбаками за полной ненадобностью из-за непригодности в пищу. Рыбки — те попадали из озера в ведро с водой, которой собирались мыть машину. Я их за-чёрпывала из ведёрка стеклянной банкой и, трепетно прижимая банку к груди, чтобы вода не

расплескалась на заднее сиденье, везла домой и выпускала в бочку.

Вы скажете: что тут особенного? Рыбки живут дома в аквариуме хоть сто лет!

Да только бочка стояла в саду, а не в доме. А климат в годы моего да-лёкого-предалёкого детства, как я уже говорила, был совсем другим. Зимой были морозы. До тридцати. Вода в бочке замерзала до самого дна и превращалась в огромную, слегка выглядывавшую наружу ледяную глыбу.

И я всегда думала: а как же там рыбки?

А рыбкам было хоть бы что.

Весной лёд таял, и рыбки оживали.

Эти рыбки и маленькие рачки сохранялись во льду не просто живыми — они сохраняли все свои навыки, разум, какой там он у них есть, и сохраняли память о том, как жить в бочке. Когда я, забравшись на чурбак, стоявший у её основания, наклонялась к воде, они тотчас выплывали из глубины и хватали белые крошки, которые я им бросала, а рачки, наоборот, поскорей прятались от меня в темноту, зарываясь в дубовые листья на дне бочки.

Меня это, конечно, очень удивляло. Ведь даже ребёнок знает, что птица на сильном морозе, превратившись на лету в ледышку и упав на

землю, больше уже не оживёт. Так же, как и человек. В отличие от рыб и раков, мы не можем существовать без тепла. Вне тепла. На то мы и теплокровные.

В отличие от прочих — холоднокровных вроде рыб и раков.

А чем мы ещё отличаемся от них?

Разумом. Тем, что у нас есть разум. Как у собак или кошек, они тоже теплокровные.

Следовательно, и разум, и память, и сама жизнь у нас устроены по-другому. Не так, как у странных существ, которые могут замерзать и оттаивать.

А как? Как устроена наша память?

Сложно. Но ещё и так, что ей необходимо тепло.

Об этом я не уставала думать всё детство и всю юность… Потому что, если что-нибудь в нас закладывается в самом раннем-прераннем детстве, это остаётся в нас на всю жизнь. В человеке живут самые страшные и агрессивные комплексы, если ребёнок был чем-то напуган. Или обижен, или, наоборот, в нём с самого детства — только восторг и любовь к чему-то, чем он был восхищён. Например, любовь к своей маме, остающаяся с нами всю жизнь. Или интерес к тому, что заинтересовало в самом раннем возрасте. Это будет

сидеть в твоей памяти и не покинет тебя всю жизнь. Это будет, как нарывающий палец, о котором невозможно забыть, если он нарывает… и не думать о нём нельзя! А если с возрастом не исчезают возникшие в детстве вопросы и есть ещё что-то такое, что думает с детства помимо тебя над этими вопросами, и ты не знаешь, как это помимо тебя самого происходит… Результат один и тот же! Ты не можешь не думать.

Вот и я думала обо всём этом, пока не окончила школу и на первом курсе мединститута написала статью об одном из возможных механизмов памяти у теплокровных.

Именно у теплокровных, в том числе у человека. И гипотезу не о рыбьей памяти, а памяти человеческой — нашей памяти, которая, как и мы сами, не может существовать без тепла. И где механизм сохранения информации — вовсе не такой, как у рыб! Механизм нашей памяти динамический, и он прекращается без притока тепла. Но механизм этот и не такой как у искусственного интеллекта, хотя и тот не работает без притока энергии — без электричества.

В общем, опять-таки: каковы мы сами, такова и наша память. И мы, и она исчезаем из этого мира без притока и генерации нами тепла…

А что такое тепло?

Это, как известно, всего лишь физическое явление. Тепло — это внутренняя энергия тела, пусть даже обусловленная кинетической энергией движущихся атомов, но данная нам в ощущениях как некое «тепловое поле». Электрическое поле можно определить как пространство, в пределах которого существуют или проявляются электрические явления. Магнитное поле — как пространство, характеризующееся проявлениями магнетизма.

А с точки зрения простого наблюдателя, «тепло» тоже можно определить как «поле», то есть пространство, где его внутренняя энергия проявляется тепловыми явлениями. А с другой стороны, чисто научной, тепло — это излучение электромагнитных волн, в основном инфракрасного спектра.

Поэтому, даже не по аналогии с электроном, а по аналогии с нашим восприятием двойственной природы электрона, который в представлении физики тоже — то волна, то частица (и даже ещё сложнее — и частица, и волна одновременно), мы можем сказать, что и память наша существует в такой двоякой форме. В виде дающего нам жизнь тепла и в виде инфракрасных волн. Разумеется,

не просто волн, а таких, которые несут информацию… А точнее — колебаний инфракрасного излучения, промодулированных несущими информацию электрическими импульсами, идущими от органов чувств сначала в кору головного мозга, где происходит их первичная запись. А потом «волны памяти» циркулируют по замкнутому кругу в структурах нашего мозга.

Циркулируют, пока мы живы, пока в нас генерируются и циркулируют тепловые волны… И из этого вечного движения нашей памяти возникает и наше сознание…

Сознание?

И где же оно? Как понять, что такое сознание?

По аналогии с тем, что такое движение.

А движение возникает только тогда, когда есть чему двигаться.

Иногда мы легко можем определить «что двигается». К примеру, наши руки-ноги. Это несложно. А что такое движение? Как ЕГО определить — сказать не так просто. И даже невозможно. В применении к нам самим позволительно будет сказать: «движение — это жизнь».

Ну и что мы поняли?..

Поэтому не так важно сначала назвать, ЧТО на самом деле двигается. Мысли. Нейроны. Или код,

создаваемый их электрической активностью.

А вот назвать в данном случае причину движения — несущую силу — мы можем. Это инфракрасные волны. И от этого уже плясать.

Вот об этом я написала статью на первом курсе.

Как написала, так и забыла. Потому что хорошо понимала, что наука ещё не достигла такого уровня, чтобы подтвердить или опровергнуть мою гипотезу. Нет у неё пока для этого ни суперсовременного микроскопического инструментария, ни соответствующих методов исследования.

Вспомнила я о своей статье через много лет, когда редактор журнала перестал принимать мои фантастические рассказы (о которых даже мой сын говорит: «Ой, только не эта твоя оголтелая политика…»). Да! Смесь оголтелой политики с такой же невообразимой (ей под стать) фантастикой — смесь гремучая! И вполне обоснованы опасения редактора, что читатель такое принимать не станет. Однако поживём — увидим. Наша реальность уже изменилась так, что в ней происходят совершенно невероятные, бессмысленные и невообразимые ещё вчера гибридные войны! Думаю, в будущем нас ожидает и не такое! Нас ждёт ещё более «оголтелая гибридная»

действительность, а поэтому и сама литература не может не стать гибридной. И к подобному будущему стоит готовиться с помощью именно такой — «гибридной литературы».

Да только с редакторским «Don't», как и с Трампом, в отличие от Байдена, не поспоришь. И мне следовало переключиться от неприемлемой пока гибридной литературы на что-то совсем другое, ведь голову, как известно, нельзя оставлять без работы — не работать она не может. Потому как иное — чревато… И я решила хотя бы набрать на клавиатуре свою давнюю студенческую статью и превратить её в эссе.

Статья не была издана в сборнике студенческих научных работ. К слову, была у меня и другая статья, опубликованная. Там я тупо, вручную считала погрешности и коэффициенты корреляции. Потому что в те далёкие времена о компьютере не мечтал никто, но мой папа-математик научил меня вычислять всё по формулам. К тому же, статистический материал был невелик. Тем не менее доходили слухи, будто на кафедре кто-то считал, «что это почти кандидатская». Тема тоже была интересная, хотя и в подмётки не годилась загадке природы памяти! Речь шла о выявлении так называемых сцеплённых генов

у алкоголиков. В сущности, это была обработка статистического материала, собранного студентами. То бишь, можно ли найти генетически обусловленные признаки — вроде группы крови, размеров черепа, или показателей кислородного обмена –и как-то связать их с алкогольной зависимостью. Ха-ха-ха.

Но я отвлеклась. И хотя моя статья о памяти отнюдь не укладывалась в «кандидатскую», а просто прошла как доклад на заседании СНО психиатрии, там всё-таки были схемы и примитивные чертежи. Можно ли совместить такое с форматом эссе?

Да вот только как обойтись в тексте хотя бы без той же, необходимой для понимания, шкалы электромагнитных колебаний, где важна именно микроволновая часть спектра?

Или — как обойтись без примитивной картинки мозга, где друг против друга расположены два мозговых полушария, рабочее и исполнительное, в коре которых фиксируется информация, приходящая от органов чувств (и где два одинаковых полушария напоминают два свитка Торы и как бы между ними — полушариями — находится огибающий их гиппокамп, выглядящий, как отрезок пергамента с текстом между двумя

свитками)? Ведь именно в гиппокамп, который связывает между собой оба полушария, приходит из кортикального наружного слоя полушарий уже зафиксированная там информация? Она приходит в виде электрической активности нейронов коры, и в гиппокампе из этих импульсов создаётся код, которым и модулируются проходящие через гиппокамп инфракрасные волны. Те самые тепловые колебания, несущие информацию во все структуры мозга, в том числе и обратно — в кору, уже для воспроизведения информации при воспоминании! Волны памяти, несущие её по извечному замкнутому кругу. Вечно и всегда, пока мы живы. Пока в нас генерируется тепло.

Такова схема существования нашей памяти в структурах мозга.

Но нельзя обойтись и без того, что навело меня на эту мысль — без схемы ртутной трубки задержки, использовавшейся в запоминающих устройствах ЭВМ самого первого поколения — схемы, которая как бы символически, по аналогии, поясняет механизм «волновой» памяти в структурах нашего мозга.

С этого я и начинала свою статью.

Только ведь и эта безумная, с первого взгляда, мысль об этой самой, давшейся мне, «ртутной

трубке» тоже впендюрилась в мою детскую голову ещё «во времена рыбок». Но произошло это только уже классе в пятом, когда в гости к нам приехала дедова племянница из Франции. Она была, пожалуй, постарше моей мамы, но, как и все иностранцы для советского человека, представлялась мне какой-то загадочной — по-осо-бенному молодой и красивой, всегда улыбающейся, блестящей европейской женщиной. Приехала она на своей машине, что тоже было в новинку для тогдашней совдепии. Но меня удивило не то, что она одна приехала за рулём через границу, а то, что дома, в Руане, она так же каждое утро ездила на машине на работу в Париж, где, будучи математиком, работала на ЭВМ. В начале шестидесятых для всех в СССР подобные поездочки и такая работа представлялись чем-то невиданным и по заграничному невероятным. А главное, я очень хотела понять, что же такое ЭВМ.

Мне объяснили, что электронно-вычислительная машина — это как телевизор, только с памятью, и можно в любой момент делать расчёты, смотреть любые фильмы и читать любые книги.

Про телевизор я уже знала. Можно сказать, с

пелёнок помнила что-то вроде ящика, больше похожего на фонарь, сделанный самим моим папой, где мелькали головы красиво подстриженных тёток с пышными причёсками. Потом я ходила в бабушкину половину дома смотреть купленный телевизор, похожий на огромную деревянную тумбу со стеклянным экраном вместо дверцы, где показывали уже не только головы дикторов.

А скоро в Минске заработал завод, выпускавший более современные телевизоры в более плоском пластмассовом корпусе. А так как все вокруг воровали, то можно было по дешёвке раздобыть детали, из которых многие знакомые сами собирали телевизоры. Мода такая была тогда в Минске. Собрал и мой папа, целых два — и для бабушки с дедушкой, но они не хотели отказываться от своей деревянной «тумбочки».

Уяснив, что ЭВМ — это почти телевизор, только с огромной пристройкой из разных радиодеталей, обеспечивающих память, я стала спрашивать, как же эта память работает. И услышала про разные виды памяти.

Но больше всего мне понравилась ртутная линия задержки, где в трубке, заполненной ртутью, постоянно бегают из конца в конец ультразвуковые колебания, которые и сохраняют нужную

информацию.

А так как голову мою занимали всё те же рыбки, сохранявшие во льду свою память, я решила, что нет!.. Такая память, которая размещается в огромной электрической машине и не работает без электричества, не годится для моих рыбок.

И вдруг я вспомнила, как совсем недавно взрослые обсуждали Нобелевскую премию, присуждённую за изучение строения ДНК, которая отвечает за генетическую память в каждой нашей клетке, и эта особая разновидность белка есть у всего живого. В том числе и у рыбок. И я решила, что именно такая химическая память подходит для их крошечных головок.

А у человека с его огромным мозгом, кроме ДНК, должно существовать ещё что-то, хранящее нашу память — возможно, по принципу огромной ЭВМ с её ртутными трубочками.

И как раз в те годы папа стал переводить мне с английского интереснейшие детективчики Агаты Кристи, из которых я знала про умные «серые клеточки» Пуаро, и мне пришло в голову, что в жидком содержимом каждого нейрона могут бегать какие-то особые волны, переносящие и хранящие нашу память.

Первые ЭВМ, как и компьютеры, широко приме-

няемые в настоящее время, были созданы по типу предполагаемых моделей мозга. Подобно тому, как считалось, что в мозгу запоминание производится определёнными группами нейронов, так и в древних электронно-вычислительных машинах запоминающими устройствами являлись группы радиоламп, потом — сердечники с различным намагничиванием и пр.

Теперь создатели ИИ идут дальше и предлагают всё новые модели компьютеров, основанные на записи информации в электромагнитном поле (ЭМП). Если ещё более совершенные их модели будут созданы, они будут идеальны в том смысле, что при минимальном объёме смогут хранить и обрабатывать невообразимо огромное количество информации, сравнимое с объёмом человеческой памяти.

Но если этот способ хранения информации — наилучший в природе (в технике), почему бы не предположить, что мозг тоже работает на этом принципе, что память человека (по крайней мере, долговременная) также основана на хранении информации в ЭМП? Почему бы биологам не позаимствовать модель мозга у кибернетиков? И вообразить новый принцип работы этой модели.

Ведь, по большому счёту, ни навороченная

компьютерная томография, ни энцефалография (запись электрической активности мозга) ничего нам не говорят на самом деле о том, что происходит, когда мы думаем, вспоминаем и фантазируем! Отклонения энцефалограммы лишь сигнализируют о том, что в мозгу есть либо некая повышенная активность, либо какая-то грубая патология и её следствие — например, эпилепсия.

И всё!

Нет, конечно, известен сейчас и электрический механизм памяти — мы пытаемся изучить, как в зонах коры происходит запоминание информации с помощью нейронных электрических импульсов, идущих от органов чувств. Знаем мы и о «химической» памяти. О том, как в синапсах мозговых клеток выбрасываются наружу — в эту синаптическую щель — коктейли различных нейромедиаторов, а те воздействуют на рецепторы множества контактирующих между собой отростков нейронов и создают тем самым особую информационную картину нейронной активности! Создаётся образованный нейромедиаторами код — ключ «из конкретной информации», который уже может быть сохранён в какой-то определённой зоне коры. Но это не есть долговре-

менная память. Каждая такая зона коры хранит конкретную информацию не только потому, что в этих зонах происходило запоминание (фиксация информации, обучение), но и для того, чтобы в любой момент в этих зонах могло происходить воспроизведение нужной информации, извлечение её и сравнение с памятью… Сравнение с тем, что сохранено в нашей памяти.

Но где находится эта память? Где хранится то, с чем сравниваем мы извлекаемое из памяти и пытаемся одновременно определить — «правильно мы вспомнили» или ошиблись… Замкнутый круг. Другими словами, речь не о трёх видах памяти, как это принято сейчас считать. Не о том, что называют «непосредственным отпечатком сенсорной информации», «кратковременной памятью» и «долговременной памятью», природа записи которых электрическая либо химическая.

На самом деле это всего лишь три вида запоминания — три механизма записи и воспроизведения информации. Потому что никакая бесконечно длящаяся циркуляция электрических импульсов и никакое количество вновь и вновь вырабатываемых в синапсах нейромедиаторов не способны хранить до нашей смерти всё то, что мы запоминаем в течение нашей жизни.

На это не хватит ни 150 миллиардов нейронов, ни в несколько раз большего числа отростков этих нейронов, которые многократно контактируют между собой. Не хватило бы ни глюкозы, ни кислорода, создающих энергию — ни для хранения того, что уже зафиксировано в коре вышеупомянутыми механизмами, ни для сохранения того, что продолжает «запоминаться», заполнять нашу память каждую новую минуту жизни… Память, которая бесконечна!

В настоящее время существует точка зрения, что объём человеческой памяти практически не ограничен. Человек, скорей всего, запоминает всё, хотя воспроизвести может гораздо меньшую часть запомненного, и то с большими трудностями. И только при нейрохирургических операциях, в состоянии гипноза, во сне или при определённой психической патологии может воспроизвести любую информацию, которая хранится в мозгу. Неограниченность объёма человеческой памяти, стопроцентное сохранение всей информации, когда-либо поступавшей в мозг, подтверждается и примером, который приводил знаменитый психиатр Э. Крепелин (неграмотная крестьянка во время болезни вдруг заговорила на чужом языке, который «не знала»

и только слышала случайно в детстве).

Итак, где, в чём может храниться такой бесконечный объём нашей памяти?

Как и по аналогии с природой ИИ будущего — только в электромагнитном поле.

Но что является материальным носителем информации, и как обеспечивается кодирование у теплокровных?

Начнём с истории. Ещё в двадцатых годах прошлого века в скептически принятых опытах А. Г. Гурвича было показано, что растения излучают ультрафиолет, и что ЭМП присуще любой живой клетке. Опыты не нашли продолжения, но позднее установили, что живая ткань действительно излучает ультрафиолет, и доказали информативность излучения клетки. Если микробная клетка находится в состоянии митоза, излучаемая энергия содержит информацию о делении. Если клетка заражена культурой вируса и находится в состоянии гибели, то резкий скачок ультрафиолетового излучения, содержащего соответствующую информацию, вызывает мгновенную гибель здоровых — соседних клеток другой культуры, отделённых кварцевым стеклом, которое надёжно защищает от вируса.

Таким образом, каждой живой клетке присуще

ЭМП и информационность излучаемой энергии.

Нейрон же — наиболее специализированная клетка теплокровных, и именно она в процессе эволюции всегда имела самое непосредственное отношение к информации, поступающей извне. Нейрон, как и мозг в целом, потребляет намного больше энергии, чем остальные органы, и именно его специализация шла в направлении создания ЭМП и использования инфракрасной части его спектра для записи информации.

Способность генерировать и использовать инфракрасную часть ЭМП развивалась в процессе эволюции живого и гипертрофирована именно у теплокровных, а особенно у человека, в мозгу которого — самый развитый и совершенный механизм терморегуляции.

Он нарушается к старости, вызывая в климактерическом возрасте приливы жара, а потом — ознобы у постоянно мёрзнущих стариков, что сопровождается потерей памяти и угасанием всех когнитивных способностей с наступлением всё более преклонного возраста. Быть может, учитывая всё это, и стоит изучать природу болезни Альцгеймера?

Особенностью природы мозга является не только повышенное потребление глюкозы и кисло-

рода (энергии), но и следствие этого — особенная чувствительность к асфиксии по сравнению со всеми другими тканями тела. Мозг можно оживить, то есть восстановить его функции, только в пределах 8 — 10 минут после клинической смерти. Тогда как весь организм после успешной реанимации может жить в искусственно поддерживаемых условиях целые годы, но существовать будет «живой» труп, лишенный памяти и всех умственных способностей.

Человеческое тело выживает, а личность умирает. Живёт и сам мозг, некроза не наступает, а вот функции его — потеряны.

Если отбросить всё, что мы знаем о мозге, и взглянуть на него с какой-то иной точки зрения, с точки зрения неспециалиста, просто как на кусок ткани (подобно всем другим — мышечной, соединительной, костной), то мозг производит впечатление однородной желеобразной массы, а точнее, среды.

С физико-химической точки зрения мозговая ткань приближается к состоянию геля. То есть, говоря отвлечённо, мозг — это среда, в которой существует ЭМП, обеспечивающее память, разум, мышление, сознание.

Разумеется, для существования ЭМП среда не

нужна, оно может существовать и в вакууме. Но в живом среда нужна не только как нечто, породившее это ЭМП, не только как источник энергии, необходимый для его существования, но и для торможения — задержки электромагнитных колебаний, как это происходит в «ртутных линиях задержки», где ртуть использовалась подобным образом для циркуляции и торможения несущих информацию звуковых колебаний, — в запоминающих устройствах ЭВМ первого поколения. В трубке, заполненной ртутью, для кодирования информации также использовались колебания, но только звуковой частоты.

Итак — схема работы ртутной трубки задержки.

Вспомните схему замкнутого электрического контура, который все мы когда-то рисовали на уроках физики. Представьте зрительно вытянутый в длину прямоугольник и две его длинные параллельные друг дружке стороны, верхнюю и нижнюю. Они соединяются по бокам двумя вертикальными сторонами этого прямоугольника. Представьте, что верхняя горизонтальная сторона прямоугольника — это и есть железная трубка, заполненная ртутью и закрытая по концам кристаллами кварца, а внутри трубки от одного её

конца к другому распространяются ультразвуковые колебания. Они и являются носителем информации. Сама же исходная информация изначально представлена в виде комбинаций электрических импульсов постоянного тока. Через специальные переключатели она поступает на возбудитель и превращается в высокочастотные импульсы, которые подводятся к кристаллу кварца на левом конце трубки. Под действием этих импульсов в кристалле кварца возбуждаются механические колебания той же частоты (прямой пьезоэлектрический эффект), которые распространяются внутри трубки. Достигая её противоположного конца, они воспринимаются кварцевой пластиной и преобразуются в колебания электрического тока (обратный пьезоэлектрический эффект).

С помощью детектора эти колебания превращаются в комбинации электрических импульсов постоянного тока, такие же, какие были на входе, но только сдвинутые во времени.

Эти импульсы усиливаются и через электронные переключатели вновь подводятся к возбудителю, и таким образом обеспечивается непрерывная циркуляция импульсов, несущих определённую информацию в замкнутом кон-

туре.

Наверное, я могла подробно описать, где находятся все эти важные структуры — переключатели, возбудитель, детектор и усилитель в этом замкнутом контуре. Но читателю эссе, а отнюдь не читателю научной статьи, станет скучно, и он просто бросит читать. Поэтому я скажу только самую суть. А она заключается в том, что в моей статье рядом с этой схемой ртутной запоминающей трубки была нарисована ещё одна такая схемка — «мозговая схемка», ещё один замкнутый контур по аналогии с первым. И в нём на верхней горизонтальной стороне прямоугольника вместо ртутной трубки — нейрон коры, где происходит запись информации посредством электрических импульсов (и также — считывание, воспроизведение). А на нижней стороне контура в роли «усилителя» находится нейрон ретикулярной формации, где электрические импульсы могут преобразовываться в инфракрасные колебания (ИКК). Или, возможно, электрические импульсы здесь только усиливаются и одновременно генерируются ИКК. Ведь ретикулярная формация — это, так сказать, энергетический орган нашего мозга. Она будит нас, активируя деятельность мозга после окончания сна и в целом — отвечает

за энергетику. Так что здесь, в нейронах ретикулярной формации, скорей всего, усиливаются электрические импульсы и генерируются ИК колебания. А сама модуляция ИК колебаний несущими информацию электрическими импульсами — химическим или электрическим «информационным ключом» — будет происходить в гиппокампе.

И ещё важный момент. Две вертикальные стороны прямоугольника в замкнутом контуре нашей второй («мозговой») схемки — это вертикальные связи, «белое вещество» нашего мозга, так называемая глия. Она представляет большую часть объёма мозга. Эти длинные «белые» волокна — отростки нейронов (аксоны и дендриты) обеспечивают связи нейронов коры с нейронами ретикулярной формации. А если сказать образно, несут волны нашей памяти по замкнутому кругу во все мозговые структуры.

Таким образом, как и в «ртутной трубке», так и в замкнутом контуре мозговых структур, образованных «серым» и «белым» веществом нашего мозга, информация будет храниться в течение того времени, пока будет обеспечиваться непрерывная циркуляция импульсов, содержащих эту информацию.

Основным недостатком запоминающих устройств на «линиях задержки» является периодическая система (способ) выборки информации из устройства. Сохраняемые данные могут быть получены лишь в момент прохождения соответствующих сигналов через усилитель (ретикулярную формацию). Таким образом, при считывании (воспоминании) необходимо ждать, пока информация дойдёт до конца трубки. То есть — пока импульс пройдёт весь путь от кортикального слоя до ретикулярной формации. А потом и обратно. Время поиска данных в такой системе равно полному времени прохождения волн вдоль такой линии.

Напрашивается аналогия с механизмом воспроизведения в нашей памяти. Нам требуется какое-то время, чтобы вспомнить. В одних случаях это происходит мгновенно, в других требуются большие усилия, и у каждого из нас это происходит по-разному. Индивидуально.

Оценим ориентировочно количество информации, содержащейся в ртутной линии задержки (расчёты опустим). При длине трубки 1 м, скорости распространения ультразвука в ртути 1000 м/сек и частоте УЗ колебаний 10 МГц — количество импульсов вдоль трубки будет равно 1000.

Если при соблюдении тех же условий использовать в качестве носителя информации волны более высокой частоты — т. е. электромагнитные колебания, то можно значительного уменьшить размеры линий задержки и увеличить количество хранимой в них информации.

Для внутриклеточных размеров, то есть внутри живой клетки, может существовать только излучение, расположенное на шкале электромагнитных волн в диапазоне от 1 мм до 10 мкм, то есть, электромагнитное излучение, занимающее участок этой шкалы, включающий микрорадиоволны, инфракрасные, видимые световые и ультрафиолетовые колебания.

Но для размеров и свойств нейрона подошли бы частоты на шкале электромагнитных волн в виде микрорадиоволн и инфракрасных колебаний. Представить существование в мозгу световых или более жёстких волн (особенно рентгеновских лучей, гамма-излучения) очень трудно. Радиоволны же (кроме микрорадиоволн) обладают слишком большой длиной волны, чтобы представить генерирование их в клетке. Хотя… есть очень интересный кусочек диапазона на шкале ЭМК, от 1000 мкм до 10 мкм, где радиоволны одновременно являются инфракрас-

ными. Следовательно, такое излучение может обладать некими общими свойствами — то есть микрорадиоволны могут генерироваться подобно инфракрасным в теле человека, и при этом такие инфракрасные колебания смогут распространяться на дальние расстояния подобно радиоволновому излучению.

Инфракрасные колебания являлись бы очень удобным носителем информации внутри клетки, внутри мозга. Тогда отпал бы вопрос о каких-либо генераторах, всего лишь какая-то более нагретая часть нейрона могла бы служить источником инфракрасных колебаний.

Мы уже говорили о том, что хранение информации в виде постоянно циркулирующих электрических импульсов, как и с помощью нейромедиаторов, энергетически невыгодно. Но особенно трудно обеспечить именно «хождение», их непрерывную циркуляцию. Для серий импульсов должен существовать какой-то восстановительный механизм. Применительно к электрическим импульсам это трудно. Генерирование же ИК колебаний у теплокровных просто. Излучать может какой-то элемент клетки. Например, весь аксон — теплоизолирован, и только кончик — излучатель. Эту же роль может играть

и выделение тепла при химических реакциях в синапсе.

Поэтому куда выгоднее представить, что не электрические импульсы являются хранителями информации, а ИК колебания, промодулированные этими импульсами. С этой точки зрения можно даже предположить, что процесс кодирования может идти не обязательно в ретикулярной формации и гиппокампе, он может происходить уже в нейронах коры, одновременно с записью информации.

Электроимпульс несёт информацию о внешнем мире. Он существует мгновение, в течение которого способен и запечатлеться в нейронах коры как «непосредственный отпечаток сенсорной информации», и про-модулировать инфракрасные колебания, генерирование которых необычайно просто и не требует больших затрат. При дальнейшей постоянной циркуляции роль усилителя колебаний будет играть и ретикулярная формация.

После этого импульс может затухнуть. А ИК колебания, уже промо-дулированные им и, следовательно, содержащие информацию, циркулируют внутри контура и генерируются вновь и вновь. Тут контуром может быть изначально и

один нейрон, и вся структура головного мозга.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что огромная частота ИКК допускает, что контуром может быть и сам нейрон, то есть что информация хранится интранейронно. Генерирование, модулирование и постоянная циркуляция обеспечивается его внутренними структурами. Нейрон является линией задержки, а синапсы — генераторы инфракрасных колебаний.

Предполагая другие варианты, надо признать, что многочисленные горизонтальные связи между нейронами коры создают единый мозговой контур, обеспечивающий дублирование информации, так что соблюдается основной принцип голограммы. И потому, собственно, Лешли, обучавший крыс прохождению лабиринта, а потом разрушавший различные участки коры, не добился нарушений памяти. Ему так и не удалось выяснить, в каком из участков коры хранилась информация о том, как следует проходить лабиринт. Создавалось впечатление, что память об этом распределена по всему мозгу. Любой участок коры, подобно голограмме, хранит память о том, как находить выход из лабиринта.

Главный же «мозговой контур» в широком смысле скорей образован вертикальными связя-

ми, то есть связями с ретикулярной формацией, а также с подкоркой и другими структурами — мозжечком, продолговатым мозгом.

Итак, в целом возможна такая схема. Сам нейрон вместе с синапсами играет роль генератора ИК колебаний, усилителя, а также возбудителя. Линией задержки служат длинные отростки нейронов, образующие вертикальные связи с подкоркой и ретикулярной формацией. Однородная среда нервного волокна способна обеспечить необходимую задержку электромагнитных волн, а достаточная длина — хранение большего количества информации, чем внутри нейрона.

Такая точка зрения опровергает утверждение, что память и мышление обеспечиваются только корой, хотя и не противоречат тому факту, что при разрушении коры мышление отсутствует. Разрушая кору, мы разрушаем все контуры — все системы, обеспечивающие циркуляцию

ИК колебаний внутри всех этих контуров. Наступает состояние, которое называют декортикацией. И внешне будет казаться, что, разрушая кору, мы уничтожаем пресловутое «серое вещество», высший продукт эволюции — само мышление.

Даже если нейрон играет роль генератора ИКК,

даже если он участвует в записи, обработке и считывании информации, неверно считать, что кора — основа памяти и мышления, как нельзя выделять главные и неглавные элементы в замкнутом контуре. Не исключено, что «белое вещество» мозга является тем субстратом, в котором, упрощённо говоря, содержится информация, составляющая человеческую память!

Что можно привести в подтверждение этой гипотезы?

Во-первых, это чрезвычайно тонкая терморегуляция, превалирующее значение постоянства температуры тела для человека — и наступающая декортикация (стирание памяти) и смерть после 42 градусов по Цельсию. Если у ребёнка грудного возраста длительно высокая температура, то впоследствии у него формируется умственная недостаточность. Такое часто бывает последствием менингита. При высокой температуре может происходить нарушение модуляции несущих информацию инфракрасных колебаний совсем другими ИК колебаниями — большей амплитуды и частоты (аналогично стиранию в магнитофоне). Или в целом нарушается система генерирования и циркуляции ИКК.

Во-вторых, есть данные, что при лечении

менингита, энцефалита успешно применялся красный лазер. Существует антагонизм между красным и инфракрасным светом, и возможно, что облучение антагонистичным красным светом сглаживает эффект избыточного теплообразования.

Эта гипотеза может объяснить, почему, например, утром легче вспоминается то, что мы пытались запомнить накануне вечером.

При нашем механизме записи происходит постоянное обновление циркулирующей в мозговом контуре информации. Происходит её постоянная перезапись. Когда мы запоминаем большое количество информации, амплитуда ИК колебаний может быть недостаточной. Увеличение амплитуды происходит ночью, когда мы не заняты новым запоминанием, и образующаяся в ретикулярной формации энергия идёт не на запись новой информации, а на «усиление» старой. Амплитуда поступающих на «перезапись» колебаний увеличивается, и в результате на следующее утро память становится прочнее.

И если «под занавес» наших рассуждений всё-таки обратиться к эзотерике, следует вспомнить о том интересном участке на шкале электромагнитного спектра, где идёт перекрест радиоволн

и инфракрасных колебаний (между 1000 мкм до 10 мкм). Возможно, волны с такой амплитудой обладают некоторыми общими свойствами — и свойствами радиоволн, и свойствами инфракрасных колебаний одновременно. Короче говоря, это особые «гибридные» волны! Почему бы эзотерикам не ухватиться за подобную идею? Ведь совсем не исключено, что Мессинг, угадывая мысли испытуемого, брал его за руку именно для того, чтобы, благодаря своим «экстрасенсорным способностям» уловить «гибридные» волны человеческих эмоций. Ведь, оказываясь на сцене рядом с великим Мессингом, испытуемый невольно волнуется. Он потеет от волнения, краснеет, его может даже бросить в жар, а значит, его терморегуляция нарушается. И… амплитуда ИК может меняться, и в его мозговом контуре бегают уже «гибридные» инфракрасные колебания, обладающие благодаря своей «гибридности» свойствами РАДИОВОЛН!

И что тогда?

Ну, надо же хотя бы под завершение полунаучного текста подкинуть читателю хоть одну эзотерическую идейку!

НАУКА

Шимон Давиденко

ЧТО СКАЗАЛ БОР

"Млечный Путь" продолжает публикацию наиболее интересных материалов с научно-популярного интернет-портала MEDIUM.

* * *

Крис Ферри

История как последняя универсальная константа

Бор сказал: «Неправильно думать, что задача физики — выяснить, какова природа. Физика касается того, что мы можем сказать о природе».

Десятилетие аспирантских курсов настаивало на том, что физика — это королевская дорога к ней, но вот Бор заменил онтологию риторикой.

Предприятие лингвистическое, прежде чем механическое. Мы торгуем историями. Читая Бора — и тех, кто его читает, — я наткнулся на признание Дэвида Мермина: «У меня были спора-

дические вспышки ощущения, что я, возможно, действительно начинаю понимать, о чем говорил Бор. Иногда это ощущение сохраняется в течение многих минут. Это немного похоже на религиозный опыт, и меня действительно беспокоит, что, если я на правильном пути, то в один прекрасный день, возможно, довольно скоро, все это внезапно станет для меня очевидным, и с этого момента я буду знать, что Бор был прав, но не смогу объяснить почему кому-либо еще».

Страх Мермина был моим приглашением. Он боялся, что прозрение может стать невыразимым. Я воспринял это как вызов, чтобы высказать его в любом случае.

Если физика — это то, что можно сказать, то неспособность сказать это — ошибка, а не особенность.

Каждая история самосогласована и великолепно полезна в своей области и явно несовместима с правилами игры другой.

Это не кризис, который можно разрешить финальным повествованием «победитель получает все». Это метод. Прикладная математика научила меня этому задолго до того, как я признал это вслух. Каждая модель — это мультфильм, который стирает почти все, так что рельефно сияет

одна черта. Мультфильмы противоречат, потому что игнорируют различные детали. Сопротивление воздуха имеет значение в аэродинамике, но это ошибка округления в орбитальной механике.

Спор о том, какая картинка «правдивее», упускает суть. Полезность локальна. Истина — если это слово все еще помогает — контекстуальна. Популярная мифология представляет теории в гладиаторских боях — эволюция побеждает креационизм, относительность побеждает эфир, квантовая теория побеждает классику.

Метафора льстит нашему вкусу к драме, но искажает ремесло. Большую часть времени модели не сражаются — они расходятся. Они отвечают на разные вопросы с разным разрешением, как карты одной и той же береговой линии, нарисованные в масштабах один километр и один сантиметр. Требовать, чтобы они точно совпадали, — это то же самое, что требовать рифму хайку с электронной таблицей.

Для прикладного математика быть неправым — это не недостаток, а профессиональная обязанность. Мы урезаем реальность до нужного размера, проверяем урезанную версию и — когда возникают новые обстоятельства — урезаем ее

по-другому. Гравитация Ньютона была неверной в тот день, когда он ее опубликовал — это также то, как мы запускаем космические корабли к Сатурну.

Неправильность, если ее слегка поносить, — это сила. Это урок, который предвещал Бор, а Мермин почти запечатал молчанием. Физика — это не единое эскалирующее повествование, сходящееся к «Одной окончательной теории». Это антология взаимно противоречивых историй, каждая из которых обоснована проясняемым ею срезом опыта. Прогресс измеряется не конвергенцией, а пролиферацией — расширяющимся набором контекстов, в которых мы можем сказать что-то связное, предсказательное и действенное.

Поэтому я предпочитаю игнорировать предупреждение Мермина. Я отказываюсь от роскоши невыразимого прозрения. Я пишу. Я пишу, потому что единственный тест на понимание — выживает ли мысль при переводе с мозгового гудения на публичный язык. Я пишу, потому что истории, признанные историями, делают нас проворными, готовыми обмениваться метафорами, когда проблема меняет масштаб.

В конце концов, строка Бора — это не мистический коан. Это оперативный совет: следите за

грамматикой. Мир не внутри наших теорий — наши теории внутри нашего разговора. И разговоры расцветают, когда мы принимаем простой, освобождающий факт: мы можем — на самом деле, мы должны — рассказывать много полезных, несовместимых историй одновременно, потому что реальность слишком щедра, чтобы вписаться в один сюжет.

Стихи

Даниэль КЛУГЕР

****

Я к Вам приду, Вы мне расскажете
О том, что было без меня.
Искусно две-три фразы свяжете,
Моё спокойствие храня,

И, разумеется, не спросите,
Где пропадал я столько лет.
Покров молчания набросите
На мой нечаянный секрет.

О, это робкое гадание,
Что было – или быть могло,
Чтоб донесенное предание
На душу камнем не легло.

Рукопожатием обяжете,
Улыбкой легкою маня…
Я к Вам приду, Вы мне расскажете
О том, что было без меня.

РОЯЛЬ (на концерте)

Рояль суров, академичен,
Надменен. Бедный дирижёр
Почти бесплотен, анемичен,
И безутешен. Разговор

Пустой. Ни вдохновенья,
Ни партитуры – жалкий строй.
И дирижёр от огорченья
Прозрачной машет головой.

И как же быть? Ему подвластны
Нагие скрипки, царь-гобой.
А флейты юные – прекрасны,
Но недоволен он собой,

Поскольку вот – рояль не внемлет,
Стоит себе и тихо дремлет,
Презренья полон ко всему,
Что не относится к нему.

И дирижер грызет бумагу,
Втыкает в плотный воздух шпагу.

И возмущаются тотчас
Седой пузатый контрабас,

И знойная спираль валторны,
И удалые флигель-горны,
И арфы, будто динозавры,
И даже звонкие литавры.

Но что рояль? Что этот черный,
Огромный зверь, презренья полный?
Он спит. Ему на все плевать.
Он, правда, просто хочет спать!

ЗА КНИГОЙ

Легко рассыпаются звуки.
Их ловят силки тишины.
И снова усталые руки
Желанья писать лишены.

И я повинуюсь, и даже
Не слышу тяжелых шагов
Измазанных кровью и сажей,
Придуманных кем-то богов.

Таня ГРИНФЕЛЬД
Брунеллески. Флоренция

Когда отстраивался Собор Петра,
Не думал, что придется силой,
Завоевав твои права, отдать
Все этому мундиру.
Когда я шел к тебе нагой,
Во власти жгучего желанья,
Не думал я, что тот огонь
Сожжет меня до основанья.
Я шел как жил, как жил любил.
Я был и страстью, и поэтом.
Я верил Вам. Я Вас любил.
О том не забывал при этом.
О том, что сохнут зеркала…
В недосягаемой той дали,
Что стоило ль повелевать
Тобой, не принося азалий?
Таких, каких и мы с тобой
Не видывали в этом месте,

Как будто бы не нас прибой
Вдруг вынес и оставил вместе
На этом бреге, без людей…
Без языка, без оснований.
И мы б владели миром всем,
Когда бы не было азалий и той,
Что помешала нам, заставив нас
обет нарушить.
И долго думал я б – что сам
Сумел семью свою разрушить.
Но выпал срок – и вот квинтет
Трубит опять о Новой Тризне.
Ну как нам не накликать бед,
Страдая так тут по отчизне.
Привыкши делать все с ранья,
Я снова приношу поэту
Свой труд, и верю, что Она
Оценит в зодчем том Лаэрта.

Прибьюсь опять к ее ногам,
Сломаю Ветхие Заветы…
И вновь отстрою этот Храм.
Верну Флоренцию ей эту.

Данные об авторах

Павел Амнуэль (род. 1944, Баку). Кандидат физматнаук. Автор романов «Люди Кода», «Тривселенная» и др., множества повестей, рассказов, научно-популярных статей и книг. С 1990 г. живет в Израиле. Лауреат премий «Аэлита», им. А. Беляева, им. И.Ефремова.

Леонид Ашкинази. Кандидат физматнаук, окончил Московский институт электроники и математики. Редактор в журнале «Химия и жизнь», преподаватель физики в школе FMSH.RU. Автор нескольких книг, а также статей в периодике.

Дмитрий Аникин (род. 1872, Москва). Предприниматель. По образованию математик. Публикует стихи в различных изданиях, автор стихотворных книг.

Кирилл Берендеев (род. 1974, Москва). Окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Живет в Москве. Автор многих фантастических и детективных произведений. Главный редактор журнала «Эдита».

Ирина Богдановская. Родилась в Санкт-Петербурге, сейчас живет в Хайфе. Образование

высшее гуманитарное, автор двух сборников философской лирики.

Пауль Госсен. Живет в Германии, пишет стихи и рассказы на русском языке. Автор двух книг: «Мальчишник» (2009) и «Звездолеты, монстры и красивые девушки» (2013). Печатался в журналах, а также в русскоязычных изданиях Германии, Франции, Канады и Израиля.

Таня Гринфельд (род. 1961). По образованию художник-график. Пишет стихи. Опубликовала несколько книг стихов и прозы.

Шимон Давиденко (псевдоним), научный журналист.

Евгений Добрушин (род. 1968, Ленинград). Окончил физматшколу, работал на различных предприятиях, в 1990 году репатриировался в Израиль. Автор более ста рассказов, публиковался в израильской прессе и журнале «Техника — молодежи». Опубликовал две книги рассказов.

Елена Ермакова. Окончила Саратовский государственный университет и там же преподавала на кафедре английской филологии. В 2011 эмигрировала в США и получила специальность логопеда. Публикует рассказы в жанрах фэнтези и фантастики.

Александр Каминский. Физик во втором поко-

лении. Живет в Тбилиси. Страсть к физике — это подсознательное и странное желание втиснуть жизнь в формальную схему. Но жизнь сложнее, и автор порой обращается к художественному слову.

Даниэль Клугер (1951 — 2025) . Физик, окончил Симферопольский университет. В 1989 — 1993 годах возглавлял крымский филиал издательства «Текст». С 1994 года жил в Израиле. Автор книг «Убийственный маскарад», «Мушкетер», «Последний выход Шейлока», «Дела магические» и многих других. Автор поэтических произведений и еврейских баллад.

Аркадий Кохан (род. 1957). Окончил Второй Московский медицинский институт. Работал врачом-анестезиологом. В 2023 репатриировался в Израиль. Писал статьи в медицинские журналы.

Ярослав Кудлач (род. 1973, Петрозаводск). С 1992 года живет в Германии. В 2009 году дебютировал в журнале «Наука и жизнь». Опубликовал романы «Последняя фреска» и «Звездный подмастерье», а также рассказы в разных журналах, сборниках и антологиях.

Мюррей Лейнстер (1896 — 1975). Американский писатель-фантаст, автор многочисленных романов и рассказов.

Петр Люкимсон. Род. в Баку. Журналист, заместитель главного редактора газеты «Новости недели».

Владимир Моисеев (род. 1953, Ленинград). Окончил ЛГУ, астрофизик. Фантастику пишет с 1974 года. Участник семинара Бориса Стругацкого с 2000 года. Печатался в журнале «Полдень, XXI век» и альманахе «Полдень». Две номинации на АБС-премию.

Наталия Новаш. Родилась в Минске, окончила медицинский институт, а потом Литературный институт в Москве, работала научным редактором-корректором в журнале «Медицинские новости». Писала в жанре научной и социальной фантастики. Издано более десяти книг.

Ольга Сажина (род. 1977). Окончила Московский авиационный институт. Доктор физматнаук, ведущий научный сотрудник отдела релятивистской астрофизики ГАИШ МГУ, доцент кафедры «Небесная механика, астрометрия и гравиметрия», переводчик, художник-иллюстратор. Автор более 130 научных работ. Публиковалась в журналах.

Анна Самарина. Лингвист, переводчик, синолог. Окончила магистратуру Даляньского университета иностранных языков. Живёт в

Китае. Пишет в жанрах научной и социальной фантастики, мистики.

Дарья Странник (род. 1983. Украина). Живет в Германии. С 2016 года активно участвует в литературных конкурсах. Публикуется в журналах и антологиях.

Сергей Сухоруков (род. 1978). Окончил БГУ, истфак. Пишет в жанре фантастики. Лауреат трех конкурсов Союза писателей Беларуси. Печатался в журналах «Эколог и я», «Уральский следопыт» и других

Елена Шагирова. Родилась в Казахстане. Сейчас живет в Москве. Победитель конкурсов «Новая фантастика 2024» и «Бумажный Слон».